

Евгений Зубарев 2012 Хроники смутного времени

Постапокалипсис

Вы живете сегодняшним днем и не замечаете признаков надвигающейся катастрофы, которая уничтожит не только ваш привычный уклад жизни, но и всю вашу страну. Неожиданные и беспощадные социальные потрясения, описанные от лица обычного российского студента, волею обстоятельств вынужденного пересечь европейскую часть России в самый разгар Великой Смуты, изложены так достоверно и убедительно, что поневоле начинаешь вздрагивать, когда в реальных новостях дикторы вдруг озвучивают цитаты из этого романа. Будем надеяться, эти события так и останутся вымышленными. Но если все же авторский прогноз подтвердится, вы узнаете, что делать, вместе с главными героями романа - троицей обыкновенных питерских парней, победивших там, где отступило целое государство. Впрочем, победа ценой психического здоровья - слишком высокая цена, не правда ли?

Глава первая

Колючий степной ветерок резанул меня по лицу, едка я с натугой открыл массивную дверь обрыдлой казармы — открыл в последний раз в своей жизни.

На плацу как раз проходило построение батальона, и мой выход стал незапланированным и последним актом надругательства над уставом внутренней службы в той его части, которая касалась внешнего вида военнослужащих.

На этот раз мои преступления были много серьезнее расстегнутой пуговицы на воротнике хэбэшки. Дело в том, что х/б на мне не было вовсе, как не было осточертевших вонючих кирзачей, идиотских галифе и даже банального в своей утилитарности солдатского ремня.

Зато на мне имелся светло-серый деловой костюм, белая сорочка, тонкий красный

шелковый галстук и темно-коричневые лакированные туфли. В руках я держал маленький кожаный чемоданчик, которым, не удержавшись, помахал ребятам на плацу.

Шестьсот голов повернулись на знакомый скрип двери, шестьсот пар глаз смерили меня восхищенным взглядом, и из шестисот луженых глоток раздался скорбный вздох: «Бля!»

Комбат повернулся позже всех, зато сейчас смотрел на меня неотрывно, и я видел, как его буквально заливает злобой сверху вниз — от багровых висков и малинового затылка до угрожающе краснеющей груди, видимой сквозь небрежно распахнутую гимнастерку.

Я тоже смотрел на него без особой радости, но и ненависти у себя на удивление не обнаружил. Хотя бывали времена, когда я совсем по-другому представлял себе это прощание. В моих фантазиях фигурировали окровавленные бейсбольные биты, холодная сталь армейского штык-ножа или просто удары ногой прямо в квадратную челюсть майора...

Но сейчас я был спокоен и уверен в себе. Поэтому я всего лишь послал майору воздушный поцелуй, развернулся и пошел стучать каблуками по щербатому асфальту к воротам КПП.

На мой прощальный жест батальон ответил дружным смехом, в котором как-то особенно жалко и потерянно звучала тупая брань комбата.

На КПП вообще никого не оказалось, так что автоматические ворота мне пришлось откатывать руками. Но это были приятные усилия, настолько приятные, что выйдя наружу, я с минуту покатал ворота туда-сюда по направляющим и только потом закрыл их окончательно.

Степной ветер еще раз кольнул меня своим дыханием, а куст перекасти-поля указал направление движения прямо по шоссе, где через каких-то двадцать километров меня ждал аэропорт унылого городишки под названием Элиста.

Я готов был бы пройти эти километры даже пешком, но от подобной жертвы меня оградил Коля-калмык, на время дембельской недели круглосуточно дежуривший у ворот части на своем тарантасе.

Любопытно, что вызвать такси до аэропорта в этом нищем краю стоило всего сотню рублей, а услуги Коли обходились втрое дороже, но никто из дембелей не мелочился — похоже, это незатейливое вымогательство воспринималось как неизбывная дань степному ханству, привычная, понятная и даже исторически объяснимая.

В аэропорту меня ждало первое в моей гражданской жизни огорчение — самолет из Питера до Элисты не долетел, приземлившись на запасном аэродроме в Волгограде. На электронном табло этот казус толковали как случайный, обусловленный некой погодной аномалией, но Коля-калмык, потолкавшись среди знакомых таксистов, принес мне печальную весть об украденном прямо с летной полосы навигационном оборудовании, без которого сажать пассажирские самолеты оказалось затруднительно. Насколько затруднительно, что летчики всех трех рейсов, запланированных на сегодня, отказались выполнять посадку и направляли машины в Волгоград — тоже не сильно богатый край, насколько мне известно. Но вот же чудо — аэродромное оборудование с территории, закрытой двумя независимыми службами охраны, там воровать еще не научились.

Коля тут же уехал, получив от меня три обещанные сотни, а я направился в аэропортовскую гостиницу, называвшуюся, естественно, «Полет».

Хмурая женщина за стойкой с подозрением взяла мой военный билет, который я предъявил вместо паспорта, и, подняв усталое лицо, сказала:

— Вообще-то солдат селить не положено. Распоряжение администрации аэропорта.

Я мягко улыбнулся, и она — тоже несмело — улыбнулась в ответ:

— Только вот на солдата вы совсем не похожи. Такой представительный мужчина...

Я посмотрел на нее повнимательнее. Если бы не паутинки морщинок возле век и уголков губ, я бы дал ей лет тридцать. Но предательские морщины, а еще выпцветшие, тоскливые, совершенно пустые, безжизненные глаза говорили за себя — ей было не меньше сорока пяти, и эти годы она прожила нелегко. Кокетство в сочетании с подобной

внешностью воспринимается только к попрошайничеству, а я принципиально никогда не даю ни нищим телесно, ни убогим душой.

Поэтому я сделал серьезное лицо, достал пятисотенную купюру и, вложив ее в военный билет, снова протянул его портье.

Она тоже погасила улыбку, по-деловому выудила купюру, не постеснявшись изучить ее на свет, потом спрятала в карман фирменной курточки, после чего сухим, равнодушным голосом сказала:

— Сутки — двести пятьдесят рублей. Если можно, дайте без сдачи.

Я снова достал деньги и дал ей две с половиной сотни без сдачи, а она вписала меня в какую-то засаленную амбарную книгу и выдала ключ.

Потом женщина с некоторым колебанием выложила на стойку мой военный билет.

— Вообще-то мы документы возвращаем только после осмотра комнаты... — сказала она извиняющимся тоном. — Но у вас самолет на Петербург может прилететь в любой момент. А ночью здесь будет закрыто.

Я молча смотрел на нее, ожидая вердикта.

— Берите, — наконец махнула она рукой. — Только постарайтесь, пожалуйста, не воровать наши полотенца и вешалки для брюк.

Я забрал со стойки свой военный билет и спросил на прощание:

— А как вы угадали, что я лечу в Питер?

— Так ведь в военном билете написано: Антон Пожарский, призван Петроградским райвоенкоматом города Санкт-Петербурга, — на память процитировала она, недоуменно пожав острыми плечами.

Я хлопнул себя по лбу, кивнул и пошел на второй этаж, к своим первым на гражданке отдельной душевой, кровати и туалету.

Там я с сожалением разделся, потом голый прошел в душ и мылся в нем не меньше часа, наслаждаясь самим фактом безраздельного владения замкнутой от всех площадью, где была горячая вода, мыло и чистые до хруста полотенца. И где не было этих изнуряющих запахов потных ног, преследующих меня все эти двадцать четыре месяца. «Пусть моется тот, кому лень чесаться!» — помнится, советовал нам ротный, и он вовсе не шутил.

Два года я, как умел, встречал воспеваемые уставом ВС РФ тяготы воинской службы, хотя мой скромный вес не предполагал наличие удара килограммов в двести, как хотелось бы. Зато мой цинизм и уверенность в своей правоте делали меня смелым там, где трусили те самые пресловутые качки весом под сто двадцать килограммов.

Меня в нашем батальоне, конечно, не боялись, зато уважали — и наглые кавказцы, и вальяжные сибиряки, и простые до изумления кубанцы. Это помогло выжить там, где погибали чемпионы юношеских соревнований по вольной борьбе — ведь они умели бороться только на татами, по правилам и под присмотром честного судьи. Поэтому они быстро сдавались, когда какой-нибудь наглый Шамиль с десятком таких же наглых кунаков принимался бить их ночью, без судьи и без правил.

А я выживал — потому что приходил к этому Шамилю тоже ночью, пусть один, зато со своей циничной уверенностью, и, слегка придушив описавшегося с ночного страха молодого человека, говорил ему:

— Я завтра снова приду и доделаю это. Если ты, урод, от меня не отвянешь.

Таких эпизодов за годы службы у меня и было-то всего два, причем оба взорвали мою психику в первые же месяцы. Один случился с тщедушным, но отчаянным дагестанцем, заправилкой целого землячества таких же дерзких, как и он сам, молодых людей, другой — с огромным, но тупым сибиряком, не меньшим ублюдком, чем его кавказский антипод. Оба ублюдка, что интересно, «отвяли» после первого же моего ночного визита. Но я знал — если бы не «отвяли», я бы их действительно придушил. И они это тоже знали. Поэтому, собственно, и «отвяли» — ведь ублюдки тоже хотят жить. Собственно, последнее открытие и сделало меня уважаемым человеком в батальоне.

Но если бы в батальоне прознали про мою тщательно скрываемую слабость, мне настал

бы неминуемый конец — зная слабое место человека, вы можете управлять им так, как считаете нужным.

Я не выносил запаха немытого тела — меня мучило от этого запаха так, что я терял над собой всякий контроль. Однажды, еще будучи «солобоном», то есть абсолютным парией в солдатской иерархии, я, сам от себя не ожидая, ударил «деда» за то, что он швырнул в меня своей грязной портянкой. Потом я с неделю по десять раз на дню мыл руки в ротном умывальнике, пытаясь забыть жуткий запах грязи и унижения, но этот запах упрямо сопровождал все последующие два года моей скучной казарменной жизни... А тот дед, кстати, затем повесился в ротной каптерке — но вовсе не из-за моей отчаянной выходки, а после письма с гражданки, в котором извещалось об измене оставленной без присмотра подружки-пэтэушницы.

Так что сейчас я не просто мылся в гостиничном душе — я смывал с себя запахи двух лет тщательно маскируемых страхов, двух лет идиотских, но строго уставных унижений, двух лет бессмысленных и страшных соревнований на выживаемость среди самых невероятных человеческих отбросов, достоверно описать которые не сможет никакой, даже самый талантливый писатель. Такие описания под силу только психиатру или патологоанатому, но эти тексты, к сожалению или счастью, не рассчитаны на широкую публику. Оно и правильно — публике нельзя расстраиваться, иначе она потом может сдурю проголосовать за какого-нибудь недодушенного мною юношу, всерьез приняв его за героя очередной, самой распоследней справедливой войны.

Полностью очищенный от армейской скверны, я вышел из душа в свою темную комнату и тут же увидел за окном идущий на посадку самолет.

Я быстро, буквально за сорок пять секунд, оделся, собрал чемоданчик и выскочил в коридор. Там суетились десятки людей, и я понял, что могу отправляться в аэропорт. То есть мне пришло в голову, что, даже если это будет самолет не в Петербург, а в Москву или какой-нибудь Волгоград, я все равно улечу. Потому что это все равно лучше, чем сидеть в дыре под названием Элиста и ждать здесь чего-то неизбывного — вроде визита местных шлюх или, что одно и то же, визита местных милиционеров на предмет какой-нибудь проверки регистрации или соответствия утвержденному сертификату фенотипа.

Не пугайтесь — слово «фенотип» я вспомнил совершенно случайно, по ассоциации, просто представив себе, как должно выглядеть в мае здание главного корпуса Политехнического института. Дело в том, что именно в мае меня из Политеха и выперли — с четвертого курса факультета биологической физики, не допустив до сдачи летней сессии. Выперли безжалостно и жестко, как и полагается в Северной столице, всего лишь за скучную тупость и неуспеваемость, зато навстречу интересным армейским будням.

Слово «фенотип» я выучил именно там, в Политехе. И это слово мне так понравилось, что я решил вернуться туда, в альма-матер, хотя, конечно, небольшую обиду на самый мой любимый университет я все-таки затаил. Мне показалось, что будет правильным, как только я доберусь до Питера, написать на фронтоне главного корпуса очень важный для всех последующих поколений студентов лозунг: «Фирсов — мудака!»

Профессор Фирсов — это очень хороший, наверное лучший в мире, специалист по биохимии. Он меня и вынес на зимней сессии два года назад ногами вперед. Причем так вынес, что несло меня аж до Республики Калмыкия, где очень немногие аборигены знают, что такое «фенотип». А те, что знают, те молчат. Ведь за такие слова здесь могут и в морду дать — не сочтите, конечно, за ксенофобию и расизм.

К примеру, в моем батальоне не нашлось ни одного знатока этого волшебного слова. Я сразу подумал, что это неспроста, и приготовился к худшему. И, как выяснилось, не зря. В общем, спасибо товарищу Фирсову — что называется, предупредил.

Предвкушая встречу с городом моей юности, я проделал все необходимые для посадки в самолет манипуляции совершенно автоматически, поэтому, оказавшись вдруг в самолете, привычным движением правой руки коснулся ремня с левой стороны брюк. Там у меня, в небольшом кожаном чехольчике, всегда висел швейцарский нож — набор разнообразных

инструментов, выручавших меня по пять раз на дню.

Набор следовало переложить в багаж, чтобы не конфисковали при личном досмотре, но я забыл это сделать.

С изумлением оглядевшись по сторонам, я понял, что действительно сижу в салоне пассажирского самолета. Значит, досмотра не было. Впрочем, если у них тут со взлетной полосы крадут стокилограммовые лампы навигационной системы, что говорить о личном досмотре. Тем более что ножик я нес в самолет, в дом, так сказать, а не отдираю нужную деталь от обшивки, чтобы перетянуть ее наружу.

Самолет оказался полупустым — кроме парочки таких же, как и я, озадаченных свободой дембелей с эмблемами инженерных войск, я заметил с десятков хорошо одетых мужчин и женщин. Все они держали на руках грудных младенцев, завернутых в казенные грязно-серые одеяла. Взрослые оживленно болтали по-немецки, и я понял, что это киндер-круиз — визит за калмыцкими детдомовскими детишками. Больше ничего, насколько мне известно, Калмыкия не экспортирует — не сочтите опять же эту данность за ксенофобский экстремизм. Впрочем, что я пристал к несчастной республике — вся Россия, кроме впечатлений, мало что производит.

По салону быстро прошла одинокая проводница в таком измятом костюме, что сомнений не оставалось — предыдущую ночь она спала именно в нем, не раздеваясь.

Сразу после этого самолет вздрогнул и покатил по взлетной полосе. Просить пассажиров пристегнуться или проводить обязательный инструктаж, как это обычно делают на других авиамаршрутах, здесь не стали. И правильно — лично меня подобные инструктажи только расстраивают, лишняя раз напоминая о бренности всего живого...

Место рядом со мной осталось пустым, и я, подняв подлокотник, превратил эти два кресла в спальную полку. Третьего места не было — самолет назывался ЯК-40, а не «Боинг-747».

Сняв туфли и пиджак, я улегся головой к иллюминатору и сразу заснул. Уже проваливаясь в сладкую дрему, я вспомнил, что обещал позвонить Ленке, но тут же решил, что смысла в этом нет никакого — все равно с трехлетней девицей на руках встречать меня она не поедет, да и не нужно это вовсе. Адрес собственной «хрущевки» я еще помню...

Передо мной немедленно проплыло цветное воспоминание о нашем веселом зеленом дворике, в котором жизнь была ключом и днем и ночью, и я окончательно провалился в глубокий спокойный сон.

Глава вторая

Простые житейские радости вроде возни на диване с дочкой или приготовления яичницы с беконом на собственной кухне, а не на вонючем батальонном пищеблоке превратили первые две недели моего возвращения в сплошной праздник. Когда, почти год назад, я приезжал в отпуск, настроение было совсем иным — я считал дни, оставшиеся до окончания отпуска, и взвинтил себя до такого состояния, что мог послать на хрен случайного прохожего за невинный вопрос «Который час?». Мне казалось, что окружающие задают его специально, чтобы ткнуть меня носом в возмутительное обстоятельство — я скоро отбываю обратно в убогие калмыцкие степи, а нормальные люди остаются здесь, на свободе, любить друг друга, растить детей, делать деньги и вообще жить в свое удовольствие.

Теперь все было иначе — я прибыл навсегда, и лишь ночные кошмары иногда возвращали меня в ненавистную солдатскую казарму.

Явившись в родной Политех, я застал там все то же суетливое броуновское движение худосочных очкастых мальчиков и голенастых девочек, на которых я теперь смотрел со снисходительностью человека, пережившего, как минимум, авиакатастрофу. Ничего страшнее того, что уже было, впереди не ожидалось. Ни при каких обстоятельствах.

Вооруженный этим тайным знанием, я теперь искренне улыбался, улавливая обрывки студенческих разговоров о «невыносимом сопромате», «жуткой депрессии» или «страшном

коллоквиуме». Полураздетый комбат с пистолетом в руках, в пьяном безумии вбегающий в ночную казарму с криком «Убью!», — вот что действительно страшно, потому что убить не убил, но покалечил тех, кто не успел тогда выскочить в окна. Я, кстати, успел, но здорово потянул лодыжку и потом два месяца хромал. Аккурат до завершения работы окружной комиссии, которая так и не нашла в нашей части никаких нарушений. Разве что типичных для любого батальона три-четыре самоубийства в год.

А вы говорите — страшный коллоквиум. Тьфу!

Документы на восстановление в университете у меня приняли без особой охоты, но и без возражений — просто строгая женщина в деканате напомнила мне, что второго шанса уже не будет.

— Не думайте, что, если вы где-то там воевали, к вам здесь будут проявлять какое-то снисхождение. Коммунизм давно закончился!..— сообщила она, грозно сверкая оправой модных очков.

Я сказал, что ничего такого и не думал, получил новенькую зачетку и еще какой-то студенческий бумажный инвентарь. После чего поехал в Управление к Васильеву — Валера сегодня заступал дежурным по отделу, так что мы могли хоть всю ночь рассуждать о перспективах нашей грешной жизни, попутно полоская горло чем-нибудь крепким.

Пять станций метро я проехал быстро, а вот двести метров до здания Управления пришлось долго форсировать по газону — на тротуаре молодцы в фирменных строительных куртках перекладывали плитку, бодро осваивая очередной бюджет.

Увы, по мягкой, податливой майской земле газона я пошел совершенно зря. Весна в Петербурге — особое время года, воспетое сотнями поэтов, когда собачье дерьмо на городских газонах уже растаяло, но еще не засохло. В результате я вляпался так, что даже привычные ко всему омовцы на посту охраны меня бы наверняка не пропустили. Да я бы и сам себя сейчас никуда не пропустил.

Выбравшись на тротуар, я сделал несколько шагов к высоким дверям Управления, оставляя за собой омерзительного вида следы, но, не доходя до входа метров десяти, начал затравленно озиаться в поисках спасения.

Спасение пришло, точнее, приехало в виде Игоря Павловича Минина, припарковавшего свою «девятку» возле самых моих грязных ног.

Он вылез из машины, радостно скалясь, быстро захлопнул дверь и пошел ко мне с распростертыми руками, больше похожий на циркового медведя, чем на капитана милиции в штатском.

— Стой, Палыч! Воду носи. Ноги мне будешь мыть, — сказал я ему вместо «здравствуй», и Палыч тут же остановился и озадаченно уставился на мои туфли.

Потом лицо его прояснилось, и он укоризненно спросил:

— В дерьмо вляпался? Ну конечно — свинья везде грязи найдет!

Игорь вернулся к машине, открыл багажник и вытащил оттуда пластиковую канистру с водой. Передавая мне воду, он брезгливо морщил нос и показывал пальцем, куда мне следует отойти от его «девятки» на время омовения.

Я не стал спорить, потому что знал: моя брезгливость и чувствительность к запахам это просто ничто по сравнению с обонятельными рецепторами капитана Минина. У него на этой почве даже невроз был. Скажем, после любого рукопожатия Палыч совершенно явным образом нервничал и успокаивался, лишь изыскав возможность вымыть руки с мылом. Женщин себе он тоже выбирал по запаху, и горе было той, что накануне свидания вкусила блюда с чесноком или дышала перегаром. Он расставался с такими неромантичными особами немедленно. Даже если встреча проходила на пороге его собственной квартиры, Он просто хлопывал дверь перед носителем мерзкого запаха и уходил в ванную комнату — мыться.

Разумеется, женат он не был — ведь тогда ему пришлось бы с утра до вечера терпеть присутствие посторонних запахов в собственном доме. Это, даже при феноменальной выдержке Палыча, было решительно невозможно.

Про собак, кошек, детей, волнистых попугайчиков рассказывать или сами уже все поняли?..

Короче говоря, я мыл туфли весьма тщательно, ибо рассчитывал вернуться домой на машине Минина. Он тоже предполагал нечто подобное, поскольку стоял рядом и внимательно наблюдал за процедурой омовения, изредка указывая — на какую-нибудь допущенную мной небрежность.

Я извел все двадцать литров воды, и только тогда Па-лыч забрал у меня канистру, бросив ее на задние сиденья, чтобы снова не возиться с багажником.

— Ты к Валерке? — спросил он, когда мы вместе вошли в подъезд. — Я тоже. У меня к нему дело. К тебе, кстати, тоже... — Он смерил меня задумчивым взглядом, для чего даже остановился на мгновение.

У Валеры было накурено и тесно. Несколько оперов сидели вокруг небольшого стола, до краев заваленного ржавыми винтовками, пистолетами и тому подобными интересными предметами, и составляли опись, по очереди выкрикивая приметы стволов невысокому крепышу с листком бумаги в руках.

В двух углах помещения шел одновременный допрос двух испуганных юношей лет двадцати. В третьем углу мы увидели Валеру — он стоял, уперев руки в бока, и орал, надсаживаясь, на коренастого небритого мужика, сидевшего на корточках спиной к стене. Лицо у мужика было разбито, и, когда он снова развел руками в ответ на яростный выкрик Валеры, я увидел, чем разбивали лица в этом доме — Валера раздраженно поправил сползающие очки с толстенными линзами и без замаха вlepил правым ботинком прямо в челюсть небритому мужику. Мужик охнул и закрылся руками.

— Командир, чё ты торкаешь? Чё ты меня торкаешь... — скулил он, затравленно поглядывая из-под скрещенных ладоней на Валеру.

— Я тебя сейчас так торкну, сука, что ты, блядь, вообще забудешь великий и могучий, — пообещал Валера, яростно сопя на него сверху вниз.

С Валерой, как и с Палычем, я познакомился при крайне неприятных для себя обстоятельствах — меня ограбили на радиорынке, где я, студент-первокурсник, подрабатывал перепродажей всякой электронной ерунды. Ограбили меня вечером — забрали остатки нехитрого товара и выпотрошили все карманы. Но самое неприятное — отдубасили при этом так, что очухался я в больнице. Причем только на четвертый день, не помня даже своего имени.

Капитан милиции Васильев лежал в кровати рядом — ему, как и мне, пробили башку и сломали еще что-то не очень существенное в районе груди. Оказалось, Валера видел, как меня пасли, и решил, как они пишут в рапортах, «отработать простой материал на месте». Кем он себя мнил, Ван Даммом или Чаком Норрисом, я уж не знаю, но досталось ему даже больше моего.

Палыч носил Валерке пиво и апельсины и с подозрением косился на меня. Потом, когда меня отпустило и мозги немного прояснились, всех нас очень сблизило то обстоятельство, что мы оказались коллегами-физиками: я — студент физико-механического факультета, а Палыч с Валеркой — его выпускники. Правда, с работой им не повезло до крайности — весь тот выпуск физиков-ядерщиков оказался невостребованным, зато хорошо сработала кадровая служба питерского угрозыска. Валеру и Игоря заманили неплохими на тот момент окладами, а потом они, что называется, втянулись.

Впрочем, пару раз в месяц оба молодых офицера обязательно захаживали в клуб «Политехник» — бывшие выпускники слушали там свободные лекции интересных людей, а потом оставались попить пивка и подискутировать насчет устройства мироздания. Особой популярностью пользовались темы, концептуально раскрывающие важнейшие вопросы бытия: дискретности времени, сингулярности Вселенной или материальности информации. Впрочем, о холодном термоядерном синтезе там тоже можно было поболтать, только не сильно увлекаясь — оппонентов у этой технологии в среде бывших и работающих питерских физиков все-таки было больше, чем где-нибудь в Сорбонне. Поэтому могли и обидеть —

исключительно вербально, разумеется.

Я на этих диспутах не просто бывал — я их организовывал, и там, в клубе, наша странная дружба неожиданно окрепла и получила некую смысловую нагрузку. Мы все чаще обсуждали не только принципы устройства мироздания, но и поразительные свойства человеческой психики, заставляющие одних людей совершать преступления, а других — противодействовать им.

Палыч первым поздоровался с Валерой. Он тронул его за плечо, потом слегка отодвинул в сторону и сказал:

— Ты неправильно ставишь вопрос. Без замаха. А таких уродов надо с замахом спрашивать.

Палыч тут же развернулся и влепил в мужика страшный удар с левой ноги.

Мужик со смачным шлепком вошел в стенку, после чего упал навзничь, потеряв сознание. Впрочем, уже через секунду он поднялся на ноги и, придерживая отбитую грудь, сказал новому экзекутору с нескрываемым уважением:

— Все понял, командир! Больше вопросов не надо. Зови дознавателя — начинаю свой рассказ.

Валера устало вытер лоб и крикнул в коридор:

— Елена Анатольевна, пройдите сюда, пожалуйста. Гражданин Мигуля готов покаяться во всех смертных грехах...

Гражданин Мигуля быстро поправил его, с тревогой глядя на Палыча:

— Не во всех, начальник! Две мокрухи в Песочном беру, а бабу на пляже шить мне не надо. Она не моя, мамой клянусь! Это ж васюкинские щенки студентку оприходовали...

Палыч взглянул на Валеру, выразительно шевельнув широкими плечами, но Васильев раздраженно махнул рукой:

— Не надо. Студентка, похоже, и впрямь не его. Местные постарались.

В кабинет вошла маленькая, но стройная девушка в светлых джинсах и ослепительно белой блузке. Она встала посреди всего этого ужаса, прижимая папку с бумагами к своей довольно выдающейся груди, и пискнула тоненьким голосочком:

— Ну и где я сяду, бля? Васильев, зараза, расчищай мне место. Хотя бы вон там!

Она указала на угол, где действительно еще можно было бы сесть вдвоем, и ей быстро освободили часть стола, смахнув уже осмотренное оружие на пол. К столу приставили стул, а рядом, на корточках, уселся задержанный, с нескрываемым восторгом разглядывая стройные ножки юного дознавателя.

Валера недовольно посмотрел на нас с Палычем:

— Чего приперлись? Не видите, работы полно...

Я отвернул полы пиджака и показал ему две фляжки с коньяком, уютно устроенные в каждом из внутренних карманов.

— А-а-а,— сказал он, оттаивая на глазах. — Ну, тогда пошли...

Мы направились к известному здесь закутку возле балкона, где обычно квасил трудовой милицейский народ, когда кабинеты были заняты.

В закутке была раковина, что сильно упрощало процедуру сервировки стола, точнее, подоконника — стола здесь не было вовсе, зато подоконник был очень удобный: широкий, ровный и даже сравнительно чистый.

Игорь тщательно, с мылом, вымыл три стакана, брезгливо отобрав их из общей кучи, а я достал первую фляжку и сразу разлил ее всю, без остатка. Игорь тут же взял свой стакан и отлил из него половину мне и Валере:

— Я же за рулем, куда столько!

— Ну, за здоровье! — Васильев чокнулся с нами так старательно, как будто от этого и впрямь зависело чье-то здоровье. Я подумал, что пить за здоровье — это все равно что воевать за мир, но спорить не стал.

Мы выпили, и Васильев спросил, тыча в Игоря пустым стаканом:

— Тошка приехал выпить. Скучно человеку после двух лет воздержания, это понятно.

А ты-то чего приперся?

Палыч согласно кивнул и поднял вверх указательный палец: «О!»

Мы смотрели на него с любопытством, пока он выуживал из кармана куртки небольшую брошюру. Оттуда он извлек сложенный вчетверо кусок карты.

Пока Палыч разворачивал карту, я взял в руки брошюру и, потрясенный, вслух прочитал ее название:

— Оленский С. Ф., «Некоторые типичные способы совершения кражи личного имущества пассажиров общественного транспорта: теория и опыт».

— Это в каком смысле «теория и опыт»? — спросил я. — Наука наконец-то занялась изучением криминала?

— Или криминал вышел на высокий научно-технический уровень, — тут же откликнулся Васильев, тоже с любопытством разглядывающий научный труд в моих руках.

Игорь раздраженно выхватил у меня брошюрку и убрал обратно в карман.

— Сюда смотрите, балбесы,— строго сказал он, указывая в какую-то точку на карте. — Это дом четыре по улице Очаковской. Здесь была районная поликлиника. А будет — стоматологический центр «Мада».

— А нам-то с тобой не по фигу, что там будет? — встрял Валера, которого после стакана коньяка заметно развезло.

— Нет! — отрезал Игорь. — Нам денег дадут, если мы сможем до зимы это здание охранять.

— А что с ним может случиться? — Я задумчиво тронул рукой вторую фляжку: доставать — не доставать?

— Доставай. — убедил Валера, заметив мои колебания.

Я плеснул по стаканам еще коньячку. Много наливать не хотелось — Валере и так было хорошо, а Палыч все равно уже больше не выпьет...

— В «Маде» знакомый работает. Объяснил, что дом они у города выкупили, но проект реконструкции еще не готов. И закончат только к концу года. А поликлинику чиновники уже выселяют — там через два дня, к пятнице, никого из персонала не останется.

— Ну и?.. — Васильев рассеянно протирал очки об свой и без того замызганный пуловер.

— Короче говоря, нанимать ЧОП им стало неохота, потому что везде в среднем просили шесть-семь штук. А я сказал, что закрою этот дом за три штуки в месяц.

— Закрывай,— согласился Валера, допивая свой коньяк. Игорь нехорошо поглядел на приятеля:

— Закрывать будете вы!

— Мы?—изумился Валера. — А денег-то сколько дают?

— Блин, Валера, ты что, считать не умеешь? — разозлился Палыч. — Всем по штуке, работаем по очереди, получается сутки через двое. То есть за каждые десять суток дежурства — по тысяче долларов в рыло.

По-моему, неплохо. Я тоже подумал, что это неплохо, тем более что у меня вообще никакой работы на горизонте не ожидалось и я только собирался приступить к ее поискам. Ленка не работала, ибо сидела с дочкой, так что жили мы на мою семейную заначку — проданную после смерти матери дачу в Комарово. Деньги, помню, мне тогда дали неплохие, но это было три года назад, сразу после рождения дочки, и от этих денег уже почти ничего не осталось.

— Я согласен,— поторопился сказать я, пока Палыч не передумал.

— Тысяча — это круто. Четыре моих оклада, — кивнул Валера. — Только меня начальство с говном съест, если я десять раз в месяц на утренние планерки являться не буду.

— Я об этом думал, — нетерпеливо сказал Игорь. — Будешь брать на себя выходные дни. Или мы с Тошкой тебя будем на это время подменять, по очереди.

— Ты с Тошкой? — удивился Валера. — А на твои планерки кто ходить будет?

Палыч поставил свой стакан передо мной, и я, понятливо достав фляжку, разделил на

всех остатки коньяка. Мы выпили, и Палыч, крикнув, сказал:

— Я увольняюсь.

Мы с Валерой подняли на него удивленные лица, а он, сердито глядя на нас, сказал с вызовом:

— Да, увольняюсь! Заколебали потому что! Платят триста долларов, а требуют работы так, как будто триста тысяч каждый день выкатывают! Я сам пожрать не могу по-человечески, не то чтоб еще бабу какую-нибудь в ресторан сводить. Заколебала меня такая жизнь!..

Палыч три года назад перевелся в РУБОП, а там в последние годы и впрямь работы только прибавлялось. Так что эмоции приятеля мне были понятны. Непонятно было, чего он взвился именно сейчас — у него и раньше работа была не сахар.

— Короче, меня вчера полковник Дагашев вызывает, говорит, пиши объяснительную. Откуда у тебя, честного капитана милиции, автомобиль ВАЗ-2109. С нашей зарплаты, мол, такое не купишь.

Васильев разинул рот от возмущения:

— погоди, а разве сам Дагашев не на «Лексусе» передвигается?

— На «Лексусе», конечно. Не на трамвае же, — меланхолично откликнулся Игорь, изучая подозрительные пятнышки на своем стакане,

— Тогда чего ему надо? — встрял я.

— Племянник у него из Махачкалы приехал. На работу надо устраивать, а нормальных офицерских мест в штате РУБОПа нет, — объяснил Палыч.

— А чего бы его племяннику к нам в «убойный» не устроиться? — ухмыльнулся Васильев. — У нас, к примеру, полштата некомплект.

— Ну, он же не работать сюда приехал, — отмахнулся Игорь, собрал все стаканы и поставил их в раковину, давая понять, что разговор закончен.

Тут же в коридоре раздался дробный стук каблучков, а потом послышался возмущенный женский писк:

— Валерий Васильевич, вы здесь? Там Мигуля, падла, опять хамит!..

Валера шумно вздохнул, покосился на пустые фляжки и послушно побрел к выходу.

Мы расстались у дверей его кабинета, из-за которых опять раздался уже знакомый гонористый бас:

— Ты чё меня торкаешь, командир?! Нет, чё ты меня торкаешь?!

Потом послышались сочные шлепки и глухие удары попеременно с матерными вскриками.

В машине Палыч все больше помалкивал, лишь изредка бросая вопросы о моем нынешнем обустройстве и тяготах неуставной семейной жизни. Я рассказал, как дочка будит меня по утрам — повадилась, вредина, искать мои пятки под одеялом и щекотать их, предварительно усевшись на ноги сверху, так что остается только истерично хохотать и жалобно просить пощады.

По поводу денег Палыч тоже спрашивал — он вдруг предложил мне пару тысяч долларов в долг. Дескать, лето впереди, отправишь Ленку с Лизкой в какое-нибудь недорогое зарубежье недели на четыре-пять. Вроде в Болгарии на эти деньги все лето жить можно.

Я подумал и согласился — от дачной заначки оставалось чуть меньше пяти сотен баксов, так что про теплое море мы даже и не мечтали.

— Я, конечно, не полковник Дагашев, но позволь спросить — откуда дровишки? — спустя минуту все-таки полюбопытствовал я, рассматривая небритую и вечно чем-то недовольную физиономию приятеля.

— Все законно, не переживай... — Палыч поворачивал машину на Каменноостровский проспект, это было уже совсем рядом с моим домом.

Я недоверчиво хмыкнул, и он продолжил:

— Я последний год много по частным заказам работал, ну, типа частного детектива.

Кое-что заработал. Теперь вот хочу свою охранную контору открыть.

Это объяснение меня вполне удовлетворило. Не то чтобы я был каким-то занудным моралистом, но слухи о способах заработка офицеров угро ходили самые причудливые. А за два года люди, бывает, меняются до собственной противоположности.

Мы подъехали к большому, новому, построенному за время моей армейской службы, супермаркету, и я тронул Игоря за плечо:

— Тормозни здесь, мне еще продуктов домой купить надо.

Игорь рассеяно посмотрел на меня, потом на витри ну супермаркета и неожиданно сказал:

— Пошли вместе. Мне тоже надо всякой ерунды купить.

Мы прошли сквозь огромные стеклянные двери, смиренно раздвигающие свои стеклянные створки при одном лишь приближении человека, а потом поехали на эскалаторе вверх, в продуктовый зал, занимающий весь второй этаж.

Мы успели пройти ползала, двигаясь к стойке с замороженными продуктами, когда вдруг стало абсолютно темно — будто треснули по макушке ломиком и упаковали в мусорный мешок.

Я прошел по инерции пару шагов и с разбегу ударился лбом об полку с товарами. Что-то твердое и угловатое полетело сверху мне на голову, а потом и за спину, и я услышал, как сзади возмущенно ругнулся Палыч:

— Что за дерьмо ты там на меня роняешь!..

— Хотел бы я это знать... — пробормотал я, нашаривая на поясе свой любимый швейцарский ножик. Там, помимо прочих полезных приамбасов, имелся маленький светодиодный фонарик.

Я осветил вокруг себя, но мощности фонарика хватило лишь на мои ноги да на встревоженную физиономию Палыча.

— Сходили, понимаешь, за хлебушком, — снова ругнулся Игорь.

Темень вокруг была абсолютной, и мне тоже стало не по себе.

— Надо выбирать. — Я показал лучом, куда следует двигаться. —

— Ну ты и дятел! — возмутился Палыч. — Мы же оттуда пришли!..

Он замахал рукой совсем в другом направлении, и я начал яростно с ним спорить, пока вдруг не услышал странные звуки.

За соседними полками раздавалось отчетливое чавканье и хруст. Я осветил туда, целясь в проемы между стеллажами, и увидел худощавую женщину в строгой светлой блузке. Женщина держала в руках открытую банку икры и ела ее, зачерпывая пальцами. Рядом стоял мужчина, видимый мне только со спины, но он тоже ел — это было понятно по громкому чавканью и шевелению его приплюснутых ушей.

Мужик обернулся на свет и крикнул мне с набитым ртом:

— Ну, и хули ты тут светишь?! Прометей, бля, выискался!..

Палыч заржал и взял меня за плечо:

— Пошли отсюда. Здесь через пару минут такое начнется!

Он оказался прав — началось такое, что мне стало стыдно за принадлежность к роду хомо сапиенс.

Сотни невидимых, но очень активных покупателей на ощупь вскрывали деликатесы и не ели, а именно жрали их, торопливо заталкивая руками в рот непослушные кусочки. Обмениваясь короткими восклицаниями, группы граждан металась между полками, сообщая друг другу об открытии очередного месторождения деликатесов или выражая горечь попаданием на полки с макаронами.

Справа, среди стеллажей со спиртным, и вовсе происходила вакханалия — в горлышко одной из бутылок с чем-то крепким вставили фитиль и, используя эту бутылку как источник ясности, находили самые дорогие и элитные напитки. Лучше всего шли коньячок с виски, потому что открывать французские вина могли лишь немногие запасливые счастливики, имеющие при себе штопор.

Потребители спиртного вели себя намного более развязно, чем тихо чавкающие пожиратели деликатесов. Правда, за те несколько минут, что мы с Палычем прибирались к выходу, раскрепостились все — целые делегации мародеров обменивались дружескими визитами, меняя награбленные продукты на спиртное и наоборот. Люди перестали стесняться — повсюду слышались разудалые крики и женские визги:

— Люди, кушайте, но только не подавитесь!

— Это я удачно зашел!..

— Икра-то просроченная! Горчит! Вот суки, а!..

— Ешь ананасы, рябчиков жуй!

— Товарищи, ешьте буржуазию!

— На вынос не получится — там архаровцы стоят, обыскивают...

Действительно, на выходе между рядами касс выстроились несколько человек в черной форме с фонариками в руках. Они были очень рассержены и повторяли выходящим из зала пьяным и сыто икающим посетителям одно и то же:

— Вынос продуктов из зала будет рассматриваться как кража! Ничего брать не разрешается! Выходите, не задерживайтесь!

Ближайший к нам охранник осветил нас с Палычем и изумленно закричал на весь зал:

— Трезвые?!

Он начал было ощупывать свободной рукой наши тела, но Палыч тут же брезгливо отпихнул его и сказал:

— Не суетись. Мы ничего не взяли.

Охранник слегка набычился, встал в проходе и начал осматривать нас с помощью фонаря:

— То, что не брали, я вижу. Но почему не пили?

Палыч молча протиснулся мимо него к выходу, а я вслед за ним, бросив охраннику на прощание:

— Сифак лечим, чего непонятного.

— А-а,— посочувствовал охранник. — Вот ведь не повезло!

Мы сели в машину и, пока она заводилась, молча смотрели на темный куб супермаркета, из которого доносились слышимые теперь уже на улице радостные крики и даже песни в хоровом исполнении.

— Анекдот в тему знаешь? — вдруг спросил Палыч, заводя машину.

Я пожал плечами, и он продолжил, выруливая от обочины на темный проспект:

— Два журналиста жрут на халявном фуршете. Ну, метут все подряд, только писк за ушами стоит. А третий стоит, не ест ничего, не пьет. Они его спрашивают — ты чего, коллега, заболел? Он им отвечает — да нет, просто я ем, только когда мне хочется. Тогда они ему в ответ, хором — ну ты прям как животное!..

Я засмеялся, а Палыч, не отрывая взгляда от дороги, грустно заметил:

— Сколько раз такое вижу, каждый раз удивляюсь — как же люди недалеко ушли от животных.

— Где это ты такое уже видел? — удивился я.

— Где я видел, как ведут себя люди, дорвавшись до халявы? — переспросил Палыч. — да я всю жизнь за этим наблюдаю! От однокурсников на овощебазе до чиновников, которые циялят госбюджет.

— А-а, ты в этом смысле... — Я уважительно кивнул.

— А смысл всегда один: человек — это недоделанная человекообразная обезьяна, — Жестко сказал Игорь и затормозил.

Как выяснилось, прямо возле моего подъезда.

Глава третья

Ничто так не вызывает желание заткнуть уши, как немые женские вопросы. Сначала

Ленка прыгала от радости (почти всю среду и еще часик-другой с утра четверга), узнав, что этим летом полетит с Лизкой отдыхать не к маме в Мурманск, а в настоящее теплое зарубежье. Но, отпрыгав положенное, она стала странно на меня посматривать своими серыми серьезными глазищами, и я, конечно, догадался, о чем она хочет меня спросить.

Поэтому я строго ответил:

— Нет! Ты же знаешь, почему я не считаю это необходимым. Я люблю тебя и все такое... Но пропивать последние деньги на тупой и никому не нужной пьянке я не стану. Мне эти две штуки еще потом отдавать, между прочим.

Ленка надулась, цапнула Лизку и потащилась на улицу гулять именно в тот момент, когда я залез в ванну мыться. Так что велосипед с ребенком она перла с четвертого этажа нашей «хрущобы» самостоятельно — под перекрестным обстрелом недоуменных соседских взоров.

Мы расписались с Ленкой сразу после рождения дочки, но свадьбы как таковой не было, поскольку не было ни лишних денег, ни главного — желания. Мне тогда отравляла настроение учеба, а Ленке просто было некогда организовывать подобное мероприятие — дочка забирала все время молодой мамы без остатка.

Но Ленке очень хотелось покрасоваться в подвенечном платье, которое ей подарил негодяй Палыч. Он, гад, чувствует такие вещи и постоянно норовит напомнить мне обо всем, чего я не сделал в этой жизни. В результате Ленке уже два года хотелось праздника, который я был обязан организовать и оплатить. Но это же смешно, не правда ли?

Впрочем, что тут рассусоливать — все и так понятно...

Кстати, о негодях — Палыч явился к вечеру, небрежно отмел приглашение посидеть на кухне с рюмкой кофе и буквально вытолкал меня на улицу, напомнив о подряде на охрану поликлиники.

Ленка так и не отошла от утренней обиды, поэтому с демонстративным недоверием качала головой, глядя на мои лихорадочные сборы, и даже крикнула нам на прощание:

— Передайте приветы вашим девочкам!

Собственно, никаких особых сборов не понадобилось — я поехал на дежурство в спортивном костюме, в котором фигуриал дома, только вместо домашних тапок нацепил кроссовки. Еще я вытащил из холодильника шматок колбасы, посмотрел на него критически и в конце концов запихал обратно — аппетит Ленка умеет испортить...

По дороге Игорь непрерывно болтал по телефону, так что я от скуки изучил все наклейки на его тарантасе. Одна, на лобовом стекле, показалась мне занимательной: «Запасной выход. При аварии выбить стекло головой, вылететь вперед». Я со скуки начал было ее отдирать, чтобы при случае переклеить Васильеву на очки, но звериный рык в левое ухо заставил меня отказаться от этой затеи. Все автомобилисты такие собственники!..

Игорь привез меня на Очаковскую улицу и озабоченно поглядывая на часы, выпалил на одном дыхании:

— Короче, иди уже. Завтра в вечер, тоже около восьми, тебя сменит Валерка. И не забудь — этим козлам из Комитета здравоохранения надо еще забрать отсюда какое-то говенное оборудование. Оно стоит на втором этаже. Смотри, чтоб его бомжи не стырили. «Комитетчики» уверяют, что этот хлам стоит реальных денег. Учти, если что — с нас вычтут. Так что не спи. Бывай!

Едва я вышел из машины, «девятка» рванула вперед по пустой улице. Я, конечно, уже знал, что на сегодня у Игоря была назначена какая-то важная встреча, где вырисовывался жирный клиент, но такое отношение к первому нашему дежурству меня слегка покорило — хоть бы показал, где что лежит и куда, к примеру, отлить, если приспичит...

А мне как раз именно приспичило. Я стоял, ерзая на месте, перед невысокими железными воротцами, за которыми располагался целый сквер — с газонами, деревьями и темными кустами. Посреди сквера стояло огромное пятиэтажное здание, абсолютно черное, безжизненное и потому пугающее самой своей невнятной пустотой.

Я сделал несколько шагов по асфальтовой дорожке и вдруг разглядел мертвенно-синий

свет, заливающий первый этаж и подвал здания. Тут же, как в фильмах про вампиров, на моих глазах сконденсировалось облако тумана и окутало здание аж до второго этажа.

У меня заныло сердце, а потом снова оживился мочевого пузыря. Отливать на улице было неловко, а заходить в сквер очень не хотелось...

Было не столько страшно, сколько тревожно. Лучше всего это ощущение передает определение «стремно», но его очень не любят корректоры. Но мне было не страшно, не жутко и не противно, а именно «стремно».

Поэтому я тупо стоял на дорожке и мысленно уговаривал себя сделать хотя бы шаг по направлению к этому непонятному и опасному дому, укутанному мутно-сиреневым туманом.

Неизвестно, сколько бы времени я там стоял, но у меня зазвонил телефон, и я обрадованно вытащил его из кармана своей спортивной куртки. Звонил Валера, и я, прижав трубу к уху, пошел вперед, чувствуя себя уже не таким одиноким и беззащитным, как прежде.

— Здорово, Тошка! Ну, как там наш объект? — за орал в трубке Васильев, и я заторопился войти внутрь, чтобы было что рассказать.

Двери парадного входа оказались открыты, поэтому ключи, врученные Палычем, не понадобились. Я вдруг прикинул, сколько разных опасных типов могли уже войти в этот дом в промежутке между уходом последнего сотрудника учреждения и моим нынешним визитом, но потом запретил себе об этом думать.

Я вошел в вестибюль бывшей поликлиники и остановился, оглядываясь. Вестибюль был залит мертвенным синим светом, и я наконец увидел его источник — это были УФ-лампы, развешанные вдоль коридора.

Вообще-то такие лампы предназначены для стерилизации помещений, а вовсе не для освещения. «Какой идиот это придумал...» — недоуменно бормотал я, двигаясь вдоль ближайшей ко мне серии УФ-ламп, пока не увидел выключатель. Я тут же нажал его и... оказался в абсолютной темноте.

Стало намного хуже. Во-первых, я тут же услышал, как зловеще звенит пресловутая абсолютная темнота. А во-вторых, до меня донеслись совершенно явственные человеческие стоны, еле слышимые, тихие, но беспощадно очевидные. Их источник находился подо мной, где-то в подвале.

Я ощутил, как затрепетала моя правая рука, и заметил, что держу в ней сотовый телефон.

Я ответил на вызов и услышал возмущенный вопль Васильева:

— Что за скотская манера бросать трубку?! Ты в тубзике засел, что ли?..

У меня немного отлегло от сердца.

— Валер, я только в дом вошел. Осматриваюсь, — объяснил я, затравленно озираясь по сторонам, еле обозначенным в невесомом свете дисплея телефона.

— А-а, — протянул Васильев. — Ну, короче, как осмотришься—позвони. Я дома сижу, трезвый, как дурак. А ты небось туда уже блядей натащил? — спросил он с откровенной завистью.

— Нет, пока не натащил, — честно признался я, и Валера тут же разочарованно отключился.

В темноте, охватившей меня после выключения телефона, снова раздался стон. Это был стон раненой женщины, ожидающей неминуемой смерти в пустом безжизненном подвале под моими ногами...

Из поясной сумки я достал заветный швейцарский нож и включил фонарь. Спокойнее не стало, зато стало видно коридор — он уходил из вестибюля в обе стороны темными, какими-то мутными, заполненными то ли паром, то ли пылью, тоннелями.

Стон повторился снова, уже с каким-то явственно мучительным надрывом, и я решительно выдвинул вперед самое большое швейцарское лезвие — какое-никакое, но оружие.

После этого я пошел по коридору на звук, стиснув зубы до боли в ушах...

Примерно через тридцать метров коридор внезапно нырнул вниз, и в небольшом закутке перед дверью в подвал я увидел красивую черную кошку. Она не мигая таращилась на меня, сидя перед полуоткрытой дверью подвала, а потом вдруг издала стон, полный мучительной боли и невнятных, но очень женских сожалений. Во всяком случае, упрек о так и не надетом подвенечном платье я точно уловил. После этого кошка встала, распушила хвост и, грациозно передвигая лапами, удалилась в подвал.

Меня хватило на то, чтобы дойти до этой двери и запереть ее снаружи — там имелся замок, в который даже был любезно воткнут ключ.

Ключ я положил в карман и пошел обратно — по неверному, дрожащему среди мятущихся теней, следу фонарика. Вернувшись в вестибюль, я первым делом включил УФ-свет — пусть он фиолетовый и страшный зато хоть что-то видно, кроме собственных кроссовок.

Помнится, Палыч что-то говорил про удобную комнату на первом этаже, там, где располагалась регистратура. В этой комнате должен был быть нормальный свет, а также вода и туалет. Планируя организацию охраны, мы решили, что эта точка и должна была стать нашей штаб-квартирой до конца текущего года.

Но где она?

Первая дверь, открытая мною на первом этаже, показала огромный зал, заполненный старыми стульями, столами и шкафами, сваленными в огромную кучу.

Я сразу понял, что это не то, что я ищу, но все равно зашел — чтобы посмотреть, заперты ли в комнате окна.

Окна оказались заперты, и я, бдительно осмотрев каждую защелку, тут же вышел, плотно прикрыв за собою дверь.

В коридоре, заставленном какой-то бессмысленной рухлядью, двигаться было непросто. После нескольких неудачных столкновений в сиреновом сумраке я принял решение заночевать в первой же более-менее уместной для ночлега комнате.

По счастью, следующая открытая мною дверь привела в небольшое помещение, где прямо у входа располагалась раковина, а еще там было два больших стола и несметное количество стульев. Вдобавок там, прямо на дверном косяке, обнаружился выключатель, и я включил свет, оказавшийся совершенно нормальным, желтоватым светом ламп накаливания.

В дальнем конце комнаты я увидел дверь, добравшись до которой с радостью убедился, что за ней располагается вожаденный туалет. Там-я устроился обстоятельно, ибо не был уверен, представится ли мне еще раз такая удобная возможность оправиться сразу от всех своих страхов одновременно. Туалет оказался вполне функциональным — на унитазах имелись сиденья, а в двух кабинках из трех была даже бумага.

Потом, уже в основном помещении, я обследовал раковину, с удивлением нашел там мыло и с воодушевлением попользовался им. Полотенца, разумеется, не нашлось, и я вытерся своим носовым платком.

Потом я долго стоял у закрытого окна, напряженно вглядываясь в мягкий, бархатный сумрак сквера, пока не почувствовал сквозняк, идущий от неплотно прикрытой двери.

Я вернулся к двери и прислушался. В коридоре было тихо, и тогда я с размаху захлопнул дверь, внезапно разозлившись на все свои страхи разом.

Чего, собственно, я боюсь? Кому я нужен? Кому нужны эти старые стулья, весь этот хлам, которым доверху заполнены все пять этажей бывшей поликлиники?!

Я окинул взглядом свое новое жилище и стал наводить Там порядок, составляя из ближайших к окну стульев спальное место. Потом, вызывая топаю, я вышел в сиреневый сумрак коридора, пинком открыл ближайшую дверь и, подсвечивая себе фонариком, дошел до окна. Я сразу увидел то, за чем пришел, — две плотные портьеры свисали с каждой стороны оконной рамы, и я, не раздумывая, резко рванул вниз ближайшую.

На пол полетел весь карниз, оказавшийся тяжелой металлической трубой, и я едва успел убрать голову из-под удара. Потом, чихая от поднявшейся пыли, я минут двадцать

отстегивал от трубы обе портьеры, потому что тащить их с карнизом вместе было бы безумием.

Набросив портьеры на плечо, я снова вышел в коридор и успел заметить огромную, но крайне подвижную тень, метнувшуюся от меня в полумрак вестибюля.

Я замер, прислушиваясь, но было так тихо, что я опять услышал кошачьи стоны из подвала. Впрочем, то, что поджидало меня в вестибюле, точно не было кошкой — слишком большой была тень этого моего нового ночного ужаса. Больше, чем собака, но меньше, чем, к примеру, медведь. Хотя нет — бывают же такие небольшие мишки, коалы какие-нибудь или панды...

Тьфу, о чем я думаю!

Я решил, что должен действовать последовательно, и сначала потащил свою добычу в регистратуру. Там я неторопливо застелил отобранные для лежбища стулья первой портьерой и аккуратно пристроил вторую так, чтобы ею можно было пользоваться как одеялом.

Потом я присел на свою импровизированную кровать, посмотрел на часы, поразившись тому обстоятельству, что уже почти одиннадцать часов вечера, и с минуту раздумывал, надо ли мне теперь идти в вестибюль. Чем дольше я сидел, тем меньше мне хотелось туда идти, так что в конце концов я встал, опять с размаху захлопнул дверь регистратуры и вдобавок припер ее стулом.

Потом я выключил свет и на ощупь дошел до постели. Пока я барахтался и скрипел стульями, укладываясь поудобнее, было еще ничего, но едва я замер под портьерой, как стали слышны все шорохи и скрипы огромного дома.

Тем не менее я стал засыпать, потихоньку погружаясь в тревожную дремоту, когда вдруг явственно услышал грузные шаги прямо над своей головой, на втором этаже.

Это было там, где, по словам Палыча, лежало какое-то ценное медицинское оборудование, которое не успели вывезти. И за которое с нас, если что, вычтут.

Я резко поднялся и сел на своих стульях, отчего они с треском разъехались в стороны. Упасть я не упал, помешала портьера, но побарахтался изрядно, пока наконец не утвердился на полу в боксерской стойке — так я чувствовал себя увереннее.

Потом я замер и прислушался. Снова было тихо — лишь тревожно стучало мое сердце да весело журчала вода в унитазах за стенкой.

Я присел на стул, потом осторожно прилег, пытаясь сквозь скрип стульев расслышать подозрительные звуки. Их не было.

Тогда я завернулся в портьеру и задремал...

Проснулся я от явственного дуновения ветра и, раскрыв глаза, даже не увидел, а почувствовал в неплотной темноте какое-то движение на полу.

Одной рукой, стараясь не двигать телом, я медленно вытащил нож и включил фонарик. От моих стульев к двери тут же метнулись три или четыре крысы, но не они заставили сжаться мое сердце от ужаса.

Дверь... Она была распахнута в коридор, а стул, которым я ее припирал, валялся рядом.

По комнате гулял сквозняк, который теоретически мог быть виновником этого безобразия, но я прекрасно помнил, как непросто мне было заклинить ножку стула между дверью и ручкой.

Я достал телефон и посмотрел на дисплей — четыре утра. Через пару часов рассвет.

Я вспомнил незабвенного Гоголя с его «Вием», и мне вдруг стало весело — почти двести лет прошло, а люди по-прежнему боятся темноты и одиночества. Хорошо еще, что я не верю в мистику.

Тут, очень в тему, из коридора в регистратуру заглянула давешняя черная красавица, молча выставив в дверном проеме свои фосфоресцирующие зеленые глазищи.

— Ты бы лучше крыс ловила, глупая женщина, — вслух укорил ее я и поразился своему хриплому и дрожащему голосу.

Киса ответила мне что-то из серии «Сам дурак, сначала деньги давай!» и уселась на

пороге, беспокойно подергивая ушами.

Спать мне уже не придется, это точно.

Я нащупал на полу свои кроссовки, надел и зашнуровал их, а потом дошел до дверного косяка и включил в комнате свет.

Из туалета тут же донесся мягкий шорох десятков лап, но я уже знал, что это крысы.

Крысы меня не пугали — на службе я на них насмотрелся вдоволь, а уходя на дембель, успел увидеть, как молодое пополнение из дальневосточных корейцев делает из крыс бешбармак. В батальоне этот бешбармак ели, кстати, многие — ели и нахваливали. Я не ел, но не из брезгливости, а банальной осторожности — мне казалось, что корейцы не прожаривают мясо как следует, а то, что крысы болеют вполне человеческими болезнями типа гепатита или носят в себе множество мерзейших паразитов, я знал еще из школьного курса биологии...

Кошке стало скучно тарашиться на меня, и она сделала круг по комнате, приняюхиваясь к новым запахам, которые я принес в ее жилище.

Потом она мягко запрыгнула на мою постель и нагло улеглась там в складках портьер, включив урчательный механизм на полную мощность.

Впрочем, уже через минуту она подпрыгнула едва ли не до полотка и унеслась в спасительную темноту коридора, а я стал озираться по сторонам, пытаюсь понять, откуда доносится этот грозный механический голос:

— Сюда быстро вышли!.. Я сказал, сюда быстро вышли!

— Что непонятного я сказал?.. Сюда!! Быстро!! Вышли!!

Я подошел к окну и разглядел две фары милицейского «козелка», направленные прямо на окна регистратуры. Принесло защитничков на мою задницу!

Все страхи в момент улетучились, и я выскочил в коридор, по-прежнему залитый сиреневым сиянием, быстро пробежал по вестибюлю к выходу и наконец открыл двери парадного подъезда, замерев на пороге.

— Ты кто? — снова раздался механический голос из мегафона «козелка».

— Конь в пальто! — нагло ответил я. А чего их бояться? Я трезвый, ничего не нарушаю, а они мне тут хмят среди ночи.

Невидимый в свете фар патрульный скомандовал:

— Сюда иди!

— Сам сюда иди... — Я помахал ему рукой.

— Я не понял, мужик, ты чего, охренел?! — все так же через мегафон, на всю спящую улицу, поинтересовался мент.

— Да, охренел! — согласился я и еще раз ему помахал.

Я понял или, скорее, почувствовал в голосе своего механического собеседника нотки страха перед непонятным светом в пустом доме темного сквера. Обитатель такого непонятного места не может быть не страшным. То есть я — страшный. У-у-у!

А ментов всего двое, причем один, водила, сидит за рулем и ни за что не выйдет подстраховать коллегу, потому что патрульные менты нынче пошли трусливые и хилые. Это мне и Васильев с Палычем рассказывали, да и сам я в этом убеждался не раз и не два.

— Сюда иди, мужик! — грохотал мегафон, но это было так неубедительно, что я рассмеялся во весь голос.

— Пошли на хрен, придурки! — прокричал я навстречу слепящим фарам и ушел, тщательно запирая за собой двери.

Потом я прибежал в регистратуру и выключил там свет, чтобы можно было без помех наблюдать за ментами.

Менты растерянно молчали минуты две, а потом от «козелка» отделилась невысокая тощая фигурка и осторожно направилась к парадным дверям, замирая после каждой пары шагов.

Я прыснул и вприпрыжку помчался в вестибюль. Там я затаился в сумраке двойных дверей и попробовал бесшумно отпереть замок. Это удалось, и, когда мент, отлично

видимый в свете фар и сиреневом мареве УФ-ламп, подкрался к самому входу, я присел за дверью и начал тихонько отворять ее менту навстречу.

Раздался ужасающий скрип, от которого я сам зачесался во всех местах — от таких противных высоких звуков лично меня всегда начинает как-то нервно знобить.

На мента это подействовало еще круче — он вдруг замер, вынул из кобуры пистолет и сдавленным голосом спросил:

— Стой, кто идет?

— За-а-а-че-е-ем ты-ы-ы про-о-о-они-и-и-ик в мо-о-ю-ю мо-о-гилу-у-у? ? — гнусавым голосом пропел я, стараясь не высовываться — с этого мудака станется, может ведь и стрельнуть на звук...

Мент выслушал мою арию с таким выражением лица, что я сразу понял — проняло кретина до печенок. Поэтому, когда я почувствовал возле своих ног мягкое шевеление, сам чуть не помер, только уже от смеха. Я цепко схватил излишне любопытную красавицу за теплое пузо, положил себе на ладонь и тут же швырнул ее из-за распахнутых дверей навстречу менту, как в кино партизаны швыряют последнюю гранату в надвигающийся фашистский танк.

Кошка полетела в молчаливом изумлении, зато мент громко и гулко икнул в ночной тишине, после чего тут же побежал к «козелку», истерично скользя разъезжающимися ногами по влажному от росы газону.

Я услышал стук захлопывающейся двери и хриплый рев движка отъезжающей машины.

Тогда я выглянул во двор и увидел задние габариты удаляющегося на сумасшедшей скорости «козла». Я пошло загоготал, как телезритель «Аншлага», потом встал во весь рост и начал бить себя в грудь, теперь уже грозно рыча на всю улицу, как Кинг-Конг перед завтраком.

Возвращаясь к себе в регистратуру, я сожалел только об одном — ни Палыч, ни Валера в мой рассказ ни за что не поверят. Я дословно знал, что они скажут: «Вечно ты, Тошка, придумываешь всякую фигню...»

Глава четвертая

Пробуждение было нелегким. Во-первых, разлепить глаза удалось далеко не с первой попытки. Когда я наконец открыл их, мерный шум за окном подсказал мне причину повышенной сонливости — шел дождь. Не майский ливень, не порывистый шторм, а типичный скучный питерский дождик.

Во-вторых, было холодно, хотя на мне оказалось намотано сразу две портьеры, а рядом щурилась и урчала спросонок горячая, как грелка, местная ночная красавица.

Вот ведь какая терпеливая мадам — простила и пришла. Мне даже стало немного неловко за свою недавнюю выходку.

Я с трудом уговорил себя вылезти из теплого кокона и, шагая неверными ногами к раковине, с недоумением смотрел на бледно горящие лампочки так и не выключенной люстры. Сейчас в дневном, пусть и облачном, свете мои ночные страхи казались постыдной и невероятной глупостью.

Совершив утренний моцион, я отправился на экскурсию по дому. Он представлял собой типовое здание поликлиники, однако неожиданные перепланировки внутри и смелые пристройки снаружи сделали этот дом настоящим лабиринтом. Пробравшись странными фанерными коридорчиками к маршевой лестнице первого этажа, я поразился монументальности этого архитектурного изыска — лестница, длиной не менее двадцати метров, была сооружена из цельных кусков мрамора и больше подошла бы княжескому палаццо, чем обычной районной поликлинике.

Эта лестница, как и все вокруг, тоже была завалена фантастическим хламом — кипами документов, пустыми упаковками из-под лекарств, приборами неясного назначения. Штаб

отступающей армии — вот какое сравнение приходило на ум в первую очередь, но для цельности этого впечатления требовался гул артиллерийской канонады, а ее не было. Поэтому казалось, что армия бежала совершенно напрасно, от вздорной, придуманной жалкими паникерами опасности.

Я поднялся на второй этаж и пошел по широкому коридору, с любопытством заглядывая в каждую дверь. Все помещения выглядели одинаково — обшарпанные голые стены, окна без штор и пол, заваленный по колено разнообразным хламом.

Там, где коридор раздваивался, разбегаясь в южное и северное крыло, я увидел то самое оборудование, за которое так переживали в Комитете здравоохранения. Это были четыре столитровых автоклава с выбитыми на дверцах датами изготовления («ЗИЛ 1975 г.») и совсем уже пожилой рентгеновский аппарат, современник Хрущева (если не Сталина). Все оборудование было сложено в отдельном углу и даже отгорожено цепочкой стульев.

Я пошел дальше, намереваясь пройти по коридору до боковой лестницы, а там подняться выше, на третий этаж или дальше. Но тут меня охватило какое-то странное, необъяснимое беспокойство... Я начал прислушиваться к шорохам за спиной, бурно реагировать на странные тени в углах помещений и вообще нервничать.

Поразмыслив, я решил, что дело в том, что я слишком отдалился от выхода из дома и теперь от любой неожиданной опасности мне придется бежать вниз, до вестибюля, метров двести, спотыкаясь об разбросанный по всему дому мусор.

Успокоиться удалось, лишь постояв на балкончике третьего этажа, который располагался точно над главным входом и откуда была видна, сквозь кусты и решетки ограды сквера, вся улица Очаковская. По улице ходили люди и ездили машины, и это обстоятельство вернуло мне уверенность в себе.

Я вернулся в дом и пошел по коридорам третьего этажа к другой маршевой лестнице, чтобы посетить четвертый и пятый этажи, а если получится, осмотреть и крышу.

Впрочем, полноценная экскурсия по дому у меня в тот день так и не состоялась. Не доходя метров двадцати до боковой лестницы, я заметил просторное помещение с распахнутыми окнами. Я зашел, чтобы закрыть их, и увидел чуть в стороне от двери журнальный столик, к которому были придвинуты три вполне приличных кожаных кресла. На столике стояли три пустых стакана, в центре стола был воткнут грязный пластиковый шприц, а рядом лежало странное орудие — нечто вроде монтировки, только с заточенными до остроты ножа концами. Таким орудием хорошо сначала бить по голове, а потом вскрывать тело жертвы в поисках правды жизни. Рядом с монтировкой стояла пепельница, полная окурков.

Один из окурков еще дымился.

У меня затряслись коленки...

С отчаянием затравленного зверя я огляделся по сторонам, не сомневаясь, что сейчас захлопнется дверь и я окажусь в мышеловке.

Но вокруг было пусто и тихо, и эта тихая пустота пугала еще больше.

Итак, все мои ночные страхи оказались абсолютно оправданны — дом обитаем, причем еще как обитаем! Здесь бродят или даже живут, как минимум, трое наркоманов, а для них, как известно из газет и телика, чужая жизнь равна одной дозе.

Я взял монтировку и попробовал ее в руке — приятная тяжесть металла показалась мне надежной защитой. Такой штукой можно урезонить даже натренированного бойца. Но что, если эти бойцы сами треснут меня по кумполу, зайдя со спины хотя бы после вот этого поворота? Или выступив вот из этой ниши?.. Ведь не страшно крикнуть на весь дом: «Я не боюсь никого!» — страшно, что это может кто-то услышать, прийти и проверить...

Я шел назад, набирая скорость и уже не заглядывая в полураскрытые двери. Добравшись до центральной лестницы, почти побежал вниз, скользя на полированном мраморе. На первом этаже я немного успокоился, а потом, войдя в регистратуру и усевшись на свое лежбище, даже начал себя стыдить за проявленную трусость и упадок духа.

В таком вот состоянии мучительной рефлексии меня и застал Палыч, неожиданно

появившийся с пакетом горячих пирожков в одной руке и переносным телевизором в другой.

Он открыл входные двери запасным ключом, но я успел увидеть в окно вишневую «девятку», и поэтому его заготовленный страшный рык с одновременным распахиванием дверей регистратуры позорно провалился. Я смело сказал «пиф-паф», расстреляв приятеля из пальца.

Интересно, чем бы я тебя треснул, если бы ты провернул этот трюк минувшей ночью, подумал я. Но говорить об этом не стал, незаметно убрав монтировку под портьеру.

— Договор подписан до конца года! — Палыч победно вскинул пакет с пирожками. — А если реконструкцию начнут раньше, мы будем охранять стройку.

Я забрал пирожки и начал их есть, пока теплые. Палыч уселся рядом и смотрел на меня, как заботливая мать. Мне стало неловко, и я неодобрительно хмыкнул.

— Ты о чем? — забеспокоился Палыч.

— А деньги когда будут? — спросил я первое, что пришло в голову.

— Ну, ты и вопросы ставишь! Недели еще не отработал на объекте, а тебе уже деньги подавай!

Палыч поискал глазами место, нашел в углу электрическую розетку и принялся настраивать там телевизор, установив его прямо на полу.

Я прожевал очередной пирожок и, принимаясь за следующий, объяснил:

— Если я вернусь домой без денег, Ленка все выходные будет мне мозги полоскать.

Палыч, не оборачиваясь, небрежно махнул рукой:

— Скажи, что в конце месяца будут...

Я хотел было уточнить разницу между «скажи, что будут» и «будут», но тут телевизор ожил и из него понеслись какие-то странные крики вперемежку со звуками бьющихся стекл и истеричных стонов заходящихся от боли людей.

— Отойди, не видно, — попросил я со своего места, и

Палыч чуть повернул широкие плечи, оставшись сидеть рядом с экраном на корточках.

Я увидел колыхающуюся массу людей на фоне огромной площади и горящего на заднем плане монументального здания.

— А, архивы какой-то революции, — разочарованно бросил Палыч. — Типа, День погромщика.

Однако закадровый шум вдруг сменился торопливым, захлебывающимся речитативом диктора:

— Беспорядки минувшей ночью прошли и в других городах Республики Татарстан. Однако столица пострадала наиболее сильно — разрушены и разграблены свыше тридцати магазинов и складов, сожжено четыре районных отдела милиции, убит один и ранены четверо милиционеров.

— Ого! — насторожился Палыч. — Это не архив. Это сейчас в Казани творится! Кстати, я пока сюда ехал, на Суворовском тоже видел какую-то демонстрацию. Но у нас вроде демонстранты тихие.

— Странно, что ментов так мало пострадало, — удивился я.

— Это как раз понятно. Они же в таких ситуациях просто разбегаются. Тех, которых зацепили, наверняка по дороге домой отловили. А ты что, всерьез решил, что менты будут чужое добро защищать? — обернулся он ко мне, скривив широкое лицо в горькой смешке. — Они свои участки защитить не в состоянии. Вон, смотри...

Тут, как по заказу, пошла подборка из горящих зданий, на фасадах которых камера выхватывала таблички с аббревиатурой УВД.

Трансляция погрома закончилась появлением в кадре генерала из республиканского МВД. Он монументально восседал за канцелярским столом и бубнил, подглядывая в шпаргалку:

— Как стало известно, минувшей ночью в столице Республики Татарстан городе Казани прошли беспорядки, в ходе которых разрушены и разграблены свыше тридцати магазинов и складов, сожжено четыре районных отдела милиции, убит один и ранены

четверо милиционеров...

Генерал просто-напросто повторил текст недавнего репортажа, и мы с Палычем поморщились — своих слов у генерала не было. По-видимому, они не помещались в маленькой голове под большой фуражкой, и бедолаге приходилось заимствовать слова у журналистов и тупых от перманентного перепоя милицейских спичрайтеров.

— Силами правоохранительных органов мародеры были рассеяны, законность и порядок восстановлены... — продолжил нести ахинею генерал.

Меня давно поражал этот удивительный термин «рассеивание», применяемый к преступникам. После трагедии в Буденновске его с удовольствием взяли на вооружение милицейские чины, и никто за два десятка лет не осмелился указать им на вопиющую глупость такого термина. Ведь «рассеивая банду» террористов, милицейские шишки честно докладывали общественности о том, что злодеи успешно скрылись. Но этого было мало — вскоре «рассеивать» начали даже банковских налетчиков, а вот теперь и мародеров. Не удивлюсь, если однажды очередной придавленный фуражкой милицейский мозг родит в эфире гордый доклад об успешном «рассеивании» по городскому парку банды сексуальных маньяков.

Новости закончились, и Палыч стал щелкать пультом в поисках подробностей, но на всех каналах шли ток-шоу для домохозяек, где напудренные до крахмального хруста блондинки оживленно и со знанием дела обсуждали гороскопы, проблемы генетически-модифицированных продуктов, методы воспитания щенков Лабрадора, технологию строительства безопасных ядерных реакторов и еще что-то, не оставившее и следа в моей немедленно загудевшей голове.

— Ладно, я поехал. Мне еще техосмотр делать, — пожаловался Палыч на прощание.

— А чего его делать? — удивился я. — Дай баксов сто, и все за тебя сделают.

— Ага, «денег дай»! — возмущенно загудел Палыч. — Я сегодня с утра занимался этим в родном МРЭУ. Так они, не поверишь, денег не берут. Говорят, привези нам...

— ...цветочек аленький, — сострил я.

— Хрен угадал! Портрет президента им нужен, в деревянной раме, шестьдесят на восемьдесят.

— Чего-чего? — не поверил я.

— Портрет президента, в кабинет начальнику! А президента нет нигде, я уже запарился по магазинам бегать... — простонал Палыч и ушел, крикнув на прощание, что к вечеру доставит мне на смену Васильева.

Я достал последний пирожок и уселся смотреть телевизор. Новостей так нигде больше и не было, хотя мне ужасно хотелось узнать, с чего вдруг случилась в Татарии такая серьезная заварушка.

Увы, сначала я набрел на спортивный канал и было обрадован отсутствию в кадре озабоченно кудахтающих блондинок. Но там, сразу после рекламного блока, принялись звенеть железом и тягать штангу, причем делали это женщины. Я смотрел на них минут десять, пытаюсь разгадать ту самую загадку. Ну, вы наверняка знаете: если каждая женщина — это загадка, то самая большая в жизни загадка — это женщина, поднимающая штангу... Впрочем, ничего я там не разгадал, кроме суммы призовых. Довольно скромных, кстати.

За окном послышался шум, и я встал со стульев.

К мокрой от затяжного дождя ограде нашего сквера бежали какие-то странные в своей общности люди: лысоватый грузный мужик с портфельчиком, худенькая женщина лет сорока с двумя пакетами в каждой руке, несколько субтильных юношей. Раньше всех ограду перемахнули молодые люди — они спрыгнули в садик поликлиники и без оглядки рванули мимо моих окон дальше в глубь сада.

Солидный мужик лезть через забор не стал. Он уперся в него лбом, тяжело дыша. Женщина встала рядом, затравленно оглядываясь, и тут же обоих настигли доселе невидимые мне преследователи — люди в черной форме с надписями «ОМОН» спереди и сзади — и принялись яростно избивать мужика дубинками. От первого же удара мужик

рухнул на асфальт, а женщина закричала так, словно били ее. Впрочем, ей тут же досталось дубинкой, и она закрыла лицо руками.

Милиционеры сгрудились вокруг лежавшего' на асфальте мужика, покопались в портфеле и его карманах, явно обнаружив какую-то добычу. Потом я увидел, как черная рука потянулась к пакетам, и женщина безропотно отодвинулась. Из пакетов выпала упаковка сосисок, но все те же руки вернули сосиски на место, а потом подняли оба пакета и понесли...

Уходя, один из омоновцев пнул ботинком лежавшего мужчину, но тот по-прежнему молчал, и над садиком раздался торжествующий гогот победителей.

Я поймал себя на том, что обгрызаю на правой руке третий ноготь подряд. Этой дурацкой привычки у меня не было со школьных времен...

Когда я вышел на улицу, избитый мужчина уже сидел на мокром асфальте, а женщина, сдержанно всхлипывая, сидела перед ним на коленях и вытирала его лицо носовым платком.

Я подошел и стал разглядывать их в упор сквозь прутья забора, но они даже взгляда не бросили в мою сторону, слишком занятые собой.

— За что они вас ?..— спросил я, оглядывая улицу у них за спиной. Там было видно несколько прохожих, которые жались к стенам домов, не решаясь идти по тротуару.

— Интересно тебе, да?—с неожиданной злобой вдруг отозвался мужик. — На, смотри!.. — Он повернул ко мне окровавленное лицо, и я увидел его сломанный нос и огромный, на глазах набухающий фингал под левым глазом.

— Жорочка, родненький, ну что ты ругаешься... — запричитала женщина, испуганно поглядывая на меня. — Молодой человек ведь не виноват, что тебя побили.

— Я точно не виноват, — сказал я мужику, но он отвернулся от меня, подставляя грязное лицо под струйки дождя.

— Мы даже не участвовали в этой демонстрации, — принялась объяснять женщина. — Мы просто вышли в магазин. За покупками шли, понимаете?

— Да кому ты это объясняешь! — Мужик попытался встать, но не смог. Я пригляделся к неестественно вывернутому ботинку и понял почему — у него была сломана голень левой ноги.

Я вытащил из кармана штанов трубу и набрал «112». Там было занято. Я попробовал набрать «03», но там не брали трубку.

— У вас ведь тут поликлиника, — обратилась ко мне женщина. — Может, нам там помогут, как вы думаете?

Я покачал головой:

— Это бывшая поликлиника. Здание идет под реконструкцию.

— Весь город распродали, сволочи!.. — прокомментировал мужик, а потом дернул ногой и зашипел от боли.

У него проходил первый шок, и очень скоро от полученных травм ему будет нереально больно. Я набрал номер Палыча:

— Ты не мог бы подъехать на Очаковскую?

— Что-то случилось? — с тревогой спросил он.

— Со мной порядок. Просто людей тут на улице избили серьезно. Надо бы в больницу отвезти.

Палыч начал орать, и я выключил трубу. Занят он. С серьезными людьми разговаривает. А я его вечно отвлекаю всякой ерундой...

Через калитку я вышел на улицу. Женщина с тревогой смотрела, как я приближаюсь, нервно вытирая окровавленным платком теперь уже свое мокрое то ли от дождя, то ли от слез лицо. Кровь супруга оставляла на ее лице бледные полосы, но женщину это не волновало.

Мужчина равнодушно смотрел перед собой, уже не делая попыток подняться.

По улице проехала машина, и я обернулся посмотреть, что там такое едет. Ехал милицейский «козелок», и женщина истерично всхлипнула:

— Господи, да что же это такое! Убегайте, молодой человек. Они и вас сейчас покалечат!

Я подумал, что и впрямь надо сматываться, но какое-то нелепое упрямство заставило меня остаться.

«Козелок» остановился возле нас, и из машины выбрался грузный седой капитан в форменной куртке из кожзаменителя.

Все мы, не сговариваясь, посмотрели на его руки и все одновременно выдохнули, увидев, что в этих руках нет дубинки.

— Что случилось, граждане? — спросил капитан, приложив руку к фуражке.

— Господи, вы что, нормальный милиционер? — не поверила женщина.

И тут ее словно прорвало... Она минут десять рассказывала, как они с мужем вышли на улицу, за продуктами, а тут ОМОН, который бил всех без разбора — и тех, кто против правительства, и тех, кто просто вышел в магазин, чтобы купить молока, яиц, сосисок — все дорожает, поэтому хотели запастись сразу дня на три, а ОМОН — это же просто звери какие-то, есть ли у них матери, так людей бить, и ведь не просто били — портмоне у Жорочки отобрали, телефон сотовый, даже продукты унесли...

— Это не питерский ОМОН был, — извиняющимся тоном перебил ее капитан и присел рядом с мужиком.

Мужчина открыл глаза и, еле ворочая разбитой челюстью, с ненавистью произнес:

— А мне похрен — питерский.непитерский! Сволочи вы все. Холуи. Фашисты. Морду и ногу залечу и пойду на демонстрацию. Раньше не ходил. Теперь буду. Потому что вы суки. Убить вас мало.

Потом он заплакал от боли, но больше, по-моему, от ненависти. Он даже зажмурился — так противно было ему видеть милицейскую форму.

Капитан привстал и повернулся к машине:

— Семен, помоги!

Из «козла» вылез водитель, наблюдавший за беседой в окно. Капитан просунул свои руки под совершенно мокрые брюки и пиджак мужчины и неожиданно легко встал с ним на ноги.

Водитель засуетился, открывая заднюю дверь, и некоторое время они устраивали там пострадавшего, пытаясь разместить его на двух тесных сиденьях так, чтобы сломанная нога лежала, а не свисала.

Женщина суетливо забегала рядом, но оказалось, что для нее места в «козелке» нет.

— В «обезьянник» садитесь, — предложил капитан, но она не поняла, и ему пришлось самому открывать решетчатую дверь сзади и подсаживать женщину.

Потом «козелок» грозно взревел двигателем, но поехал по улице очень медленно и аккуратно.

Я проводил его взглядом и пошел в дом, поймав себя на том, что опять грызу ногти, как истеричная барышня...

В регистратуре я первым делом бросился к телевизору, но там всюду шли ток-шоу или какие-то сериалы. Новостей не было, и я позвонил домой.

Ленка включила телефон, но ответила не сразу — она укладывала Лизку, а та капризничала и требовала мультик. Перед дневным сном никаких мультиков вредной девчонке не полагалось, и она это отлично знала, но все равно канючила.

У гопников это называется — «пробивать». Ты давишь просто для того, чтобы узнать, насколько можно подвинуть ограничивающих твои аппетиты людей.

Я услышал в трубке, как Ленка не удержалась и рывкнула на Лизку, и та зашлась в горьком плаче.

Наконец Ленка вышла из спальни и раздраженным голосом спросила:

— Ну, чего тебе ?..

Мне тут же захотелось отключиться, но я сдержался и вежливо спросил:

— Как ваши дела? А то у нас тут демонстрации какие-то ходят.

— У меня тоже сейчас была демонстрация. Лизка характер демонстрирует, — уже спокойнее ответила Ленка, и я осторожно повторил вопрос:

— А как у вас во дворе, спокойно?

— Да что в нашем дворе может случиться? — удивилась Ленка, и я услышал, как она прошла к окну. — Да все нормально, машины ездят, люди ходят... Вон, Андрей Петрович с четвертого этажа семейство с дачи привез.

Я успокоился. Если чиновник городской администрации не дергается, значит, и впрямь всё в городе под контролем. А отдельные инциденты всегда возможны.

Потом Ленка неожиданно тепло попросила меня не задерживаться, возвращаясь с дежурства.

— Ночью мне было очень грустно, — призналась она. — А еще звонила тетка из Таллина, говорит, у них опять машину сожгли. Прямо под окнами, представляешь? И еще полночи орали «чемодан-вокзал-Россия». Полиция к ним ехала четыре часа, а страховой комиссар вообще не приехал...

Мне эта новость очень не понравилась — перспектива приютить в нашей «хрущевке» еще и эстонских родственников жены убивала наповал. Тут самым места мало, а Лизка подрастет — совсем худо станет...

Поэтому я быстро попрощался, а потом долго глазел в окно, пытаясь хоть там увидеть что-нибудь радостное и позитивное. Впрочем, та часть улицы, что была видна из регистратуры, казалась совершенно пустой. С точки зрения охранника, это было позитивно.

Я вернулся к своему лежбищу и обвел взглядом всю регистратуру, не фиксируясь на бормочущем очередной сериал телевизоре.

Скучно тут, вот что! Впредь на дежурства надо будет брать книжки из тех, что ни за что не станешь читать дома.

В моем личном списке Культурной Укоризны таких произведений было не меньше сотни — всё, что успели написать классики вроде Диккенса, Гюго или какого-нибудь Достоевского. А ведь у Ленки упомянутые граждане числились в любимых писателях, и под них у нас в квартире был отведен специальный шкаф на самом почетном месте — в гостиной, возле телевизора. Сначала я думал, что это дешевые понты типичной выпускницы филфака университета, но потом поверил, что речь идет об искренней любви, недоступной таким неотесанным субъектам, как я. Ленка ведь классиков не просто читала — она использовала цитаты из них так часто, как не пользуют гороскопы телевизионные курицы, когда кудахчут об эпидемии птичьего гриппа...

Повалявшись на своих стульях с полчаса, я опять услышал пару подозрительных скрипов над головой и подумал о том, как было бы здорово прочесать дом хотя бы вдвоем, а еще лучше — втроем.

Ведь у моих товарищей есть оружие, которым они имеют право пользоваться. К примеру, Валерке дежурить будет не в пример легче — у него есть табельный пистолет, из которого он сможет законно пристрелить сколько угодно наркоманов. У Палыча тоже есть казенный «Макаров», а когда он окончательно уволится, у него появится «Иж» по лицензии частного охранника. А я, даже если разживусь каким-нибудь «стволом», должен буду потом уныло прятать трупы, как тот же самый наркоман после «мокрого дела». И какая тогда между мной и наркоманом разница, хотел бы я знать?

Дремотную вязкость какого-то сериала вдруг пробила заставка новостей, и я сделал звук громче. На экране появился напояженный в разных местах диктор и, гордый собой, сказал:

— Уважаемые телезрители. Сейчас перед вами выступит президент Российской Федерации.

Угодливая улыбка диктора тянулась с минуту, но потом у него, видимо, онемела челюсть, и он начал массировать ее одной рукой. Вторая делала какие-то загадочные пассы невидимому в кадре дежурному режиссеру.

Потом диктор снова улыбнулся, уже с некоторой натугой, и повторил:

— Итак, уважаемые телезрители, сейчас перед вами выступит президент Российской Федерации...

На этот раз умильная улыбка продержалась секунд двадцать, не больше. Потом диктор поскущел и принялся вытягивать шею куда-то за спину оператору.

Видимо, ответа на свои немые вопросы диктор не получил, поэтому просто закаменел лицом и замер в кадре, став точной копией первого в мире памятника последнему российскому жополизу.

Повисла неловкая пауза.

Пользуясь случаем, я заглянул в бумажный пакету валявшийся на стульях, но пирожками там только пахло. Пожалуй, до восьми вечера я не дотяну — придется пойти в набег на какой-нибудь местный магазин...

Диктор вдруг вздрогнул, как будто его включили в розетку, и андроидным голосом произнес:

— Уважаемые телезрители, по техническим причинам президент Российской Федерации перед вами сейчас выступить не сможет...

И тут же на экран вернулся сериал, где смуглая бразильская красавица с размаху влепила пощечину мерзкому типу, весьма похожему на нашего диктора. От лица всей обманутой российской общественности, как я понимаю.

До меня дошло, что реальной информации о странных событиях в Казани и Питере, а уж тем более в Таллине я сегодня не получу, пока специальные люди в Кремле наконец не решат, что мне следует знать, а о чем стоит только догадываться. Поэтому я без сожалений выключил телевизор и вернулся на кровать из стульев, намереваясь компенсировать недосып минувшей ночи.

Мне показалось, что я успел поваляться лишь с десяток минут, когда вдруг услышал равномерные удары по входным дверям и надсадные крики: «Тошка, бляха-муха, открывай, скотина!»

Впрочем, все предметы вокруг уже оказались окутаны невнятным полумраком наступающей ночи, и, быстро взглянув на телефон, я ужаснулся — было почти девять вечера.

Я едва всунул ноги в кроссовки и тут же помчался в вестибюль, открывать.

Васильев был сердит, но не настолько, чтобы не пожать мне руку.

— А где Палыч? — спросил я, нагло потягиваясь всем телом, чтоб Валерка не подумал, что мне стыдно.

— Дела у него какие-то. Контору регистрирует, лицензии получает и все такое... — Валера нетерпеливо отодвинул меня в сторону. — Ну, где тут у тебя сексодром? Спать хочу, сил нет.

Я усмехнулся и показал рукой. Валера сначала непонимающе взглянул на меня, потом фыркнул, расправил сутулые плечи и пошел в указанном направлении.

Я запер двери и нагнал его в коридоре:

— Вот сюда. — Я открыл дверь и сделал реверанс, помахав воображаемой шляпой.

Васильев вошел в помещение регистратуры с видом ревизора бюджетного борделя, предполагающего найти неоспоримые доказательства моей виновности в краже казенной мебели.

— Ну, и где тут диван? — спросил он с неподдельным возмущением, закончив визуальный осмотр помещения.

Я показал на табунчик стульев, накрытый порттьерами. Валера, нахмурившись, уставился на мою конструкцию, часто моргая белесыми ресницами. В его глазах явственно читался текст, похожий на тот, что мысленно произносят женщины, получая подарки в виде бижутерии от богатых, но скупых супругов.

— Это не диван! — наконец сообщил мне Васильев, задыхаясь от невысказанных эмоций. Он снял очки и протер их об пуловер, который носил, не снимая, последнюю пару месяцев. Но даже сквозь протертые линзы наблюдаемая картинка не изменилась, и Валера

повернул ко мне вытянувшееся лицо.

— Да, это всего лишь восемь стульев, — смиренно признал я, скорбно, но фальшиво улыбаясь, как военный оркестрант на похоронах. — Если тебе мало, можешь стырить еще столько же в соседних комнатах.

Васильев осуждающе покачал головой:

— Тошка, это — не диван! Здесь же нельзя пользоваться женщин! Стулья будут разъезжаться!

Я демонстративно достал телефон, взглянул на его дисплей и сказал как можно язвительнее:

— Мне пора в супружеское ложе. Тебе рекомендую как следует запереться — тут, в доме, ночуют еще два десятка разных подонков, сбежавших из «Крестов» и окрестных психушек. Я замаялся их ночью гонять.

Днем ОМОН приезжал, но даже они не справились.

Грустное лицо Валеры ничего не выражало, и меня понесло дальше:

— Трупы я закапывал в садике на заднем дворе. Двоих не успел закопать, они так и остались на просушке в автоклаве на втором этаже. Кстати, помни — оборудование на втором этаже стоит три твои квартиры, и его стоимость вычтут, если ты позволишь его украсть. Я вот не позволил! — гордо закончил я, зашнуровывая кроссовки, а потом сделал Валере ручкой и направился к выходу.

— Бывай! — спокойно попрощался со мной Валера, и я с разочарованием захлопнул дверь регистратуры

Ни единым мускулом Васильев не показал естественного человеческого страха одинокого хомо са-пиенса, остающегося в пустом доме перед лицом неведомой опасности.

Я быстро шел по мрачному вестибюлю, а потом, еще быстрее, по темному скверу и думал, что я, наверное, какой-то особенный, вопиющий, позорный, бессмысленный, жалкий и ничтожный трус. В общем, совсем не такой, как мои решительные и отважные товарищи...

Глава пятая

Лизка снова хлопнула меня пухлой ладошкой по лицу, и я спрятался под одеялом, спасаясь от ежеутренней экзекуции под названием «дочка ранним утром требует от папы внимания».

— «Угу-у!» — услышал я торжествующие звуки снаружи и быстро окуклился под одеялом в совершенной формы саркофаг, проникнуть в который, как я наивно полагал, было уже невозможно.

— Ха-ха-ха! — не поверила дочка и зашла с тыла мои пятки, не защищенные ничем, кроме устной договоренности о недопустимости запрещенных ООН методов ведения войны, оказались под воздействием чьих-то ловких и безжалостных пальчиков.

От щекотки я бешено захохотал, как внезапно разоренный указом президента владелец казино, и поджал ноги к самому подбородку. Увы, хищные щупальца империалистических спрутов и здесь дотянулись до моих пяток, после чего я сдался на милость победителя, выбираясь из-под одеяла с поднятыми руками.

Лизка тут же уселась на меня сверху и, торжествующе хихикая, принялась прыгать на моей впалой груди так, что я потом всерьез решил ощупать ребра на предмет их сохранности.

— Проснулись, — констатировала очевидное Ленка, заходя в спальню.

Лизка повернула к ней свое счастливое лицо и гордо заявила:

— Мама, смотри, какой папа стал послушный! Как Оловянный Солдатик!

Это было сущей правдой — я был молчалив, послушен и вообще мог лишь робко трепыхаться, когда моя Балерина давала мне возможность подышать.

— Папа, ты меня любишь? — спросила вдруг Лизка, на секунду прекратив экзекуцию.

— Да, дочка, очень люблю, — выдохнул я.

— И я тебя тоже. Может, поженимся?

Ленка прыснула, потом присела на кровать:

— Вставайте уже, молодожены! Девять часов, однако.

Ленка была в коротком домашнем халатике, под которым так явственно угадывались упругая грудь и нежные, круглые бедра, что я совершенно автоматически протянул к ней руки и потащил свою добычу под одеяло.

— Ты что, Тошка?! Спятил?! — Ленка испуганно зашипела и уперлась мне в грудь обеими руками. — Прекрати немедленно! — Она показала вытаращенными глазами на задумчивую дочку, с интересом наблюдавшую за моими поползновениями.

Я длинно и шумно вздохнул, но на Ленку это не произвело ни малейшего впечатления.

— Вчера вечером надо было проявлять инициативу, пока некоторые девочки спали... — сказала она со сдержанным негодованием, осторожно высвобождая свое теплое и желанное тело из моих цепких рук.

— А что было у нас вчера вечером?.. — начал вспоминать я, но пока вспоминал, Ленка уже встала с кровати, а вслед за ней тут же слезла с кровати Лизка, босая и непричесанная, но очень взрослая в своей длинной ночной рубашке.

— Оденешь девочку, позавтракаете вместе и пойдете гулять. И чтоб не меньше двух часов гуляли! — приказала Ленка, и я опять шумно вздохнул, как тюлень. А что тут еще поделаешь? Оловянный Солдатик не ропщет, он молча выполняет...

Позавтракать мы с дочкой, по обоюдному согласию, как бы позабыли — Ленка отправилась в ванную и контролировать процесс не могла. Так что я быстро сполоснул физиономию на кухне, а Лизка почти самостоятельно нарядилась — я лишь поменял местами сандалеты, которые она, как всегда, перепутала, да накинул на нее розовый китайский плащ. Дождя вроде бы не ожидалось, но в Питере, сами знаете, это ни о чем не говорит...

Лизка послушно спускалась рядом, пока я тащил вниз велосипед, но из подъезда выскочила первой, сразу рванув куда-то к игровой площадке детского сада.

Это, между прочим, через дорогу.

Я опрометью бросился за дочкой и, как оказалось, вовремя — ржавая, битая со всех сторон «шестерка» на огромной скорости пронеслась в шаге от нас с Лизкой и тут же скрылась за поворотом на набережную.

— Вот же твари! — раздался возмущенный голос со скамейки возле подъезда. — Опять Пашка Одинцов со своей бандой рассекает.

Информацией делился дед Марат, обитатель коммуналки первого этажа.

Я рефлексивно сжал Лизкино плечо, и она пискнула:

— Папа, отпусти, больно же!

Я перехватил велосипед поудобнее и взял Лизку за руку, внимательно обозревая улицу.

— Плохие времена наступают... — опять донеслось до меня со скамейки.

Я повернулся к деду, укоризненно сдвинув брови:

— Дед Марат, прекратите свои пораженческие речи! Страна поступательно движется вперед, к удвоению ВВП, а вы тут панику разводите.

Дед неожиданно серьезно покачал головой, потом встал и сделал пару шагов к нам:

— Уезжай отсюда, соколик! И дочурку свою забирай. Спасайтесь все. Потом поздно будет...

Он говорил еще что-то, но тут со стороны улицы донесся знакомый гул, и на дороге показалась все та же «убитая» «шестерка». Машина, взвизгнув тормозами, встала возле нас, и я увидел, что ее салон набит молодыми людьми совершенно гопницкой наружности.

— Эй, ты, мелкий шнырь, подари нам велик! Давай его сюда, сука, не жидись, а то прямо здесь отхерачим?

Я не успел разинуть рта в гневной отповеди, как «шестерка» вдруг снова рванула вперед по улице, а радостный пьяный гогот еще звенел в моих ушах.

За спиной снова раздался старческий голос:

— Говорю вам, спасайтесь сейчас! Потом поздно будете

Пьяненький дедушка Марат в выцветшем от старости костюме и совершенно немислимых тапках времен кооперативного движения на пророка не тянул совершенно. Но было что-то слишком достоверное в его упрямых резких движениях здоровой правой рукой и нечто необъяснимо злое в выражении лица — так, к примеру, выглядят люди, которые доподлинно знают, что Бога нет, но все равно настоятельно требуют верить, ибо иначе «будет не по-людски»,

Я не стал с ним спорить, а просто крепче сжал Лизкину ручку и повел ее через дорогу, на площадку детского сада.

Там уже гуляли наши старые знакомцы — трехлетний Витя с бабушкой, пятилетний Дима с папой и четырехлетняя Ариша с мамой, — так что свои положенные два часа на свежем воздухе мы провели с толком.

Гопники больше не появлялись, и я подумал, что это к лучшему — одно воспоминание об этих мерзких рожах заставляло сжимать кулаки, а глаза застилала мутная пелена ненависти. А еще кто-то страшный, темный и кровавый начинал шевелиться у меня в голове, и становилось ясно, что, если ненависти будет чуть больше, это страшное вырвется наружу и погонит меня делать нечто, что я даже вообразить пока не могу... Это физическое ощущение чужого, поселившегося у меня в башке, появилось после ограбления на радиорынке — видно, здорово меня тогда все-таки треснули.

Ближе к вечеру воскресенья, когда Лизка уже безмятежно дрыхла после прогулки, а я оседлал стул возле компьютерного стола и азартно рубился в Сети с неведомыми противниками в хитовую стрелялку-расчленялку, вдруг ожил мой сотовый телефон. Звонил Игорь и каким-то скучным голосом интересовался:

— Ну, и чего ты себе думаешь?

Я поставил игру на паузу, но в Сети этот фокус не прошел, и меня тут же пристрелили, причем сразу двое неведомых врагов.

Печально глядя на куски окровавленного мяса, изображавшего на мониторе мое нутро, я злобно рывкнул в трубку:

— Палыч, твою мать, ну что еще случилось?!

Палыч помолчал пару секунд.

— В Казани, Питере и Махачкале погромы. Пять человек убито. А виновные рассеяны. Как это понимать, не знаешь?

— Я тебе кто, кремлевский толкователь?! — так же злобно откликнулся я, нажимая на кнопку «продолжить».

По монитору тут же ударила автоматная очередь, потом прямо в меня полетела ракета, и я едва успел увернуться, спрятавшись в каком-то нелепом, залитом зеленой жижей подвале. Впрочем, я чувствовал, что и здесь мне не дадут спокойной жизни, и начал лихорадочно искать какой-нибудь запасной выход наружу, к вождленным аптечкам и оружейной амуниции.

— Ты чем там занят? — ревниво спросил Палыч, явно прислушиваясь к звукам из колонок моего компьютера.

— Играю, — лаконично ответил я, дернувшись в сторону от очередной ракеты и в полной истерике влупив в направлении неприятеля три заряда подряд из помпового ружья.

Неприятель неожиданно издох, раскидывая свои кишки по экрану, а Палыч, напротив, оживился.

— Ну что ты за безответственный индюк! — укоризненно сказал он. — В стране хрен знает что происходит, а ты в игрушки играешься!..

Тут в меня всадили заряд из космического пульсара, и мое тело размазали в атомную пыль по всей окрестной галактике. Я вздохнул и отключился — сегодняшний противник был мне явно не по зубам...

— Палыч, я помню, что мне в вечер тебя менять. Я приеду, причем ровно в восемь, — раздраженно сказал я в трубку, одновременно щелкая клавишами компьютера —

отключившись от игры, я остался в Сети и теперь искал новостные сайты, чтобы почитать последние новости про эту долбаную Казань и Махачкалу. Известия про Питер мне показались явным преувеличением, так что про это я даже искать не стал.

— В Казани, говорят, сегодня успокоилось, — дополнил Палыч озабоченно. — Зато возбудилось в Башкирии. Понимаешь, нет?

— Нет, — честно ответил я, шаря по заголовкам новостей. Заголовки азартно сообщали, что Филипп Киркоров был пойман не только на пении под фонограмму. Всерьез утверждалось, что устроители фальшивых гастролей возят по стране его чучело, а сам певец лежит в клинике неврозов в одной постели с известным балетмейстером и пишет там разоблачительную книгу про кремлевских гримеров, подмешивающих в пудру кокаин.

Про погромы не было ни слова.

— Это системный кризис, — строго сказал Палыч. — Короче, я на услуги «Ист Пойнта» поднял ценник вдвое, и никто не пикнул. Популярная тема, понимаешь?

— На чьи услуги ты поднял ценник? — не понял я, наливая себе очередной стаканчик пива.

— — На услуги ЧОП «Ист Пойнт». Наше с тобой частное охранное предприятие, — объяснил Игорь.

— Наше?! - Я захлебнулся своим пивом и закашлял.

— Наше, — строго сказал Палыч. — Ты там второй учредитель. Так надо. Сегодня бумаги подпишешь.

— А почему «Восточная точка»? Почему не западная или северная?

Палыч раздражено откликнулся:

— Купил с таким названием. А тебе что, не все равно? Хочешь поговорить об этом?

— Да нет... — пожал я плечами. — Мне, в общем, по барабану.

Ничего плохого я от Палыча не ожидал, ибо человек он был правильный и честный, хотя и резковатый в движениях по жизни. Мог, в общем, учудить какой-нибудь подвиг, не посоветовавшись с вышестоящим начальством, а потом расхлебывать последствия самостоятельно, преданный каждым чином ГУВД в отдельности и правоохранительной системой МВД в целом.

Впрочем, ничему полезному такие последствия Палыча не учили — он лишь подальше выпячивал квадратную челюсть в ответ на едкие комментарии более прагматичных и дальновидных коллег.

Но подводить под неприятности других людей он бы точно не стал, так что звание второго после Палыча учредителя неведомого ЧОП меня ничуть не пугало.

— А денег учредителям дают? — после небольшой паузы нагло поинтересовался я, чтоб он себе не думал, что я какой-то там безвольный винтик его мутного механизма.

Теперь уже захлебнулся Палыч — от негодования. — Ну ты и жаба! — сообщил он. — Тебя, свинью неблагодарную, делают совладельцем перспективного предприятия, а ты еще за это денег требуешь!..

— Ты все-таки определись, жаба я или свинья. Этоже принципиально разные виды животных! — начал я занудствовать, но Палыч уже отключился, попросив напрощание не опаздывать на смену.

На часах было шесть вечера, и я отправился на кухню, поужинать и надеть бутербродов с собой.

На кухне сидела задумчивая Ленка и рассеянно щелкала телевизионным пультом.

— Воскресный телеящик — это что-то! — сказала она мне так, будто я отвечал в этой жизни еще и за программу телепередач.

Я нашел в холодильнике заиндевелую упаковку котлет и быстренько покидал их на сковородку. Ленка проводила котлеты озабоченным взглядом:

— Если сейчас их все сожрешь, завтра будешь лапу сосать. Кстати, когда ты уже каких-нибудь денег в семью принесешь? Посмотри, что на холодильнике творится...

Я послушно посмотрел — там действительно творилось нечто. Стопка из десятка

неоплаченных квитанций, в основном за квартиру, красноречиво свидетельствовала о моей вопиющей финансовой несостоятельности.

— Так что там в телевизоре? — с фальшивым оживлением поинтересовался я, глядя себе под ноги.

Ленка вздохнула:

— Культура — это зло, разрушающее духовный мир телезрителя.

— Ага, — тут же согласился я, но осознал ее глубокую мысль, только дважды повторив ее формулировку в ленивом с пересыпа мозгу.

Ленка встала, перевернула на сковородке мои шкворчащие котлеты и запихала в микроволновку пакет с замороженными овощами. Хоть бы на тарелку выложила, что ли...

Кулинарными изысками она меня никогда не баловала — хорошо, что нынче пищевая промышленность радует своих потребителей необъятным ассортиментом полуфабрикатов. Иначе я был бы обречен на яичницу с беконом до самой своей скоропостижной кончины от какой-нибудь прободной язвы.

Я метнулся к компьютеру за оставленным возле клавиатуры пивом, а когда снова зашел на кухню, Ленка смотрела душераздирающий документальный фильм про питерский хоспис. Такое типичное воскресное телевизионное развлечение...

Я с минуту тоже потарачился, как живые покойники функционируют в симбиозе с капельницами и медицинским оборудованием, после чего налил себе пива и грустно сказал:

— Если меня так однажды прижмет, что я буду так ависеть от каких-то электрических приборов и капель какой-то жижи, ты ведь меня отключишь? Не позволишь мне долго мучиться?

Ленка посмотрела на меня с каким-то странным интересом:

— Ты что, в самом деле так думаешь?

— Конечно, — сказал я, задумчиво прихлебывая пиво.

— Значит, немедленно отключить, если увижу зависимость? От приборов и жидкостей? — опять с непонятным нажимом спросила Ленка.

— Нуда! — ответил я, откровенно недоумевая.

— Ну, дорогой, ты сам напротился... — Она неожиданно выхватила у меня пиво и выключила телевизор. Потом ушла в гостиную, и я услышал прощальный писк компьютера.

Ленка вернулась на кухню, села за стол с моим стаканом пива в руке и, цинично отхлебывая, с живейшим интересом спросила:

— Надеюсь, теперь ты наконец чувствуешь себя независимым от приборов и жидкостей? Ты больше не Мучаешься?.. Кстати, футбол по НТВ через час, а пива осталась последняя бутылка. Прости, но ты ведь не должен долго мучиться.

Я смотрел на нее в немом восхищении и мысленно аплодировал ее остроумию и находчивости. И в который раз задумался о том, что эта умная, сильная и красивая девушка нашла в таком неотесанном, откровенно туповатом и скучном гражданине, как я.

Мы познакомились на студенческой вечеринке у случайных знакомых, и я даже предположить не мог что эта эффектная стильная девушка, за которой ухле стывали сразу два потока университета, станет моей женой. Женой нищего, невзрачного, тощего студента первокурсника, набитого немыслимыми комплексами и фобиями, а главное — не имеющего ни малейших перспектив ни в карьере, ни в бизнесе ввиду полной отсутствия высокопоставленных родственников и полезных знакомств.

Ленка оказалась на три года меня старше и на тридцать три года умнее, и, чтобы она так не подавляла меш своим интеллектом, я придумал довольно жалкую защиту — прежде чем сказать ей хоть слово, я считал до десяти. Это позволило миллиону моих глупостей остаться невысказанными, но еще столько ерунды все же прозвучало вслух, но отчего-то не испугало мою избранницу.

Я говорю «избранницу, а не «любимую», потому что любовь, на мой взгляд, не может быть односторонней, а в то, что Ленка любит меня, я как не верил три года назад, так и поныне не верю. Потому что не за что меня любить, граждане! Сам себе я просто противен,

и, если бы вы знали меня, как знаю я, вы бы относились ко мне ровно так же — со снисходительным сочувствием, которым одаривают одноногого инвалида, вышедшего не стометровку рядом с профессиональными бегунами.

На этой стометровке жизни меня так обтесало, что я не всегда уклонялся от ударов, летящих прямо в лицо, — я к ним так привык, что воспринимал их неотъемлемой частью жизни.

Привык, до семнадцати лет проживая вдвоем с матушкой, существуя на ее скудную, практически нищенскую зарплату библиотекаря. Привык в почти ежедневных драках и стычках в своей дворовой школе, наполненной отъявленной шпаной. При том, что я весил едва ли не вдвое меньше любого своего соперника, поскольку с рождения привык еще и к стойкому чувству голода и даже не считал его чем-то противоестественным. Мясо я ел только в гостях, деликатесы видел только на картинках, но вовсе не эти ограничения наполняли меня таким самоуничижением.

Перевернули мою душу два потрясения, случившихся с интервалом в пару месяцев. Первое потрясение — сам факт моего поступления на очень сложный и престижный факультет Политеха, физико-механический. Мне тогда просто повезло с билетами, причем повезло дважды, и я получил две пятерки, по математике и физике — предметам, которые давались мне в школе весьма непросто. Эти пятерки на вступительных экзаменах позволили мне выбрать самую престижную в среде умных людей специальность — биофизику, и я, как последний чилийский лох, потянулся за наживкой.

Тут подоспело второе потрясение, низвергнувшее мою восторженную душу из рая обратно в чистилище, — лекции и семинары для нашей группы велись на языке, который я не понимал в принципе. Все мои одноклассники понимали, я а — нет. Это был язык сопричастности к знаниям, которые мои сокурсники годами получали в своих специализированных школах или у дорогостоящих репетиторов. Это был язык дорогих учебников, платных семинаров и частных школ. Я не знал ни слова на этом языке, и мне пришлось так туго, что только тупая, многодневная зубрежка чудом спасла меня от вылета на первой же сессии.

Но зубрежка годилась лишь для первого курса — дальше требовалось настоящее, неподдельное понимание. Понимание методов математического анализа, осознание принципов химического взаимодействия огромных трехмерных органических молекул, искренняя готовность отринуть прямолинейные ньютоновские законы ради фантастических в своем безумии формул квантовой физики...

Я продержался еще два года на одном своем железном упрямстве, но и его запасы оказались исчерпаемы-ми. Парадоксальный симбиоз квантовой физики, органической химии и генетики, именуемый в учебных планах биохимией, добил меня и, кстати, еще с пяток моих более головастых одноклассников.

И вот те, кто остались, кто делал мне ручкой на армейских проводах, все эти умные и уверенные в себе парни и девчонки, для которых даже биохимия была всего лишь инструментом, а не огромной железной стеной, отделяющей их жизнь от остального благополучного мира, стали для меня вечным укором и символом моей очевидной неполноценности, намного более существенной, чем мой бараний вес или скромный рост.

Ленка же была из другого мира — мира умных и благополучных молодых людей, войти в который можно, только в нем родившись.

Поэтому я, как всегда, с трепетом поцеловал ее в высокий чистый лоб, быстро побросал свои котлеты в пластиковый контейнер, добавил пакет с овощами и потопал в прихожую — одеваться.

— Ты что, обиделся ? — всполошилась она и побежала за мной в прихожую, но я встретил ее там с улыбкой, еще раз поцеловал, на этот раз в губы, и вышел за дверь.

Если я и обиделся, то только на себя.

Глава шестая

В тот май в Петербурге теплом не баловал. Больше того, стоило мне выйти за порог квартиры, пошел мелкий гнусный дождь, от которого не спасал даже зонтик, потому что питерский дождь, в отличие от прочих, нормальных дождей, умеет падать как сверху, так и снизу, а также справа и слева.

На пути к станции метро мне должен был попасться остановочный павильон, где я предполагал обсохнуть и прикупить пару банок пивка на смену. Но, добравшись до павильона, я не поверил своим глазам — остановки не было. То есть киоск со всякой всячиной стоял, а крыша остановки и боковые стеклянные панели отсутствовали.

Так коммерсанты ответили на тупой наезд городской администрации, решившей вдруг запретить размещение киосков на остановках общественного транспорта. Согласно постановлению губернатора, сносу подлежали все киоски, встроенные в павильоны. И их действительно сносили, несмотря на стенания торговцев...

Этот торговец нашел нестандартное решение — он снес остановочный павильон, в который был встроен киоск, и теперь выпадал из печального ряда подлежащих уничтожению торговых точек.

Вокруг киоска стояли мокрые пассажиры и громко, хотя несколько неорганизованно, в нецензурной форме выражали благодарность за заботу городской администрации и лично господину губернатору.

Пока я покупал пиво, услышал и более конкретные предложения.

— Было бы нас человек двести, да арматуру в руки взять, можно было бы вчерашнюю Казань здесь повторить. .. — мечтательно сказал мужик в рабочей спецовке, ни к кому конкретно не обращаясь. — Пошли бы к Смольному, как в старые времена, и всё — кирдык был бы крысам!

— Арматурой их не достанешь, — деловито заметил, крепыш в кожаной куртке. — Тут огнестрел нужен.

— А я бы их просто руками душила, упырей! — решительно заявила полная женщина в застиранном китайском плаще и продемонстрировала собравшимся, свои мозолистые и действительно крепкие руки.

Я быстро уложил в пакет свое пиво и зашагал дальше, ежась от мороси, проникающей в самые интимные места моего организма.

Я шел и думал о том, что, найдись сейчас среди этой случайной группы недовольных горожан один решительный и бескомпромиссный гражданин, я бы легко, пошел за ним громить не только Смольный, но и ни в чем не повинный японский ресторан на ближайшем перекрестке. Потому что даже успешно управляемые телевидением эмоции все равно требуют выхода, и этот выход — отнюдь не драка стенка на стенку с болельщиками чужой футбольной команды.

Я ощущал смутное беспокойство — мне, разумеется, не нравилось ни наше правительство в целом, ни его продажные, тупые и лживые чиновники в отдельности, но и темная стихия не менее тупой и продажной толпы меня тоже совсем не привлекала...

У самой станции метро я увидел знакомую вывеску и, вспомнив ночные страхи и дневных гопников, зашел внутрь.

За прилавком небольшого спортивного магазинчика стоял пожилой худощавый мужчина с нервным, подвижным лицом и быстрыми глазами, стреляющими то в зал, то на улицу, хорошо видимую через одну огромную витрину.

— Мне, пожалуйста, вон ту бейсбольную биту. — Я показал на красивое, но на удивление недорогое деревянное изделие.

Продавец стрельнул в меня глазами, потом в прилавок и наконец сказал:

— Не хочу вмешиваться в ваш выбор, но алюминиевая бита более практична. То, что вы выбрали, сломается после двух-трех ударов. Китайская поделка, понимаете?

Я с интересом заглянул в его живые, скользкие глазки и согласился:

— Хорошо, я возьму алюминиевую. И три бейсбольных мяча, пожалуйста.

Продавец нахмурился и снова внимательнейшим образом изучил прилавок.

— А где вы видели здесь мячи? — спросил он, нервно дергая сразу обеими бровями.

Я улыбнулся, и он тут же с облегчением улыбнулся в ответ.

— Фу, я думал, вы всерьез, — сказал он, принимая у меня деньги, выбивая чек и вручая увесистую алюминиевую битку.

Я попросил упаковать покупку, потому что мне еще ехать с ней в метро, и он принялся искать пакет подходящих размеров.

— Но ведь, согласитесь, это в самом деле странно, когда люди покупают только бейсбольные биты и совсем не покупают мяч ей, — заполнил я вынужденную паузу.

Продавец наконец засунул в пакет битку и, почти не дергая лицом, сказал на прощание:

— Странно совсем не это... Странно, что наш хозяин уже второй месяц никак не может поставить решетку на витрину. К примеру - вы со своей битой теперь можете войти к нам даже днем, а хозяина это совсем не волнует.

Я пожал плечами:

— Типа, приглашаете зайти?..

— Да уж найдется кому пригласить... — с непонятым раздражением ответил продавец и отвернулся к кассе.

А я пошел к метро, на ходу заталкивая маленький пакет с котлетами и овощами в большой, где покоилась битка.

Всю дорогу в вагоне я провел стоя, прижатый толпой к угловому поручню, откуда было видно только множество спин и один рекламный плакат про какие-то говяжьи сосиски. Рекламный слоган сообщал, что сделаны эти сосиски с душой. Через пару остановок на креативную глупость обратил внимание своей спутницы некий молодой человек. Он сказал ей восторженно:

— Смотри, Ань, до чего дошел прогресс!.. Коров теперь утилизируют по полной программе, даже душу в сосиски упаковывают. Интересно, как у них это получается ?

Барышня испуганно покосилась на плакат, но промолчала, зато откликнулась пожилая пассажирка рядом:

— Да нет, они душу не в сосиски запикивают. Они сначала всю душу у коровушек выматывают, а потом на Запад продают.

— Точно! — воскликнул интеллигентного вида мужик, поворачиваясь к парочке своим узким скуластым лицом, на котором едва поблескивали очки в тонкой оправе. — Они говяжьи души на Запад толкают, под видом загадочной русской души!

— Ты, монголо-татарин хренов, русскую душу не трогай!.. — встрял в разговор бритый от макушки до подбородка широколицый юноша, зажатый толпой возле самых дверей вагона. — Здесь тебе не Казань! Здесь русские молчать не будут, а сразу рога поотшибают!..

— А чего в Казани было ? По телику так толком ничего и не сказали. Что было-то?.. — с любопытством спросила у бритого пожилая пассажирка.

— Что-что... Что и в Дагестане, — хмуро отозвался бритый. — Русский язык требовали отменить. И суверенитета еще хотели, бляди косорылые...

— Забыли Ивана Грозного! Уж он бы показал татарам поганой, кто на Руси хозяин! — раздался возмущенный бас здорового широкоплечего дедка, сидящего с рюкзаком прямо возле меня. Увы, дослушать политнекорректную дискуссию мне не довелось, ибо поезд приехал на мою станцию, и я пошел пробиваться к выходу, толкаясь и размышляя о том, почему мне тоже обидно было услышать такое пошлое сравнение загадочной русской души с говяжьей.

Ведь, насколько я понял из своей семейной мифологии, рассказанной еще покойной матушкой, мой генотип на треть состоял из пронырливых еврейских ну-клеотидов, а еще на треть — из бессмертных татарских хромосом. Последняя треть, возможно, была действительно русской, но это же не повод взбрыкивать в метро на незнакомых граждан... Тем не менее за русскую душу стало обидно всерьез, и я даже подумал, а не вклеить ли скуластому интеллигенту битой в ухо, если он тоже выйдет на моей остановке.

Но интеллигент остался в вагоне, благоразумно отвернувшись от народа к стенке, и вдобавок спрятал лицо за газетой. Поэтому я молча пошел себе на улицу Очаковскую, поживаясь от плотной сырости вялого но бесконечного питерского дождика.

Сумерки уже накрыли сквер бывшей поликлиники, но с бейсбольной битой в пакете идти к зданию оказалось не в пример спокойнее, и я даже потратил минут пять на осмотр дома с обратной стороны.

Окна первого этажа были заперты, а вот на втором одна рама была распахнута настежь, и я решил запереть ее сразу же, как только войду внутрь.

Я отпер двери парадного входа своим ключом и, не заходя в регистратуру к Палычу, прошел к маршевой лестнице. Там, в полумраке фиолетовых теней, на меня вдруг снова накатил волна тревожных скрипов и невнятных стонов, поэтому я вытащил из пакета битку.

С дубинкой в руке прогулка на второй этаж оказалась быстрой и простой. Я нашел распахнутое окно, надежно запер его на обе щеколды и спустился вниз, небрежно постукивая битой по всяким медицинским шкафчикам и стульчикам, попадавшимся мне на пути.

В коридоре первого этажа, уже возле самых дверей регистратуры, я вдруг остановился, почувствовав неясное движение впереди, в вестибюле главного входа.

Я застыл у стены, прячась за грудой сломанных банкеток, и тогда в коридоре лязгнул передергиваемый затвор пистолета и грубый голос произнес:

— Руки на голову, сука! Лицом к стене!

Я закашлялся от неожиданности и, пока кашлял, совсем не смотрел по сторонам. Поэтому, когда в метре от меня раздался выстрел и с потолка прямо мне за шиворот посыпалась штукатурка, я ошалел настолько, что едва смог вымолвить в сиреневый сумрак:

— Сдаюсь, Палыч!

Палыч подошел ко мне в упор, держа пистолет у бедра, под прикрытием левой руки, как учили в Академии.

— Тошка, ты идиот! — расстроено сказал мне Палыч, наконец разглядев меня как следует. — Я же тебя чуть не пристрелил. А мне патроны под отчет сдавать!

Я не стал дразнить Палыча прямо там, в коридоре, но когда мы дошли до регистратуры и я увидел сложенные возле ее дверей четыре автоклава и рентгеновский аппарат, то начал комментировать окружающую действительность вслух, без оглядки на бывшие авторитеты.

Палыч терпел меня минут десять, собирая свои шмотки в большую спортивную сумку, но потом все-таки не выдержал:

— Ты, конечно, среди нас самый смелый пацан, но вот Васильев просил тебе передать, что монтировка в кровати — это уже паранойя. Он себе этой монтировкой чуть яйца не прищемил, пока прошлую ночь ворочался на твоих долбанных стульях.

Впрочем, уйти сразу Игорь все равно не мог — мне еще предстояло подписать кучу бумажек с загадочным логотипом «ЧОП «Ист Пойнт»» и рисованным медведем в левом вернем углу.

Я не глядя подписывал бумажки и одновременно, деликатно хмыкая в кулачок, интересовался, как Палыч сумел в одиночку перетащить ответственный груз со второго этажа под дверь регистратуры.

Выяснилось, что это предложение исходило от Васильева, которого Палыч застал в совершенно безумном состоянии аккуратно на втором этаже, среди кучи долбаного оборудования. Оказывается, Валера перезвонил Палычу, чтобы уточнить стоимость имущества, переданного ему на хранение. Объявленная сумма вызвала шок, и он всю ночь честно бродил вокруг этого хлама, реагируя на каждый подозрительный звук.

Результатом патрулирования стало задержание двух пожилых, упившихся до белой горячки бомжей, которых Валера сдал местным ментам, и расстрел из табельного пистолета несметного количества крыс, которых Васильев, оказывается, боялся больше, чем лишения премиальных за утрату подотчетных патронов.

К утру Валера утомился, но к обеду подкрепился бутылкой водки и голыми руками

повязал пятерых местных тинейджеров, вздумавших в тихий субботний день нюхать клей в подвале бывшей поликлиники. Подростков Валера тоже сдал местным ментам, а потом, когда явился Палыч, в ультимативной форме предложил перетащить казенное имущество поближе к штабной комнате.

— Вот какой ответственный, с улицы Очаковской! — поблагодарил я Палыча за поучительный рассказ.

Впрочем, я действительно был поражен вопиющей ответственностью Валерки, беззаветно защищавшего весь этот доисторический железный хлам от покушений со стороны разных асоциальных типов. Что-то есть в Васильеве от персонажей высокоморальных рассказов Аркадия Гайдара, не покидающих ответственный пост, далее если очень хочется писать... Вот и Васильев из тех, кто скорее насытит себе в ботинок, чем уйдет с поста.

— Ты-то, трусливый гамадрил, небось носа ночью-,, не кажешь за пределы регистратуры? — подкольноул меня Палыч.

Я загадочно улыбнулся и подписал очередную бумагу.

Конечно, с пистолетом в руках можно и героем побыть. А ты попробуй голыми руками в сиреновом тумане кошку поймать! Особенно если ее там нет...

Палыч наконец собрал все свои дурацкие бумажки и упаковал сумку со шмотками. Сразу после этого он направился к выходу, небрежно сделав мне ручкой.

Я понял, что он все-таки на меня немного обиделся. За то, что я всерьез напугал его в коридоре первого этажа.

Ну и ладно, подумал я, запирая за ним дверь. Потом вернулся в регистратуру и первым делом достал из пакета бейсбольную битку.

Да, я, похоже, действительно не герой. Но если что — уделаю так, что мало не покажется...

Глава седьмая

В последних числах июня Валера приволок рекламный буклет туристической фирмы, которую едва не сожрали с потрохами какие-то малоизвестные, но очень наглые бандиты из свежей, этого лета, поросли. Бандиты прошлись по офисам Лиговки, как в подзабытые времена перестройки, сшибая наличные деньги с топ-менеджеров и назначая «стрелки» тем коммерсантам, у кого наличных оказывалось слишком мало.

Бандитам не повезло — прошерстив первые три этажа бизнес-центра, они поднялись на четвертый, а там временно, в ожидании ремонта основного здания, располагался городской «убойный» отдел. Впрочем, красные удостоверения не оказали на грабителей никакого воздействия, и операм, в том числе и Валере, пришлось стрелять, как в каком-нибудь боевике, — с беготней по коридорам, лазанием по крыше и даже криками «ура».

В конце концов наши победили и потом еще неделю отписывались от прокуратуры, объясняя причину появления пяти изрешеченных трупов на территории Управления, но награда нашла все-таки героев — благодарные коммерсанты предложили операм неслыханные скидки на свои услуги. Валерке, к примеру, персонально пообещали «четыре недели счастья на Лазурном берегу всего за три тысячи евро на семью». А когда он сообщил про наличие приятеля с семьей, согласились обслужить на тех же условиях и меня...

Палыч вдумчиво изучил буклет и признал, что дешевле только даром. После чего мы с Васильевым отправились оформлять документы на выезд — я для Ленки с Лизкой, а Валерка для своей Катерины и двух деток-близнецов.

Желающих получить шенгенскую визу оказалось неожиданно много. Так много, что не хватило связей Васильева, чтобы решить проблему бесплатно: дополнительно к стоимости путевок мы еще выложили по пять сотен в конторе, удобно расположенной прямо в здании консульства. Впрочем, судя по радостным лицам получателей виз, они готовы были заплатить и больше.

Васильев, в отличие от меня, обошелся без заимствований у Палыча — у него,

оказывается, была заначка еще с зимы, когда он получил наконец командировочные за Чечню, где околачивался всю прошлую осень.

Но деньги больше не были для меня проблемой. Минувший июнь вообще оказался самым финансово успешным месяцем в моей жизни — я отдежурил свои десять суток и еще столько же за Игоря, который заматерел настолько, что легко отказался от суточных размером в сто долларов. Так что на руки я получил две тысячи долларов — столько у меня не выходило даже в Элисте, когда мы всем отделением воровали батареи парового отопления с армейского склада и там же, прямо у ворот, продавали аборигенам по пятьсот рублей за секцию.

Говорят, семейное счастье бывает тогда, когда жена не успевает потратить деньги, которые зарабатывает ее муж. Так вот, это правда. Если к концу мая, когда я приволок домой первую тысячу зелеными бумажками, Ленка только недоверчиво приподняла тонкие брови (хотя и повыше, чем обычно), то в июне, когда я выложил перед ней целых двадцать зеленых бумажек, она кинулась меня целовать-обнимать так, как не целовала в постели после трех оргазмов кряду. Поразмыслив, я понял, что деньги — это реальный мужской макияж.

За это время Палыч сумел найти еще двух серьезных клиентов, так что помимо дома на Очаковской наш новоявленный ЧОП отвечал еще за два объекта — склад на Пискаревской овощной базе и магазин оргтехники в Девяткино, на самой окраине города. В качестве рабочей силы я предложил студентов Политеха, и это оказалось хорошей идеей — студенты соглашались работать даже за десять долларов в сутки, поэтому разницу мы тратили на нужды конторы. К концу июня мы смогли купить подержанный микроавтобус «форд» с усиленной защитой подвески, бронированными дверями и усиленными стеклами, а к середине июля договорились о выкупе под офис квартиры на первом этаже «хрущевки» на Ланском шоссе.

Впрочем, вряд ли столь бурное развитие нашего бизнеса было связано с какими-то мудрыми коммерческими ходами — охранный бизнес рос в Питере как на дрожжах, просто потому, что в охране нуждались, как никогда, а вот мужчин, организованных в легальные организации, катастрофически не хватало. Социологи объяснили этот парадокс неважной демографией, но у меня на этот счет было иное мнение — слишком многие мужчины подались на другую сторону баррикад.

Непонятно откуда вынырнувшие толпы совершенно распоясавшихся мародеров теперь уже почти каждую ночь громили один-два магазина, жгли автомашины и даже грабили целые дачные поселки, легко справляясь с обычной охраной из пенсионеров с одной дубинкой на двоих.

Поначалу в мародеров пытались стрелять, но чины из МВД быстренько выступили по телевизору с разъяснениями, что частной охране запрещено применять оружие «против безоружных людей». А чтобы частники не проявили лишней инициативы, к середине июля все оружие ЧОПов специальным приказом министра МВД было опломбировано в оружейных комнатах. Поэтому мы даже не стали заморачиваться с лицензиями частных охранников — все равно в них не было никакого смысла.

Я предложил набирать к нам в охранники частных лиц, уже имеющих лицензию на оружие, — у таких какое МВД не могло отобрать ружья без законных оснований. Идея оказалась плодотворной — в минувшие выходные пост из троих наших мужиков с охотничьими ружьями отстоял магазин в Девяткино, положив мордами на асфальт почти пятьдесят мародеров. Когда мы с Палычем примчались на место происшествия, толпа уже бежала, а менты на такие происшествия давно уже не совались — у них был приказ ГУВД «не обострять» и «не поддаваться на провокации», поэтому они охраняли лишь собственные отделы, коттеджи руководства да кое-что из ключевой городской инфраструктуры.

По утрам, оставляя дома Ленку с Лизкой, я потом не находил себе места, думая только об одном — а что, если сумасшедшие погромщики примутся за жилые кварталы?.. Впрочем, пока о таких ужасах в новостях не сообщали.

Это было очень беспокойное время, и, когда наконец нам позвонили из турфирмы и

назвали день отлета, я облегченно выдохнул — за эти четыре недели, что Ленка с Лизкой проведут на пляжах Лазурного берега, ситуация в стране должна будет успокоиться. Ведь никакой бардак не может длиться вечно.

В тот день Палыч заехал за нами на конторском «форде» и даже соизволил вытащить свое пузо из-за баранки, чтобы помочь погрузиться. Потом Лизка, сидя на коленях у мамы, звонким писклявым голоском комментировала все, что видела на залитых угасающим августовским солнышком улицах Петербурга.

Мне тоже хотелось пищать, глядя на разбитые или заколоченные досками витрины и череду бесконечных табличек «Sale» на окнах квартир и офисов. На улицах явно поубавилось дорогих и ярких машин — их заменили черные джипы с тонированными стеклами или убитые в хлам «жигули» с небритыми «бомбилами» за рулем.

Прохожих, напротив, было много, но их вид радости не доставлял — это были хмурые, озабоченные люди, с недоверием и страхом разглядывающие почти каждую машину или группу людей.

Мы должны были забрать еще чету Васильевых, но они жили по пути к аэропорту, на проспекте Стачек, так что нам предстояло еще пересечь центр города, а потом всю его южную часть.

Смотреть на город было все более неприятно — в довершение картины разгрома на перекрестках не работали светофоры, причем гаишников и людей в форме, разумеется, и близко не было видно. Поэтому машины проезжали перекрестки, как в анекдотах, не по правилам движения, а по понятиям — чья машина больше или чей водила страшнее.

Наш микроавтобус пользовался уважением — еще в июле, сразу после покупки, мы раскрасили его в камуфляж и облепили наклейками с изображениями медведей в боевых стойках. Впрочем, с большей вероятностью нас опасались потому, что не было видно, кто именно сидит в таком большом и бронированном салоне...

Васильевы ждали нас уже во дворе — высокая, светловолосая Катя быстро затолкала таких же белобрых близняшек в салон, уселась сама и потом, с облегчением выдохнув, сказала Ленке:

— Господи, как я рада, что мы улетаем отсюда! Сегодня ночью в доме просто какой-то кошмар творился. Просто ужас!

Мы дождались, пока Валера закинет в салон дорожный чемодан и пару сумок, усядется сам и закроет Дверь, Потом раздались вопросы:

— Что было-то?

Валера небрежно отмахнулся, а Катя объяснила:

— Соседей приходили грабить. Человек тридцать явились, какие-то таджики или туркмены, в общем, гастарбайтеры из Азии. А наш сосед — он тоже из тех краев, но давно уже в Питере живет, продуктовый магазин держит. Вот его соплеменники, видать, прознали про богатую квартирку и явились грабить.

— И чего? — оживился Палыч, выруливая со двора на проспект.

— Чего-чего! — раздраженно подхватила Катя. — Валерка, конечно, встал среди ночи, оделся и полез геройствовать! Идиот! — вдруг заорала она во весь голос и отвесила сидящему рядом Валере чувствительный подзатыльник, а потом закрыла лицо руками и заплакала.

— Вот грохнули бы тебя там, и что дальше? Кто бы нас потом защищал? Сосед твой драгоценный? — сквозь слезы простонала она, отворачиваясь к окну.

— У меня работа такая — людей выручать, — виновато буркнул Васильев.

— Идиот! — снова заорала на него Катя, повернув покрасневшее лицо. — У тебя даже пистолет отобрали, чтобы ты никуда не лез, а ты все за свое, выручитель хренов!

— Правда, что ли, пистолет забрали? — не поверил я.

— Правда, — кивнул Валера. — Во избежание провокаций городское начальство распорядилось по всем отделам, чтоб менты, кто не на дежурстве, свое личное оружие сдали в оружейки. При себе оружие носить запрещено под угрозой немедленного увольнения.

— Охренеть... — только и смогли сказать мы с Палычем, глядя друг на друга круглыми глазами.

— Может, они специально все это делают, чтоб мародерам проще грабить было? Типа, заговор такой, все в доле, — предположила Ленка, осторожно поглаживая уснувшую Лизку по голове.

— Фигня! — тут же отозвался Палыч, не оборачиваясь. — Не надо искать заговора там, где речь идет об обыкновенном кренинизме. А в ГУВД сейчас одни кретины и заправляют. Им проще, если менты будут безоружными — значит, не придется отвечать за разные инциденты. А то, что мента прибить могут, так это дело житейское — не генерала же прибьют. У генералов охрана вооруженная, и ее разоружать не будут ни при каких обстоятельствах. Мы помолчали немного, а потом я все-таки спросил: — А ты как справился-то там, у соседа, один и без оружия?..

Валера поднял на меня свою нечесаную башку и поправил очки.

— Да вот, как-то справился, — как бы сам себе удивляясь, буркнул он.

— Он с пневматическим пугачом к соседям заявился. И начал орать, что всех перестреляет, — объяснила за него Катя. — Еще фуражку ментовскую нацепил, крестин! — Она уже справилась со своей истерикой и теперь лишь глубоко вздыхала, постепенно успокаиваясь.

— И чего? — пожелал узнать продолжение Палыч.

— Чего-чего! Сдриснули тут же, как будто их и не было, — ответил Валера, расправляя сутулые плечи.

— Да-а, — покачал головой Палыч. — Права Катя. Крестин ты, Валера, редкостный...

— У соседа две дочки, моим пацанам погодки. И жена беременная, на шестом месяце. Когда ночью его жена закричала, я с кровати и поднялся, — просто сказал Васильев, и мы все заткнулись, потому что тут и говорить было не о чем. И Палыч, и я, да и кто угодно в такой ситуации, разумеется, сделал бы то, что сделал Валерка. Все эти геройства, они ведь не для публики делаются. Если ты пройдешь мимо очевидного беспредела, тебя же потом совесть загрызет, что мог спасти человека, а вот взял и не спас...

Так что я понимал Валерку — мне тоже проще схлопотать по морде, чем пройти мимо. Морда заживет, а вот душа — навряд ли. Не дай бог, забили бы соседских детишек до смерти или как-нибудь надругались бы над соседкой — смог бы нормально жить после всего этого Валера? Конечно, нет. Не жизнь это была бы, а так, существование от рюмки к рюмке.

Мы выбрались на Пулковское шоссе, и сразу поток машин вокруг нас стал гуще и как-то нервнее, что ли.

Машины неслись беспорядочным роем. Некоторые, внезапно перестраиваясь, грубо подрезали соседей, но те не реагировали, как бывало, криками и демонстрацией среднего пальца, а упрямо рвались вперед, расчищая себе дорогу дальним светом или клаксонами.

— Как с цепи народ сорвался, — удивился Палыч, вцепившись в руль и выжимая газ до сотни. — Попробую оторваться от этих ненормальных...

Оторваться не получилось — сразу после поворота на аэропорт нам открылась огромная очередь из сотен, если не тысяч машин.

Мы встали в хвост, и Ленка озабоченно спросила:

— Мы успеем?

Я взглянул на часы — пять вечера. До посадки еще три часа.

— Успеем. Если что, побежим напрямик через поле — здесь всего километров семь.

— Да я и по полю проеду, если что... — отозвался Палыч, заглушая мотор и выбираясь наружу. Я вышел следом, потягиваясь и оглядываясь по сторонам.

Народ в очереди тоже повылезал из автомобилей и кучковался в группах, оживленно обсуждая ситуацию. Я подошел поближе и наострил уши.

— Закрывать границу не имеют права! Сначала парламент должен принять закон. И вообще, это будет нарушение гражданских прав на свободу передвижения, — неуверенно убеждал соседей лысый круглолицый мужик, стоя возле такого же круглолицего

серебристого «мерседеса».

— Ага-ага! А когда янки в свои вонючие Штаты мне визу не дали, это что было, не нарушение гражданских прав на свободу передвижения? — возразил атлетического вида гражданин в шортах и борцовской майке.

— Если бы границу закрыли, очередь вообще бы не двигалась! А она двигается! — сказала темноволосая женщина, одетая, несмотря на жару, в глухой деловой костюм, где даже юбка была не мини, а намного ниже колена.

Тут у нее зазвонил телефон, и она одним торопливым движением выудила его из сумочки:

— Да, Василий Семенович! О, вы уже в аэропорту? Да, я знаю, но я не могу — здесь какая-то страшная пробка. Да, у меня все документы с собой. Я буду, я обязательно вам все передам, но мне надо проехать эти несколько километров. А как вы проехали? А самолеты летают?.. Что? Что они ищут?.. О боже!.. Да, я поняла...

— Хорошо, Василий Семенович, до встречи.

Деловая мадам выключила трубу и совершенно потерянным голосом сказала своим собеседникам:

— Никакую границу никто не закрывал. Знаете, от чего такая пробка? Мне Василий Семенович рассказал, он уже в аэропорту.

Она обвела собравшихся совершенно безумными глазами, и на нее заорали сразу оба — и лысый, и атлет:

— Не томи, Кристина! Говори!

— В общем, прошлой ночью ограбили квартиру тещи генерала ГУВД. Вот менты и обыскивают все машины, ну, по списку ищут награбленное. А там, в награбленном, в основном ювелирка. Менты сверяют описания. А народ же везет с собой свое, разумеется. Отсюда и пробка. Никакой политики, короче. Просто люди свое бабло возвращают.

— Вот же суки! — не удержался лысый.

— Козлы, конечно, редкие. Да что там говорить: менты, они и есть менты, — махнул рукой атлет.

Я повернулся и пошел к своим.

— Кто-нибудь везет драгоценности? — спросил я в распахнутую дверь салона нашего «форда».

— Ага. Я везу. Бриллианты, — тут же хором, с одинаковыми саркастическими интонациями, отозвались Ленка с Катей.

Пришлось объяснить ситуацию. Оказалось, что с бриллиантами у наших женщин и впрямь туго, а из ювелирных украшений они везли только кольца да сережки, слава богу, без дорогих камешков.

Очередь двигалась так неторопливо, что через час я всерьез начал уговаривать Палыча рвануть напрямик через поле, но, когда я почти его уговорил, поток машин вдруг продвинулся сразу метров на сто, а потом пошел вперед, вообще не останавливаясь.

Через пару минут мы проехали импровизированный КПП, где на обочине валялась вверх колесами машина ДПС, а рядом, прямо на земле, сидели трое милиционеров с разбитыми в кровь физиономиями.

Еще одна машина с мигалкой стояла неподалеку, и в салоне и рядом с ней шла нешуточная драка еще нескольких милиционеров со стаей молодых людей в одинаковой спортивной форме.

Еще на обочине стоял автобус, раскрашенный в бело-голубые цвета и с огромной надписью на боку «Зенит». Все машины, проезжая, салютовали отважным футболистам фарами и клаксонами, а некоторые водители даже останавливались и выходили — видимо, подсобить.

— Эх, я бы тоже вышел, да, блин, вас везти надо, — с сожалением заметил Палыч, провожая взглядом грандиозную мешанину человеческих тел.

— Потом выйдешь, Игорь! — всерьез испугалась Катя.

— Да, мальчики, сейчас не надо. Может, на обратном пути успеете поучаствовать. Треснете их там от меня лично, — добавила Ленка, с любопытством поглядывая в стекла задней двери.

Без злорадства смотрел в окно только Васильев. Он перехватил мой взгляд и покачал головой:

— Ребята-то тут при чем? Начальство приказало — они выполняют. Эх, какая херня в родном государстве творится... — уныло протянул он, отвернувшись от дороги, и принялся разглядывать наших деток, уснувших в одинаковых позах — ножками на креслах, а головами на коленях у мам.

Регистрация и посадка прошли на удивление спокойно и быстро — я едва успел растормошить и поставить на ножки Лизку, которую внес в аэропорт на руках, как очередь у стойки рассосалась и девушка в голубой форме, шлепнув печати в билетах, открыла турникет.

— Ну, давай, дорогой, пока! Ты сам-то аккуратнее здесь, — сказала Ленка, растерянно глядя на меня.

Я поцеловал ее, потом наклонился чмокнуть в щечку Лизку, но она восприняла этот жест как приглашение снова забраться ко мне на ручки, и Ленка, уже откровенно плача, с трудом оторвала дочку от меня.

— Папа, папочка, папулечка, я с тобой в самолет хочу! — заголосила Лизка, протягивая ко мне руки, и мое сердце защемило от боли.

— Граждане пассажиры, не задерживайте других, проходите... — вздохнув, попросила девушка в форме, и Ленка с упирающейся дочкой почти побежала по коридору в сектор таможенного досмотра.

Еще через полчаса Ленка отзвонилась, чтобы доложить: все сидят в самолете, он уже покатил по рулежным дорожкам, так что через пару минут мы сможем лицезреть взлет...

Мы вышли наружу, и я проорал в телефон прощальные слова. Потом попросил дать трубку Лизке и сказал ей лично несколько известных только нам с нею слов. Лизка очень серьезно ответила, и тут я снова едва не расплакался.

Рядом что-то похожее орал в свой телефон Валерка, и мне пришлось отойти, чтоб он не сбивал меня с мысли.

Потом мы вдвоем подошли к ограде аэродрома. Там на бескрайнем зеленом поле действительно рулил на свою полосу огромный «Боинг», и мы полюбовались его взлетом, сжимая на счастье кулаки за своих дорогих и любимых.

Когда самолет скрылся в серо-голубом вечернем небе, Палыч с гадкой усмешкой повернулся к нам с Валерой:

— Ну что, мужики? Теперь по бабам?

Валера поправил пальцем очки, посмотрев на меня вопросительно, и я, пожав плечами, осторожно ответил:

— Можно...

Но на всякий случай еще раз взглянул на небо — не возвращается ли самолет.

Глава восьмая

К тому времени мы лично не дежурили ни на одном из объектов фирмы — Палыч выплачивал нам с Васильевым зарплату в полторы тысячи евро каждому за контроль над штатом в сотню студентов и охотников. Среди моих объектов числился и дом на Очаковской, который я «закрывал» шестью студентами Политеха — по одиночке они работать наотрез отказались, но даже зарплата в десять долларов за сутки оказалась уместной для вечно тощих студенческих кошельков.

— Поехали на Очаковскую, — сказал я друзьям, ожидающим моих предложений. — Там сегодня Семен с Коляном дежурят, с машиностроительного факультета. Они меня звали — у них на вечер назначен просмотр ужасного ужастика. Приглашены сокурсницы, числом

штук десять. Без кавалеров. Короче, будет из чего выбрать, и вообще — развеемся!

— Просмотр ужастика? На Очаковской? — удивился Палыч, усаживаясь за руль «форда».

— Ну да! Там же страшно. Ночь, туман, голоса и все такое. .. — напомнил я антураж бывшей поликлиники, но Палыч сделал вид, что не понимает, о чем идет речь. А может, и вправду забыл, как всего пару месяцев назад истерично стрелял в меня из пистолета, обалдев от ужаса в сиреновом тумане первого этажа тихого медицинского учреждения.

Мы поехали обратно по Пулковскому шоссе, машины на котором теперь уже совершенно успокоились и двигались неспешно и предупредительно. Большинство водителей прижимали трубки телефонов и о чем-то договаривались с невидимыми собеседниками или, что точнее, собеседницами. Впрочем, конечно, они еще могли в этот субботний вечер размещать заказы на рекламу стеклопакетов или даже шарикоподшипников, но в последний вариант, глядя на эти сладкие улыбочки, мне верилось с трудом.

Это была удивительная автоколонна мужиков, проводивших в аэропорту своих женщин и теперь откровенно направляющихся к любовницам или, на худой конец, к блядам. Завораживающее зрелище — я любовался им минут десять, пока меня не вернул к реальности Палыч, подсказавший, что в гости к бедным студенткам без жратвы и выпивки ездить не положено.

Мы въехали в город, и я долго и безуспешно таращился по сторонам, разыскивая среди мелькающих вывесок витрину ночного продуктового магазина. Но таковых не было, и, когда мы уже пересекли центр города, я огласил салон микроавтобуса возмущенными претензиями к магазинам вообще и к Петербургу в целом.

Васильев, устало почесывая отсиженную задницу, объяснил мне, дураку:

— С первого августа все ночные магазины закрыты распоряжением губернатора. Во избежание проблем с погромами.

Палыч тут же закашлялся за рулем, удивленно комментируя эту новость:

— Какие же у нас тупые чиновники! Вместо того чтобы обеспечить безопасность ночных магазинов, они закрывают сами ночные магазины! Пять баллов! Кретины!

Пришлось ехать в сетевой супермаркет, сделав крюк километров в пять.

Супермаркет охраняли человек двадцать сотрудников ОМОН, все, как один, с короткоствольными автоматами в руках, и я подумал, что этих ребят, наверное, сняли с охраны банков или, что вернее, какого-нибудь государственного объекта.

Всех троих в магазин не пустили. Строгий майор даже не стал обсуждать эту возможность, просто указав кивком квадратной челюсти на колесную тележку:

— В магазин войдет один. Купит, чего надо, и выйдет. Остальные ждут здесь и помалкивают. Или получают в табло вот этими прикладами.

Майор показал нам на облупленные приклады автоматов своих архаровцев, и Палыч с Валерой послушно остались на пороге магазина, наказав мне не скупиться. Денег при этом, что интересно, не дали, так что всю выпивку и жратву на общую вечеринку я закуpal сугубо на свои.

Тележку я заполнил быстро. Молчаливая очередь тоже двигалась без задержек. Добравшись до касс, я увидел там за стойками не привычных девушек в мини-юбках, а суровых мужиков в черной форме, с наручниками и газовыми баллончиками на поясе.

Расплатившись, я выкатил тележку на пандус из-за спины окаменевшего от долгого стояния майора и начал махать своим друзьям, похоже, уснувшим в микроавтобусе.

— Да забирай ты свою жратву вместе с телегой, не парься, — посоветовал очнувшийся от спячки майор.

— Чего так? — не поверил я.

— Нас утром снимают с объекта, — объяснил майор. — Так что один хрен, через восемь часов тут все разнесут, вместе с тележками.

Я сунул ему банку пива. Он равнодушно ее открыл и так же равнодушно опустошил за пару-тройку глотков прямо на боевом посту.

Я подкатил телегу к микроавтобусу и сердито стукнул бронированный борт:

— Открывай!..

Боковая дверь тут же отъехала в сторону, и я увидел заспанную физиономию Валеры.

— Приперся наконец, — пробормотал он, почесывая уже не только свою отсиженную задницу, но и голову.

Интересно, как он умудрился отсидеть голову?..

Мы не стали возиться с перекалыванием банок, бутылок и пакетов из корзины в салон.

— Корзину подарили, так что берись спереди, бросил я, и Валера, одобрительно хмыкнув, помог втащить мою добычу в машину.

Потом минут пять мы молча сидели в салоне, тупо ожидая, когда Палыч соизволит двинуться с места, пока Валера не привстал и не разглядел закрытые глаза нашего водителя.

Васильев быстренько изучил ассортимент продуктов в тележке и шепотом спросил:

— Кетчупом мажем или майонезом? О, да тут и горчица есть!..

Я не успел ответить, потому что к нашему «форду» подошел омоновец, но не со «стечкиным», как у всех местных, а с «калашом» наперевес, и рывкнул так, что не только я, но и Палыч подпрыгнул спросонок:

— Эй, вы, там, в автобусе! Здесь не стоять! Завтра днем шакалить будете! А сегодня у нас есть приказ стрелять на поражение!

Омоновец еще что-то говорил, все более выразительно размахивая автоматом, но Игорь уже завел двигатель и тут же, без разогрева, тронулся с места, аккуратно объезжая нервного мента.

Только отъехав от супермаркета метров на триста, Палыч наконец высказал все, что думает о своем гонителе:

— Вот ведь муило! Чего так орать? Водку им там бесплатно выдают, что ли?

— Кстати, очень даже может быть... — бросил завистливый взгляд назад Валера.

Мы ехали по вечернему городу, погруженному в крошечную тьму — не работали даже светофоры и уличные фонари (что уж говорить про рекламные щиты!). За окном я не видел ничего, кроме темно-серых клякс, невнятных теней или явных черных дыр. При этом на перекрестках, под арками кварталов старого города или прямо на широких тротуарах спальных районов тревожно мелькали огоньки сигарет и карманных фонариков.

Жители «культурной столицы Европы» готовились к очередной ночной вахте, где одним предстояло защищать, а другим — отнимать.

Отсутствие света в городе компенсировалось множеством удивительных звуков. Там, в темноте, кричали, пели, плакали и даже выли, и от этой дикой музыки у меня в башке заворочался знакомый страшный зверь...

Я чувствовал себя дичью — заведомо обреченной, давно обложенной опытными охотниками. Вот сейчас на дорогу выскочит толпа темных, злобных людишек, они бросятся под колеса и, хотя нескольких «форд» задавит, но потом непременно увязнет, остановится, и уцелевшие яростно обрушат на машину свои арматурины и дубинки, потом умело раскатают ее и, уронив боком на асфальт, начнут свой бешеный танец неандертальцев, заваливших мамонта...

Меня снова качнуло, и я, не открывая глаз, нащупал спинку сиденья, вцепившись в нее мертвой хваткой.

— Тошка, да вставай же ты, задолбал тут спать! — услышал я возмущенный голос Васильева и почувствовал очередной толчок в плечо.

Я открыл глаза и с минуту спокойно наблюдал за Валерой, который, устав меня будить, самостоятельно вытащил тележку с продуктами из салона и теперь ждал меня в знакомом сиреновом полумраке сквера на Очаковской, небрежно пожевывая папиросу.

Тогда я встал и, кряхтя и постанывая от жалости к себе, выбрался из машины. Мне очень хотелось спать, но было ясно, что этого мне сейчас сделать не позволят.

— Машину как следует заприте, мужики! — послышался голос Палыча. Оказывается, он успел уже пройти в дом и командовал в регистратуре, в распахнутом окне которой

мелькали призывные силуэты и слышался звонкий девичий смех.

Я захлопнул дверцу «форда» и проверил двери с другой стороны. Все было надежно заперто, и я пошел к дому нетвердой походкой только что проснувшегося человека.

Бывшая поликлиника поразила меня своей неожиданной обустроенностью и каким-то даже не домашним, а киношным уютом — так декорируют студийные павильоны для съемок о тяжелом житье-бытье среднего класса.

В вестибюле было не просто чисто — вдоль стен стояли пальмы в кадках, а почти весь пол был застелен явно новым ковролином. Еще одна дорожка вела в регистратуру, где я, к своему изумлению, увидел роскошный сексодром — огромный диван, занимавший половину этой, к слову совсем немаленькой, комнаты.

Семен и Николай, два крепких студента, лично отобранных мною в общежитии машиностроительного факультета Политеха, приветствовали меня, соблюдая корпоративную субординацию:

— Здравия желаем, Антон Львович! Рады вас видеть на нашей вечеринке!

Я солидно кивнул, как и полагается начальнику, прошел на середину комнаты и с любопытством огляделся.

Чтобы понять, во что превратилась бывшая регистратура бывшей поликлиники, достаточно было увидеть розовые плюшевые обои. Но это была лишь одна деталь из множества, превративших суровое присутственное место в бордель, салун и гостиную имени Ксюши Собчак одновременно.

Розовые пуфики, занавесочки с рюшечками, огромные постеры с мускулистыми качками и голыми девицами, плюшевые собачки, разбросанные по полу, и даже зеркало размером с четверть стены — в такой комнате невольно начинаешь искать стойку кассы с хозяйкой борделя во главе, но стойки я так и не увидел.

Зато увидел сидящих на широком подоконнике трех симпатичных молоденьких девушек, с любопытством разглядывающих меня.

Рядом с девицами стоял ужасно важный Палыч. Указывая на меня широкой ладонью, он сказал:

— Знакомьтесь — Антон! Мой молодой, но перспективный сотрудник. Рекомендую!

Девушки мило улыбнулись и прощепетали:

— Инна.

— Мила.

— Яна.

Я тут же забыл, кто из них кто, и, повернувшись к своим студентам, спросил, указывая на обстановку вокруг:

— Откуда дровишки?

Оказалось, добро натаскали из разграбленного и наполовину сожженного две недели назад мебельного магазина в квартале.отсюда. Увидев мое резко поскучевшее лицо, ребята тут же принялись оправдываться:

— Мы сами внутрь не заходили. Подобрали только то, что мародеры бросили на улице.

Палыч обошел вокруг дивана и спросил, задумчиво попинав его со всех сторон:

— А это чудо вы как сюда втащили?

Ребята, отчего-то дружно покраснев, указали на окно.

— Раму сняли и внесли. Потом обратно все поставили, как было, — осторожно подбирая слова, объяснил Семен.

Тут подал голос Васильев, доселе скромно сидевший на розовом пуфике в углу, закрытый продуктовой тележкой с головой:

— А где же ваши остальные... м-м... гости?

— Девчонки-то? Сейчас придут. Они пошли по дому гулять, — отозвался Семен.

— И не страшно им? — Я вспомнил свои приключения здесь.

Семен и Коля с недоумением уставились на меня :

— А кого тут бояться? Бомжей и гопников еще вы в свое время отвадили, а всякую

одиночную шушеру мы тут гасим в один удар. — Семен показал глазами на стойку возле двери, на которой, помимо моей исторической монтировки и бейсбольной биты, лежали еще металлические нунчаки и милицейская дубинка.

— Ну, и еще кое-что у нас имеется... — впервые за этот вечер подал голос Николай, поднимая подол своей рубахи. Я увидел револьвер, небрежно воткнутый за брючный ремень.

— Боевой? — насторожился я.

— Газовый, но такой,, э-э... как бы усиленный... В общем, дробью шмаляет так, что двери пробивает, — с гордостью пояснил Николай.

— Нас тут в районе уважают, — похвастал Семен. — Если где рядом заварушка, к нам за помощью бегут.

— Ну а вы? — с интересом спросил я.

— А мы — помогаем! — бодро ответили оба студента, расправляя широкие плечи под восхищенными взглядами своих друзей.

— Короче, тимуровцы, мля, — бросил вполголоса Валера, то ли с укоризной, то ли с гордостью за родной Политех.

Тут в коридоре послышался отчаянный визг, а потом дружный взрыв здорового девичьего смеха.

Дверь распахнулась, и в комнату влетела смешная рыжая девчонка в каких-то совершенно минимизированных джинсовых шортах и отважно распахнутой белой блузке. Девчонка сначала с размаху захлопнула дверь, а потом прислонилась к ней спиной и, обреченно закатывая глаза, сказала в пространство:

— Как же они меня напутали, эти противные мерзкие сучки! Я в этом долбаном коридоре на втором этаже чуть не описалась от страха!

Тут девушка заметила в комнате посторонних и сразу посерьезнела, вопросительно поглядывая то на меня, то на Семена с Николаем:

— Это ваше начальство, да? — и, уже глядя только на меня, торопливо добавила: — Мы не хулиганим, не волнуйтесь! Мы сейчас уйдем!

— Лично я тоже не прочь похулиганить, — отозвался из-за тележки Васильев, и девица с вежливым вниманием на лице посмотрела в его сторону.

Я с восторгом разглядывал незнакомку, и в моей, вдруг посвежевшей и совершенно проснувшейся, голове крутилась только одна и, разумеется, пошлая мысль — неужели они делают это на одном, пусть и большом диване?.. Я вот так не умею и не хочу — мне понадобится, как минимум, изолированное помещение. Но найдется ли в доме подходящая мебель?

— А что, у вас тут только одно жилое помещение? — вдруг деловито спросил у Семена Палыч, и я повернул голову, чтобы посмотреть на приятеля. Так и есть, Игорь с откровенным, прямо-таки животным вожделением таранился на рыжую.

Ну уж нет! Перебьется! Что же это делается, граждане! Впервые за три месяца усталый работяга видит симпатичную барышню в подходящей обстановке, и вот те раз — эту девочку тут же пытаются увести...

— Насчет похулиганить — это надо ко мне обращаться, — веско начал я, поворачиваясь к рыжей самым своим выигрышным ракурсом, то есть в профиль. — Вот как-то гуляю я по Лазурному берегу, чуть правее Ниццы, а тут навстречу Абрамович с женой несется. Ну, конечно, замечает меня и останавливается в изумлении. И говорит...

— А говорит он вот что: отчего ты, Тошка, до сих пор водку не открыл!.. Она же стынет! — перебил меня Васильев, смело выдвигая из-за тележки свое сутулое туловище навстречу судьбе. Тоже, значит, заметил красавицу, Пинкертон самоходный.

Рыжая скользнула по Валере равнодушным взглядом и повернулась ко мне, доверчиво хлопая мохнатыми ресницами:

— Да? И что там Абрамович? На пиво-то удалось перехватить?

Я с удовольствием смерил ее восхищенным взглядом и отрицательно покачал головой:

— Я ему одолжил только сотню. Он ведь мне, зараза,

еще с прошлого года штуку никак отдать не может.

Рыжую звали Ленкой, и вообще это было какое-то наваждение — мало того что она была похожа на мою Ленку, так она еще оказалась студенткой ЛГУ, причем тоже с филфака. Везет же мне на образованных барышень!

Впрочем, в отличие от моей Ленки рыжая Ленка к Питеру никакого отношения не имела, а прибыла к нам на учебу из некоего города Каратау, что находится в Республике Казахстан.

Когда мы расселись со стаканами на гостеприимном диване, а Васильев налил нам всем водки, Лена в двух словах рассказала мне историю своей жизни:

— Я из семьи немецких переселенцев. Поэтому моя фамилия Клят. В переводе с немецкого — «замечательная».

— Ну, это ты преувеличиваешь, — заявил я, хмурясь изо всех сил. — Вот, помню, гуляю я по Лазурному берегу, а навстречу мне замечательная Наоми Кэмпбелл ковыляет. Туфли за штуку евро ногу ей натерли, вот она в них и ковыляет уныло. Ну, а я ей и говорю...

— Жаба ты противная! — опять встрял Васильев, сидя на розовом пуфике напротив и ревниво глядя на нас с Ленкой. — Сколько можно парить мозги бедной девушке! Говори уже правду — третий брак, четверо детей, алименты задолбали...

Я с возмущением поднял глаза на Васильева и показал кулак.

— Я ему не верю, — обнадежила меня Лена, чокаясь со мной своей водкой. — На самом деле алименты тебя не вовсе задолбали, верно?

— Верно, — осторожно кивнул я, ожидая продолжения.

— Ты совсем не похож на человека, который платит алименты, — продолжила Лена. — Ты, скорее всего, сматываешься молча, не прощаясь.

Я печально вздохнул и потупился:

— Всё намного хуже. Вампиры мы! Я ведь на прощание выпиваю из жертвы всю кровушку.

Лена подняла на меня ясные зеленые глаза и ухмыльнулась:

Как это кстати! У меня нынче этой крови — просто завались!

Васильев тут же зашелся в радостном кашле, едва ли не повизгивая от восторга, а я разочарованно протянул:

— Да ты что? Именно сегодня? Значит, никакой надежды?

— Увы, — признала она, допивая свою водку. — Но ты не переживай. Смотри! — Она показала на дверь, и тут, как по волшебству, дверь отворилась, и в регистратуру вошел целый выводок девиц разной степени одетости, все ужасно возбужденные прогулкой по бывшей поликлинике, все очень веселые, разговорчивые — это был такой контраст по сравнению с тем, что я видел последнее время в городе, что я невольно улыбнулся им, улыбнулся тепло и радостно, несмотря на то что находился под прицелом пары внимательных зеленых глаз.

— Ну и как? — спросили меня эти внимательные глаза.

— Ты — лучшая! — ответил я совершенно искренне.

Лена понимающе усмехнулась, но что-то живое все-таки шевельнулось в ее посуровевшем безжалостном лице, и она отдала мне свой пустой стакан:

— Твоя тележка — ты и наливай. Кстати, есть мне тоже хочется...

До тележки я пробирался с боями, как на бесплатном фуршете для ветеранов войны, устроенном в районной администрации, — меня толкнули и ущипнули раз десять, пока я шел туда и обратно.

Вернувшись с добычей на свой уголок дивана, я передал Лене стакан и пластиковую тарелку с закуской. Она благодарно кивнула и принялась есть, аккуратно цепляя пластмассовой вилкой разнообразные деликатесы, щедро наваленные мною в ее тарелку. Я деликатно отвернулся от голодной студентки в сторону, наблюдая процесс подключения огромной плазменной панели к DVD-проигрывателю. Панель извлекли из-под дивана и просто прислонили к стене.

— Панель тоже на улице подобрали? — насупился Палыч, но Семен протестующе вскинул руки:

— Игорь Палыч, мы не мародерствовали! Панель нам одолжил мужик из дома напротив. Сам-то он в Штаты смылся, а квартиру пустой оставил. Самая ценная вещь у него в квартире — это панель. Вот и отдал на сохранение. Приедет — вернем. Я же говорю: нам здесь, в районе, народ доверяет.

Игорь задумчиво покачал головой:

— Ну ладно. Тогда молодцы.

— А то! — гордо подытожил Семен, подключив наконец к панели шнур от проигрывателя.

Весь выводок девиц расселся на диване, растолкав нас от центра к краю своими упругими бедрами.

С трудом оторвав взгляд от разнокалиберных, но одинаково заманчивых девичьих поп, я обернулся к Лене и в упор столкнулся с ней глазами.

— Красиво, да? — спросила она, подцепляя на вилку маслину с уже пустой тарелки.

— Очень! — честно признался я, на всякий случай виновато пожав плечами.

Васильев перебрался со своего пуфика напротив нас с Леной в самый центр дивана и возлежал там, как персидский шах среди наложниц, деловито подливая водку в ближайшие стаканы, так что нам с Ленкой никто не мешал строить друг другу глазки.

По панели прошла волна цифровой ряби, а потом зловещая музыка и тревожный видеоряд с какими-то осенними пейзажами быстро погрузили всех нас в атмосферу ужасного ужасика. Семен метнулся к двери, вырубая общий свет, а потом все затихли, не отрывая глаз от панели.

Я косился на экран и думал о том, в каком парадоксальном мире я живу — на улицах Питера сейчас творится такой ужас, что никакому Голливуду не приснится. Но этого, реального, жизненного, настоящего ужаса нашим девушкам мало — им подавай еще ужас киношный, красиво сделанный и грамотно поданный. Да еще в соответствующей обстановке... Если бы Семен с Николаем дежурили в морге или крематории, не сомневаюсь, что все эти девицы приперлись бы на просмотр ужасиков даже туда — в погоне за острыми ощущениями и приключениями на свои упругие попы.

Тут я почувствовал движение рядом и сказал Ленке осторожным шепотом, вспомнив известный анекдот:

— А хочешь, пойдем посмотрим на звезды?..

— На звезды без презерватива смотреть не пойду! — процитировала окончание анекдота Ленка, но послушно поставила на пол стакан и тихонько встала, направляясь к двери.

Все ж таки чему-то учат их там, на филфаке, подумал я, выбираясь вслед за Ленкой в темный коридор.

— На звезды — это на крыше? — спросила меня Ленка, упершись руками мне в грудь и мечтательно закатив глаза.

— Точно! — сказал я с воодушевлением, схватил за руку и повел на крышу, осторожно пробираясь среди так и не убранного медицинского хлама.

Уже на третьем этаже ко мне вернулось привычное теперь уже чувство опасности, а на четвертом пришла и одышка. На пятом мы дышали одинаково тяжело, пока я вскрывал своим швейцарским ножиком хлипкий замок чердака, но, выбравшись на крышу, перестали слышать друг друга, потому что звуки большого города захлестнули нас неожиданно будоражащей волной.

— Смотри вон туда, опять чего-то громят!.. — Ленка показала на мельтешащие пятна света и тени где-то в районе центра, и я послушно уставился на эти тени, пытаюсь увидеть больше, чем полагается видеть тому, кто, ничем не рискуя, наблюдает за страшной трагедией с безопасного расстояния.

Там, в центре, горело что-то многоэтажное, а вокруг шевелилась и кричала злая толпа.

Потом вдруг эта темная масса поймала ритм своих злобных криков и отчетливо запела «Интернационал»,

Тогда Ленка обхватила меня своими нежными, теплыми руками, и я тоже обнял ее, бережно опуская на крышу.

— Нет, я хочу всё видеть, — прошептала она, и тогда я просто повернул ее к себе спиной, уложив на бортик крыши, и двумя простыми движениями обнажил ее стройное, белое тело.

Она смотрела на стонущий в безудержном страхе и гнев Петербург и стонала на весь город в такой же безудержной страсти, а я смотрел теперь уже только на нее, сходя с ума от счастья обладания таким юным, щедрым и чувственным телом.

Сейчас мне было плевать на весь город, но вот звезды действительно завораживали, и я, на минутку взглянув на них, уже не мог оторвать от них своего изумленного взора.

Звезды кружились и даже приплясывали с нами в такт в призрачных бликах случайных фонарей, а потом одна из звезд стала расти, а спустя минуту даже отчетливо гудеть, приближаясь к земле.

Когда светлое пятно выросло до размеров Луны, я увидел, что это не звезда.

— Самолет! На город падает самолет! — закричал я, но остановиться было уже не в моих силах, и я продолжал делать с рыжей то, что делал, иногда даже кусая ее в припадке какого-то страстного, неудержимого безумия.

Ленка подняла голову и тоже заорала на весь город нечто нечленораздельное, но очень животное, и потому абсолютно понятное мне сейчас. И я заорал то же самое, извергаясь в нее, но не сводя взгляда с медленно падающего на город самолета.

...Она кончила вместе со мной, когда в паре километров от нас раздался взрыв такой силы, что до наших обнаженных тел долетел жуткий, как дыхание смерти, запах жженого пластика.

Тогда я обнял ее и опустил на крышу, закрыв собой от всех опасностей сразу.

— Еще, — сказала она, нервно кусая губы, и я жадно обнял ее, теперь уже так, что ее губы упирались в мои. Она закрыла глаза, совсем размякнув в моих руках, ее лицо поплыло в неверных отсветах разгоравшегося неподалеку пожара, но она, мягко улыбаясь, едва слышно выдыхала одно и то же слово:

— Еще! Еще! Еще!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава девятая

Палыч подбросил меня до моей убогой, а теперь еще и уныло—пустынной «хрущевки», пожал мне руку, одобрительно ухмыльнувшись на прощание, а когда я уже вышел из машины и шагал к дому, крикнул в открытое окно:

— Завтра утром у меня встреча с одним важным перцем! По результатам будет разговор с тобой и Валеркой. Никуда больше не пропадай.

Я устало махнул ему рукой, и он уехал, еще раз ухмыльнувшись мне в окно.

Я понимал причину этой ухмылки. Мы с Рыжей успокоились и взяли себя в руки в переносном смысле, оторвавшись в смысле реальном, только к обеду следующего дня.

Точнее, аккуратно в обед, уже после полудня, мы в последний раз сошлись с ней в отчаянном объятии на крыше поликлиники, теперь не под луной, а под прощальным августовским солнышком. И разумеется, это объятие стало прелюдией очередного акта страсти, который на этот раз проходил на антенной стойке, в огромной спутниковой тарелке, оказавшейся очень удобным сервисом и в этом смысле тоже.

Потом мы тихо лежали в мягких изгибах космического коммуникатора и смотрели на город. Он был подернут дымкой сразу нескольких пожаров и оттого выглядел черно-белым,

как на блокадных фотографиях.

Сходство добавляли ряды мешков с песком, закрывавшие подступы к Смольному. Мне показалось, что на этих баррикадах я вижу пулеметы, но, возможно, это была игра воображения.

Когда мы выбрались из тарелки, дыша одновременно и телом, и душой, давно уже забыв про условности вроде одежды, то увидели в чердачном проеме злобное лицо Палыча и задумчивые мордашки девиц у него за спиной девиц.

— Бляха-муха, Тошка! Мы, как бараны, всю ночь дом за домом в округе прочесываем, тебя ищем! А ты, падла, тут развлекаешься!.. Тебе что, на звонок ответить трудно было? Или самому позвонить?! Пошел ты, скотина, на хрен! Видеть тебя не могу!.. — Палыч со всей дури треснул кулаком по деревянной крышке чердачного перекрытия (разумеется, сломал напополам) и удалился, подергивая плечами в бессильной, но праведной злобе.

Следом ушли и девицы. Впрочем, удалялись они достаточно неторопливо, бросая исподлобья странные взгляды на Рыжую и на меня, пока Рыжая не встала посреди крыши, эротично поводя голыми бедрами, на которых солнечный свет тут же принялся рисовать причудливые блики.

— Да-да-да! Мы тут трахались! Вот с ним! — Она показала на меня, чтобы ни у кого не осталось сомнений, с кем она провела эти десять часов.

Я же, помнится, поклонился и сделал незванным гостям реверанс, стараясь сильно не размахивать чем ни попадя, после чего девушки тут же удрали, оставив наконец нас одних.

Перемазанная с пяток до ушей уличной копотью и мелом, Рыжая даже не думала смывать грязь. Ей было все равно, красива она или нет, «держит» она лицо или «не держит», вижу ли я лишнюю складку у нее на животе или не вижу. Такой равнодушной к собственной внешности может быть только влюбленная или очень страстная женщина. Счастлив тот мужчина, который видел рядом собой такую женщину! Я был счастлив и понимал это каждой клеточкой своего тела...

Мы начали одеваться, правда, не сильно торопясь, а потом Рыжая вдруг спросила меня:

— Ты «Бриллиантовую руку» смотрел? Ну, был такой древний коммунистический фильм. Помнишь, когда эти общественники из субсидируемых правительством организаций в гостиницу приперлись и давай таращиться на несчастных людей? По-моему, сейчас было очень похоже...

Я надолго задумался, нацепил кроссовки, тщательно зашнуровал их и потом все-таки спросил:

— Почему «общественники из субсидируемых организаций», я еще понял. Но почему они таращились на «несчастных людей»?

Рыжая аккуратно застегнула молнию на своих символических шортиках и подняла на меня удивленные глаза:

— Но ведь эти несчастные люди так и не успели по трахаться в той гостинице! Их же обломали, ты разве не помнишь? А ведь им так хотелось, особенно ей. Там даже песня была, такая волнующая...

Я ничего не ответил, только спросил у Рыжей телефон и сразу его записал — чтобы потом не забыть. Такие девушки заслуживают, чтобы о них не забывали даже на смертном одре. Можете считать меня бессмысленным похотливым самцом, но об этой девушке я теперь буду вспоминать всю свою жизнь.

А с Палычем и Валерой мы помирились в тот же день — едва спустились с Рыжей в регистратуру и смешали себе по коктейлю. Именно тогда в дом вломилась подростковая банда числом в двадцать рыл, и всем нам пришлось поработать, успокаивая совершенно безумных, безжалостных и гнусных в своем уверенном и деловитом мародерстве хищников.

Банда, судя по эмблемам на повязках, рейдировала из северных кварталов Питера, причем при ней, как в Средние века, имелся даже натуральный обоз в виде мототележек, запряженных выдавшими виды мотоциклами.

Это были не просто случайные гопники, забравшиеся в брошенный дом. Они были

готовы встретить здесь людей и не боялись этого, а даже, скорее, ждали — им нравилось пугать, унижать, приказывать... Вот и нам они сначала всерьез начали приказывать, объясняя, куда следует складывать деньги и ценные вещи.

Заполонив почти весь вестибюль поликлиники своими крепкими, мускулистыми телами, они смотрели на нас, высипавших в коридор, почти что с жалостью, а потом один из прыщавых «рейдеров» процедил:

— Ну, чё вылупились, ботаны? Хотите целыми остаться, давайте сюда бабло по-быстрому. И коз своих отдайте. Вечером живыми вернем, не ссыте. Только пусть, суки, не рыпаются — если нормально обслужат, бутылки снаружи оставим...

Он начал было гоготать, но тут Васильев метнул бутылку из-под пива и неожиданно попал в лоб его соседу. Прыщавый командир разинул рот, глядя, как соратник потирает ушибленное лицо, а потом быстро вынул из рукава толстый металлический прут и без замаха треснул меня, как самого ближнего, по корпусу.

Боли я не почувствовал — меня подхватило, приподняло и закружило знаковое чувство темной, рвущейся наружу злобы, которую мне надо было немедленно выплеснуть, пока она не разорвала меня изнутри.

Я молча вцепился в ворот кожаной куртки прыщавого предводителя и начал душить его этим воротом, накручивая поворот за поворотом комков дорогой, хорошо выделанной кожи, точно напротив дергающегося кадыка своего противника.

Вокруг тоже что-то происходило но я ничего не ви. дел и не слышал — я смотрел в наливающееся кровью лицо своего врага и не Понимал, почему это ненавистное рыло никак не исчезнет, почему оно дергается и кривит толстые губы, моргает редкими ресницами, хрипит и пускает слюни, но так упрямо не исчезает из моей жизни...

Остановился я, только услышав выстрелы под самым ухом. Стрелял Палыч. Каким-то чудом он успел выбраться во двор, открыть микроавтобус и достать оттуда наши, так до сих пор и не зарегистрированные, помпы.

Вестибюль был полон разноцветного тряпья и невнятного хлама, который, похоже, притащили с собой эти крысы, а вот самих крыс на полу было немного — кроме моего, уже посиневшего, крепыша, на белом мраморе вестибюля распластались всего двое уродцев.

Остальные удрали, быстро и сноровисто, как испугнутые крысы, разбегаясь веером по скверу и теряясь дальше на залитых солнцем, но таких пустынных теперь городских улицах.

В коридоре показалась Рыжая, и я непроизвольно шагнул к ней навстречу, заранее обмирая от ужасных предположений. Но Рыжая шагала уверенно и твердо, а в руках у нее был револьвер. Она подошла к одному из тел на полу, внимательно рассмотрела его сверху и разочарованно сказала:

— Блин, это, оказывается, не я. Этого козла помпой продырявили...

Она не стала смотреть на второе тело, и я не сразу понял почему. А когда пригляделся, увидел, что у него нет головы — помпа в ближнем бою, как говорится, страшная сила.

Пока не прошел боевой запал, мы вытащили все три трупа в кусты заднего двора и бросили их в открытый с весны канализационный люк возле забора, а потом еще около часа обсуждали проблему обороны здания поликлиники от расплодившегося городского сброда.

Разумеется, ничего нового придумать не удалось — увеличивать штат не позволяло финансирование, поэтому Семен с Николаем просто выкляли у Палыча одну помпуху на двоих, обязуясь честно отчитываться за каждый истраченный на врага патрон.

Потом мы быстро утрамбовали наконец-то напуганных реальным ужасом девиц в наш уютный броневилок и выехали в город.

Впрочем, далеко не все девушки выглядели испуганными — Рыжая, к примеру, на заднем сиденье довольно бодро щебетала с двумя подружками, иногда стреляя глазками в меня. Подруги так же непринужденно ей отвечали, попутно обстреливая салон и попадая в основном в Палыча и Валеру.

Большая часть девушек обреталась в общежитии Политеховского студгородка, и когда я понял, что Рыжая проживает там у подруги, а не в общежитии университета, у черта на рогах в

Петродворце, успел лишь разинуть рот в жалком вожделии и пробормотать:

— А не поехать ли нам...

Рыжая мягко закрыла мне лицо своей ладошкой, столь волнующе и узнаваемо пахнувшей проржавленной крышей:

— Я у женатых мужчин, да еще на семейном ложе, ночевать не собираюсь. Это противоречит моим жизненным принципам.

Это были те самые принципы, против которых мне, лживому и похотливому типу, возразить было просто нечего, и поэтому я позорно промолчал.

Рыжая вышла вместе с подругами на Лесном проспекте и зашагала к зданиям общаги, даже не обернувшись на прощание.

Она даже не махнула мне рукой.

Она просто шла, равнодушно покачивая своими упругими бедрами, глядя на которые я опять почувствовал желание.

От неумных поступков меня удержал Палыч. Он проводил скорбным взглядом выводок девиц и вдруг сказал:

— Ты, Тошка, главное, не забудь, что у тебя жена имеется. И дочка.

Я почувствовал ровно то, что ощущают все те, кто получил серпом куда положено. Я отвернулся от окна и сердито уставился на Игоря:

— Слушай, а чего ты сам-то не женишься? У тебя же полно любовниц. Ну, и просто знакомых девиц.

— Потому что, когда женишься на любовнице, одним любимым человеком на свете становится меньше,— все тем же скорбным тоном ответил Палыч.

Васильев звонко крикнул и шумно почесал себе затылок. Мы оба крепко задумались, а Палыч вздохнул и нажал на газ.

На перекрестке, пропуская длиннющую армейскую колонну из каких-то невероятно пыльных и помятых грузовиков, Палыч бросил в салон:

— Мужики, под вторым сиденьем ящик лежит. Там помпы. Я думаю, что лучше будет вам их при себе теперь носить. Вы мне нужны здоровые и шустрые, как тараканы.

Валера тут же нырнул под сиденья, покопошился там недолго и вынул два коротких помповых ружья. Он показал, как можно удобно вешать такое ружье на плечо под куртку, чтобы не мозолить глаза представителям правоохранительных структур. Впрочем, этих самых представителей последний месяц я видел только на рекламных картинках крупнейших российских банков.

А если вы вешаете ружье с укороченным прикладом на плечо под курткой, никакой мент никогда ничего не увидит. Особенно если он не идиот и хочет жить.

Мы пощелкали помпами, набивая их патронами, потом выклянчили у Палыча еще по одной коробке патронов на каждого, немного поболтали о преимуществах помпы перед короткостволом и пришли к выводу, что пистолет, конечно, в наше время тоже вещь не лишняя, потому что в жару в куртке ходить неудобно.

Потом я собрался с силами, трижды сплюнул через плечо и набрал телефон Ленки.

Она ответила мгновенно, как почувствовала:

— Да, дорогой!

— Ну, как там у вас, на Лазурных берегах, отдыхается ?

— Нормально. Поселились в гостинице. Купались уже с Лизкой. Только вот до моря почти километр, представляешь! А в туристическом ваучере писали, что будет триста метров! Вечно у тебя с турфирмами какие-то проблемы случаются, — растягивая гласные на тусовочный манер, посетовала Ленка.

— Это у вас там единственная проблема? — спросил я с нажимом, начиная раздражаться от самого тона, которым были сказаны эти слова.

— Нет, не единственная. Главная проблема — я соскучилась. А тебя здесь нет! — сменив дурацкий тон, призналась Ленка так просто и бесхитростно, что мое сердце сжалось и не разжималось, пока я как следует не наболтался с Лизкой и не отключил трубу.

Потом мне стало так стыдно и неловко, что я молчал до самого дома.

И вот Палыч подбросил меня до моей убогой, а теперь еще и уныло пустынной «хрущевки», пожал мне руку, одобрительно ухмыльнувшись на прощание, а когда я уже вышел из машины и шагнул к дому, крикнул в открытое окно:

— Завтра утром у меня встреча с одним важным перцем! По результатам будет разговор с тобой и Валеркой. Никуда больше не пропадай.

Я устало махнул рукой, и он уехал, еще раз ухмыльнувшись мне в окно.

Я вполне себе понимал причину этой ухмылки, но мне было так тошно, что я даже не стал додумывать, что может сейчас делать Ленка или та же Рыжая, оставив меня одного.

Я просто шел по грязным, неубранным с весны дорожкам нашего микрорайона и внимательно поглядывал на свой подъезд, где сейчас крутилось штук десять весьма подозрительных небритых типов, одетых в какие-то мятые и грязные обноски.

Когда я подошел поближе, типы стали более фактурными, пахучими и подозрительными, а когда я взялся за ручку двери, один из этих грязных оборванцев даже показал на меня своим немытым пальцем всем остальным.

Я брезгливо поджал губы и вошел в подъезд. Привычно выждал пару секунд перед второй дверью, а потом резко двинулся внутрь, держась правой рукой за рукоятку помпухи.

За дверью меня встретили испуганные взгляды еще нескольких бомжей, на этот раз женского пола. Бомжихи пугливо жались к стенам и опускали глаза, едва я задерживал взгляд на ком-нибудь из них.

«Что за сходка неясных животных в моем подъезде?» — раздумывал я, поднимаясь к себе на четвертый этаж. И только открывая дверь квартиры, вдруг вспомнил, где я видел все эти лица. Я же видел их ежедневно! Ибо именно на сегодня, на 30 августа, было назначено общее собрание жильцов нашего подъезда. На предмет обеспечения безопасности, вывоза мусора, установки металлических ворот и всего прочего.

«Как же меняют людей обстоятельства!» — искренне поразился я, тщательно запирая двери своей квартиры. Кстати, среди наших жильцов были вполне приличные граждане. Водился даже один муниципальный депутат и два мелких клерка районной администрации, не успевшие наворовать денег на нормальный котте-джик в пригороде.

Похоже, я удрал от обсуждения важной темы. Но что я должен был делать — обсуждать проблемы безопасности подъезда с этими запуганными до полусмерти овцами? Спасибо, но я как-нибудь сам. Так мне будет привычнее, а главное, надежнее.

Да и что там обсуждать — как я буду защищать свой подъезд? Очень просто — буду стрелять во все, что движется. Кто-то знает другой способ?

Впрочем, о другом способе я узнал, когда включил телевизор. Одновременно по двум федеральным каналам шли одинаковые в своей глупости ток-шоу, участники которого соревновались в пропаганде неизбежного — российского идиотизма.

Сначала — видимо, чтобы завлечь аудиторию — выступила актриса из какого-то гламурного сериала. Кивая своей лакированной гнедой гривой и чувственно трепеща ноздрями, барышня призвала «население России к терпимости», предлагая «не ссориться по пустякам» и «оставаться стильными штучками, несмотря ни на какие неприятности».

Чтобы показать всю серьезность проблем, вставших перед страной, девушка привела пример из своей жизни — вчера, пока ее везли с дачи на Рублевке в бутик на Арбате, джип с охраной дважды застревал в пробках перед неработающими светофорами, а в бутике «не оказалось ничего приличного» и «вот это, друзья мои, — действительно катастрофа!».

Потом выступил популярный народный целитель, предложивший всем гражданам России выпить керосину и успокоиться. Аудитория в студии хлопала ему так, что не оставалось никаких сомнений в том, что сразу после съемок все участники отправятся пить всё, что горит.

Сразу после керосинового придурка на телевизионный подиум вышел министр МВД в сопровождении свиты своих заместителей и порученцев. Министр присел в предложенное кресло так неудобно, буквально на самый краешек, что стало ясно — он пришел ненадолго.

С мшгугу поерзав и похмурив густые брови перед камерой, главный милиционер страны без всякого вступления вдруг обрушился на частную охрану: — У нас подняли голову разные безответственные граждане, полагающие, что, если им выдали лицензии, они могут вести себя так, как им хочется!.. За последнюю неделю частные охранники свыше двухсот раз применяли оружие против безоружных российских граждан, хотя министерством еще месяц назад было приказано изъять у охранников и опечатать все оружие! Почему на местах не выполняются наши требования?! Мы будем беспощадно наказывать региональных начальников, игнорирующих приказы МВД!

Сделав это заявление, министр с видимым облегчением встал и ушел. Пока ведущий растерянно смотрел ему вслед, слово взял оставшийся в кадре заместитель министра:

— Я хотел бы пояснить! Тут наши коллеги и вообще граждане спрашивают, зачем мы забираем оружие у охранников и милиционеров. Объясняю для тупых — чтобы это оружие не попало в руки экстремистов, которые, как вы, наверное, заметили, в последнее время буквально расплодились на улицах наших городов. Уже были случаи, когда оружие отнимали у милиционеров!..

Поэтому нам приходится разоружать своих сотрудников. Но спешим успокоить всех российских граждан — как только ситуация в стране стабилизируется, Министерство внутренних дел немедленно вернет оружие государственным служащим и частным охранникам. Спасибо за внимание!

Заместитель и вся сопровождающая его кодла поднялись и направились к выходу, после чего камера еще несколько минут показывала спины в серых мундирах, толкающиеся в узком проходе студии. Зачем, кстати, кроме министра и зама, на запись приходили еще два десятка толстых ментовских морд, я так и не понял — в кадре засветиться, что ли? А смысл?

Досмотреть шоу до конца мне не удалось — когда на экране появилась знакомая до тошноты вытянутая физиономия популярного демагога, и бледные тонкие губы яростно зашевелились, выплевывая в экран призывы к «терпимости» и «пониманию чаяний народных масс», которых «лишь непреодолимые обстоятельства вынуждают к изъятию продовольственных излишков или иных товаров у отдельных коммерсантов», я выключил телевизор, с трудом удержавшись, чтобы не разбить его вовсе.

Действительно, как можно быть нетерпимым к тем несчастным пролетариям, которые хотят всего лишь изнасиловать вашу излишне гламурную супругу или выломать золотые коронки из вашей буржуазной челюсти?

Что, кстати, это за слово такое — «терпимость»? Задумывались ли над его смыслом те, кто его употребляет? Если вы признаете, что терпите, значит, вас действительно раздражает объект «терпимости», и вы всего-навсего прячете свое раздражение под маской ханжества и словоблудия. То есть, к примеру, «терпимость» по отношению к другим расам на самом деле означает расизм, просто слегка припудренный фальшивыми улыбками «терпил».

Впрочем, сейчас мне было глубоко плевать на эти лингвистические тонкости. Я вдруг совершенно отчетливо понял, что не могу допустить возвращения в эту страну Ленки с дочкой, потому что физически не смогу всюду сопровождать их с помпой в руках. А без помпы они здесь не выживут.

Да и мне здесь даже с помпой — да хоть в танке! — жить теперь будет непросто.

Когда все это случилось? Почему так внезапно? Почему это вообще случилось с нами, а не с какими-нибудь китайцами?

Тут я подумал, что два армейских года оказались весьма кстати. Я еще не успел отойти от напряжения тех месяцев, когда проблема выживания была актуальна и привычна, как перловка по утрам. Мне было психологически легче вернуться в общество, построенное на тупости, подлости и насилии. Но каково сейчас тем, кто с насилием не сталкивался даже в фильмах, брезгливо переключая канал при виде крови или просто грубых, неотесанных лиц?.. Что они переключают сейчас, сидя по запертым квартирам и испуганно таращась в темные окна, за которыми не осталось ничего, кроме насилия, подлости и страха?

За окном, очень в тему к моим размышлениям, раздался выстрел, потом еще один, и я

встал, направляясь на кухню: жрать захотелось — сил нет, а ту же картошку еще ведь почистить надо.

Глава десятая

Утро у меня в этот день началось часов в одиннадцать сказались, видимо, приключения вчерашних суток. Первый сюрприз в виде отсутствия горячей воды меня совсем не удивил. Скорее, наоборот — я уже недели две удивлялся беспримерному героизму сотрудников районной котельной, имеющих мужество работать в такой непростой обстановке.

Вымылся я с помощью ковшиков и тазиков, потому что газ в трубах еще был, и это свидетельствовало о еще более беспримерном героизме сотрудников «Газпрома». Электричество тоже никуда не исчезло, и это свидетельствовало о героизме сами знаете кого...

Еще работал телевизор, но это, на мой субъективный взгляд, было уже довольно глупо. Потому, к примеру, что новости Первого канала открылись потрясающим в своей актуальности сюжетом, как сразу в тридцати российских казино сотрудники федерального отдела МВД нашли ужасные нарушения.

На экране появился взвинченный крысopodobный гражданин в форме майора милиции, который, дергая острыми ушами и размахивая бледными руками, начал истерично кричать в камеру:

— Мы явились в казино «Петровское», принадлежавшее, как всем давно известно, нигерийскому преступному авторитету, и нашли там такие нарушения, что просто диву даешься, как они еще работали!.. К примеру, наши сотрудники замеряли длину ног у одного из крупье, и оказалось, что правая нога этого, с позволения сказать, крупье на один и семь десятых сантиметра короче левой! То есть клиенты приходили в заведение, думая, что их встретит сертифицированный «Ростестом» персонал, а на деле оказывается, что этот персонал хромает на обе ноги!..

Это безумное интервью сопровождал не менее потрясающий видеоряд, где яркие фасады игорных заведений перемежались с изображениями какого-то военного конфликта (кажется, арабо-израильского). К чему были эти аллюзии, стало ясно из закадрового текста — оказывается, в нескольких столичных казино зарплату платили в конвертах, а не «по-белому». Отсюда авторы текста делали вывод о причастности владельцев к международному преступному синдикату, а привязку к Израилю я как-то пропустил. Кстати, может, ее и не было вовсе, и кадры военных действий на Ближнем Востоке режиссеры подложили просто для пущей красоты и ритма.

Сразу после этого чудного сюжета пошел репортаж об упавшем вчера на Питер самолете, и это оказалось интересным. Самолет был частным и потому небольшим, и его каким-то образом умудрились захватить мародеры прямо на взлетном поле Левашовского аэродрома. Но уже на борту между мародерами разгорелась драка, результатом которой стало убийство или ранение единственного пилота, после чего машина и упала.

Завершая рассказ об этом поучительном инциденте, репортер, часто моргая красными от недосыпа или перепоя глазками, сказал:

— Узнав о происшествии, руководство ЛенВО приказало всем своим подразделениям, занятым на охране подобных объектов, немедленно сдать оружие. По просьбе руководства военного округа мы официально сообщаем: все объекты авиационной инфраструктуры в Ленинградской области охраняются невооруженными солдатами, поэтому нет никакой необходимости нападать на них в поисках оружия. Повторяем: оружия у солдат Лен-ВО, охраняющих военные склады и аэродромы, нет...

Я подумал, не прогуляться ли мне на ближайший аэродром с помпухой и не угнать ли какой-нибудь приличный самолет, чтобы свалит наконец отсюда на фиг, ю тут же подумал, что на аэродромах сейчас будет не протолкнуться от таких же инициативных граждан, мобилизованных тупыми генералами, и оставил эти мысли.

Потом до меня дошло, что никаких самолетов и вообще ничего интересного на этих армейских объектах уже нет, все давно украдено якобы тупыми генералами. И именно для того, чтобы прикрыть эти кражи, армейское начальство сейчас разоружает своих подчиненных, которые, конечно, не смогут удержать спровоцированные телевидением толпы мародеров.

— Какие же вы все мрази, — укоризненно сказал я телевизору и выключил его, потому что физически устал расстраиваться.

Я полез в холодильник, нашел там позавчерашние щи и решил их съесть, пока не началось.

Впрочем, едва я поставил кастрюлю на огонь, по кухне тут же распространился невероятно гадкий запах тухлятины, и я понял, что этих щей мне лучше не есть, разумеется, если я не думаю закончить жизнь самоубийством.

Я вылил содержимое кастрюли в унитаз, попутно порадовавшись беспримерному героизму сотрудников «Водоканала», благодаря которым в Питере еще работает канализация.

Впрочем, может быть, канализация работает только потому, что воровать там просто нечего. Или потому, что нет генералов от канализации — они бы, уверен, нашли, что украсть даже в таком безнадежном месте.

Потом я уныло шарил по пустым полкам холодильника, но тут как раз позвонил Палыч.

— Доброе утро, Антон, — очень сухо, по-деловому сказал он. — Я буду у тебя через пару минут. Собери шмотки на неделю и выходи во двор, чтобы нам не ждать. Времени в обрез, так что давай без глупостей! И учти — если у тебя баба, мы ее до дома подвозить не будем. Некогда!

Я пожал плечами и пошел собирать «шмотки на неделю». Интересно, что входит в это понятие? Зарядное устройство для телефона, документы и набор инструментов и так постоянно жили у меня в поясной сумке, а что еще может понадобиться человеку в течение недели?..

Я достал семь комплектов нижнего белья и, призадумавшись, кинул в дорожную сумку еще пару носков и трусов про запас. Потом походил по квартире в глубокой задумчивости, но так и не нашел больше ничего, что стоило бы взять в путь-дорогу.

В ванной я перекрыл краны с холодной и горячей водой, а в прихожей отключил пробки, после чего нацепил кроссовки, повесил на правое плечо помпу, накинул сверху куртку и вышел прочь, тщательно заперев за собой дверь. У меня вдруг появилась уверенность, что сюда я уже больше никогда не вернусь, и я даже подумал, не выкинуть ли по этому поводу ключи к чертовой матери, но удержал себя в руках, аккуратно положив ключи в поясную сумку и бережно ее застегнув.

Камуфляжный «форд» уже стоял во дворе, и его боковая дверь была отодвинута до отказа. Я проворно запрыгнул в салон, пожал руку Валере и кивнул сидящему за рулем Палычу, который тут же тронулся с места, не дожидаясь, пока мы захлопнем дверь.

Потом я откинулся в кресле, разглядывая сонное вытянутое лицо Валеры и квадратный затылок Палыча. Оба они молчали, и я тоже решил из принципа, точнее, из вредности помалкивать, куда хватит терпения.

Мы на удивление быстро проехали центр, и Васильев уснул, неуклюже развалившись сразу на двух передних сиденьях. Странно на него машины действуют — сколько помню, Валерка в них всегда спит...

Потом потянулись километры заколоченных витрин магазинов на Московском проспекте, и только ближе к выезду из города Палыч наконец открыл рот:

— Сейчас будет КПП. Разговаривать будем только мы с Валерой. А ты помалкивай. Усек?

Я пожал плечами:

— Яволь, мой фюрер!

Впрочем, на КПП все оказалось проще, чем я думал. Палыч одной рукой отмахнулся

так и не сданным удостоверением капитана угрозыска, а другой сунул молоденькому лейтенанту зеленую купюру прямо в нагрудный карман форменной рубашки.

Лейтенант сердечно, до ушей, улыбнулся, тут же сделал шаг назад от окошка и, не заглядывая в салон, дал отмашку сержанту на шлагбауме:

— Пропускай! Свои!

Мы проехали километров пять по шоссе, потом еще столько же по проселочной дороге и наконец тормознули у ворот воинской части.

Из будки охраны тотчас вышел статный, аккуратно выбритый седой мужчина и начал негромкий разговор с Палычем через открытое окно. Мужчина был одет в камуфляж без знаков различия, но я услышал, как Игорь уважительно называет его генералом.

Этот генерал не вызывал у меня неприятия, возможно потому, что был оборудован не круглой лоснящейся харей, как принято обычно носить у генералов, а сухощавым породистым лицом с четко очерченными губами, прямым римским носом и внимательными дерзкими глазами, в которые было приятно смотреть.

Разговор завершился так же внезапно, как и начался, — вдруг стали медленно открываться створки больших металлических ворот, украшенные красными звездами.

Генерал уверенно зашагал по асфальтовой дорожке, а Палыч медленно тронул следом микроавтобус. Это было похоже на выруливание трансатлантического лайнера на взлетную полосу, и я вдруг подумал, что меня, похоже, ожидает взлет в новую жизнь — взлет резкий и опасный, но зато многообещающий и потому долгожданный.

На протяжении следующих ста метров мы сделали не меньше пяти поворотов среди типовых одноэтажных серо-зеленых строений, так что я совершенно потерял ориентацию и просто таранился в окна, изучая местный армейский быт. Впрочем, ничего интересного я не обнаружил. И вообще, в этой странной воинской части я не увидел ни одного человека в форме, хотя людей и небольших погрузчиков сновало вокруг немало.

Больше всего эта часть походила на огромный коммерческий склад и, как быстро выяснилось, именно складом и являлась. Пока Палыч обсуждал с генералом последние детали контракта в самом дальнем углу небольшого складского помещения, проснувшийся Васильев проводил для меня политинформацию на примере этой базы. Он здесь, оказывается, уже дважды бывал, причем по стандартному поводу — расследованию обстоятельств смерти неустановленных граждан в ходе совершения ими попыток грабежа.

Умиравшая армейская база оказалась необычайно востребованной сразу после первых, еще апрельских, беспорядков, которые прошли по стране мутной волной с далекого и потому почти мифического Дальнего Востока до самого Калининграда, умудрившись зацепить даже Прибалтику с Польшей, а потом распространившейся на всю Европу, Северную Африку и, разумеется, на Ближний Восток. Это был совершенно загадочный феномен массового помешательства миллионов доселе вроде бы нормальных людей, впадающих в какое-то революционное неистовство от одного вида представителей власти.

Первая волна погромов началась с довольно невинной акции нескольких родственников арестованного во Владивостоке за превышение скорости водителя — суд назначил нарушителю штраф плюс лишение прав на полгода, и этот приговор, на самом деле совершенно справедливый и адекватный (редчайший случай!), вдруг вызвал бурю возмущения. Родные нарушителя, встретив его у здания суда, отправились небольшой, но нервной группой в центр Владивостока, и совершенно неожиданно к ним по пути стали примыкать десятки, а потом сотни и тысячи людей. Начались знаменитые дальневосточные беспорядки, завершившиеся жестоким убийством двух офицеров ГИБДД, и погромами нескольких магазинов.

Тогда губернские власти, не замечая опасности, пошли по пути наименьшего сопротивления, вяло погрозив телевизионными кулачками неким неведомым экстремистским силам и одновременно выпустив из-под ареста всех задержанных на месте преступления подозреваемых, стоило толпе митингующих снова появиться под стенами краевого суда. Так люди неожиданно поняли, что местные боссы, подмявшие под себя всё

политическое, телевизионное и электоральное пространство, на самом деле могут контролировать только эти мифические категории, но никак не реальность.

Потом случились уличные волнения в Новосибирске, Рязани и Мурманске. Причем поводом стали совершенно законные действия «силовиков» вроде ареста банды лохотронщиков или переселения злостного алкоголика-неплательщика из муниципальной квартиры в обшарпанную общагу. Но накал неприязни к власти и ненависть к ее представителям были уже так высоки, что достаточно было появиться на улице автомобилю с «мигалкой», как горожане начинали буквально плевать в него или кидаться подручными предметами.

Некоторые последующие беспорядки проходили под политическими или профсоюзными лозунгами, но никто на этот счет особо не обманывался — все понимали, что митинги стали действенным и безопасным способом грабежа магазинов и складов. Впрочем, несколько сотен особо идейных борцов с режимом попутно сводили сугубо личные счеты с ментами — за одну неделю по всей стране линчевали почти два десятка милиционеров вместе с их семьями, что потом нашло отражение в национальных таблоидах, в рубриках «Народ против милиции!» или «Менты, не стреляйте в народ!».

Когда, спустя неделю, в Дагестане несколько тысяч митингующих вдруг начали требовать выделения элитных земельных участков представителям какой-то, наиболее обиженной из трехсот тамошних народностей, умные люди сразу догадались, чем кончится это мероприятие.

Мероприятие действительно закончилось разграблением всех магазинов и складов, где охрана испугалась применять оружие. А туда, где оружие применялось, из Москвы явились чрезвычайные комиссии, под улюлюканье федеральных телекомментаторов производившие аресты излишне ретивых частных охранников или милиционеров.

Еще через неделю запылала Казань, а потом понеслось по всей России, включая доселе совершенно тихие регионы вроде Карелии и Калининграда.

Больше того, «понеслось» и по всей Европе — вдруг оказалось, что полиция любой страны, возглавляемой правительством, слишком чутко реагирующим на настроения толпы, неспособна к сопротивлению, потому что сопротивление означает противодействие чаяниям народных масс, то есть демократии.

Сопrotивляться демократии нельзя — это быстро поняли полицейские большинства европейских стран. И вот тогда демократия пошла на улицы, развлекаясь поджогами автомобилей и магазинов и зарабатывая грабежом на утренний сэндвич с виски.

Экскурс в новейшую историю Валера проводил с каким-то странным выражением на лице, и я все никак не мог понять смысла его неуловимой гримасы, пока он сам не разъяснил:

— Я ведь многих этих людей на улицах понимаю. Когда берешь урода, ну, к примеру, какого-нибудь убийцу поганого, но с хорошей «крышей», заранее знаешь, что судья арест не подпишет. И думаешь, что надо было валить уркагана на месте задержания — так проще и правильнее по жизни. А потом еще немного думаешь и понимаешь, что судью тоже надо валить — такой же гондон, только опаснее... А потом еще думаешь, смотришь по сторонам и понимаешь, что таких уродов у нас выше крыши. Коррупция даже в детских садах прет, а уж в остальных заведениях она не только цветет, но и воняет. Достало это, понимаешь?!

Грустная беседа закончилась с возвращением к нашему микроавтобусу улыбающихся Палыча с генералом. Они вышли из помещения склада, встали на бетонном пандусе в одинаковых позах и помахали нам руками, как машут президенты на парадах восторженным зрителям.

Мы с Валерой выбрались из машины и прошли вслед за своими президентами в соседний ангар с нарисованным черной краской номером 17 на облупленном фасаде. Там, внутри, в небольшом закутке размером с кухню в «хрущевке», мы вчетвером пили неожиданно хороший кофе из бумажных стаканчиков и ждали, когда специально обученные люди погрузят в наш микроавтобус тяжелые ящики.

Тот самый многообещающий Значительный Подряд оказался банальным транспортным заказом, а генерал — всего лишь отставным полковником с хорошими связями. Правда, путь ожидался неблизкий — нам предстояло довести до столицы Калмыкии два дизель-генератора, шесть ящиков оружия и боеприпасов и полтора десятка ящиков продуктов.

Отставной полковник подробно разъяснил диспозицию своих партнеров по бизнесу - в Элисте четыре филиала. Там ведь свободная экономическая зона — скидка по налогам и всяким сборам. Реально, конечно, фирмы функционируют в Москве и Питере, но в Калмыкии тоже приходится штат людей держать — чтоб налоговая не возбуждалась. А всего в нашем бизнес-центре в Элисте размещено свыше трехсот филиалов со всей России. Так вот, месяц назад в Элисте разгромили аэродром — просто разобрали по частям и унесли все, что не приколочено. Так что самолеты туда сейчас не летают. С армейскими коллегами из Прикаспийского округа тоже непросто — слышали, наверное, про попытку мятежа? Ну, так вот, не получилось с новым руководством договориться. Так что делаем все сами...

— Что именно? — насутился Валера, с откровенным недоверием глядя на самозваного генерала.

— Задача стоит такая: доставить в Элисту оружие и оборудование для автономной работы бизнес-центра и вывезти оттуда трех человек — двух бухгалтеров и технического директора, а также кое-какие документы. Еще кое-какие документы вам надо будет забрать в Москве и тоже доставить в Элисту, — подытожил отставной полковник, глядя честными глазами на Валеру.

— А что за оружие? — уточнил Васильев еще недоверчивее.

— Это гражданское оружие, так что все законно. Мы здесь подсуетились, в городском разрешительном управлении, поэтому все ружья уже зарегистрированы на ваш ЧОП. А в Элисте вы официально передадите их службе безопасности местного филиала.

Какой-то подвох все равно таился в уверенном, но чуть гнусавом голосе полковника, и я наудачу спросил:

— Сколько денег дадите?

— Когда вернетесь в Питер с нашими людьми и документами, получите сто тысяч долларов. Если управитесь за двенадцать дней, получите еще и премиальные.

— А сколько? — тут же уточнил Валера, и полковник раздраженно отмахнулся, тыча в Палыча ухоженной рукой:

— Мы с вашим руководителем все уже детально обсудили.

Палыч согласно кивнул, откашлялся в кулак и буркнул:

— Короче, если отработаем как надо, получим сто пятьдесят штук. Делим поровну, по полета каждому.

— Аванс! — потребовал Васильев, выворачивая карманы брюк, из которых посыпались табачные крошки и еще какая-то дрянь.

Палыч хрюкнул от еле сдерживаемого возмущения:

— Ребята, уймись, всё в порядке! Простая работа за хорошие деньги. Чего еще вам надо?!

Я, задумчиво почесываясь, промычал Палычу «су-ум-му-у», и тот прокомментировал ситуацию более предметно:

— Короче, расклад такой. Если доедем с грузом и вернемся с людьми — каждому по тридцать тысяч баксов на рыло. А если еще и вовремя — двадцать штук премии каждому. Всё получаем наличными. Лично я, кстати, потом сваливаю из этой бессмысленной страны на хрен. На пятьдесят штук в тех же Штатах можно три года нормально жить, пока здесь все не успокоится.

— Да нет, потом лучше в Таиланд валить, — авторитетно заявил на это Васильев, припадая к своему стаканчику с уже остывшим кофе.

— Почему в Таиланд? — спросил я у Валеры, глядя, впрочем, на полковника. Мне показалось, что при упоминании Таиланда тот похабно ухмыльнулся.

— Дык, во-первых, в Таиланде я смогу жить на свою пенсию. Там прожиточный минимум сто баксов в месяц. — Васильев допил кофе и тоже пристально поглядел на отставного полковника. — А во-вторых, там бабы такие реальные, что можно просто охренеть.

— А какая у тебя будет пенсия? — вяло поинтересовался я, разглядывая пустой стаканчик.

— Шесть тысяч рублей, — с непонятной гордостью ответил Васильев и демонстративно смерил полковника тяжелым взглядом.

— У меня сейчас меньше... — заерзал тот, дернув римским носом.

— Короче, вы, пенсионеры! — процедил Палыч, глядя на меня с Валерой. — Мы работаем или как?..

— Без вариантов, — кивнул Васильев, а я вслед за ним, потому что не видел никаких других способов выбраться из той задницы, где находился сам и куда была теперь погружена вся моя огромная, но такая несчастная страна.

Все встали, и тут я, по наитию, уже пожав руку отставнику, сказал:

— Ну, давайте звоните уже вашим партнерам в Элисту. Чтоб, значит, нам там поляну накрывали.

Полковник скривился, как от зубной боли:

— Последнюю неделю только этим и занимаемся. Звоним. Но там, увы, не отвечают. Так что поляну в Элисте вы накроете себе сами. Или вы думаете, мы вам такие деньги просто так платим?

Наш броневилок заметно просел под тяжестью забитого под завязку багажного отделения, и Палыч вел его по московской трассе бережно и аккуратно.

Валера сидел рядом со мной, в салоне, и щурился на пейзаж за окном близорукими с рождения глазами. Очки он держал в руках и протирал линзы об свитер резкими, немного нервными движениями, похожими на те, что делают игроки в бильярд, когда натирают кий мелком перед ответственным ударом.

— Слушай, Палыч, а почему твой полковник именно нас нанял? В Питере охранников, как собак нерезаных, — спросил я у широкой спины водителя.

Палыч даже обернулся, чтобы бросить на меня торжествующий взгляд.

— Я постарался! Я за этот заказ душу дьяволу продал! — гордо сообщил он. — Ну и, во-вторых, заместитель генерального у нашего заказчика — мой двоюродный дядя...

Валера разочарованно его прервал:

— Все ясно — и тут коррупция и кумовство!

— А в-третьих, — упрямо продолжил Палыч, — конкуренты особо и не ломились. Опасное дело...

— Опасное? — насторожились мы с Валерой.

— Южнее Москвы шалят на дорогах не по-детски, — ровным голосом сказал Игорь, изучающе поглядывая на нас с Валерой в зеркало заднего вида. — Полковник рассказал, что там сейчас грузы проводят только в сопровождении бронетехники и под прикрытием боевых вертолетов. Но такая проводка стоит от миллиона баксов за три фуры. Для нашего заказчика это нерентабельно, понимаете?

— Я так понимаю, что мы с Тошкой должны заменить тебе вертолет и боевую машину пехоты, — задумчиво отозвался Васильев, цепляя очки на веснушчатый нос.

— Ну, где-то так... — нехотя признал Палыч. — А вам что, слабо?

Я вопросительно посмотрел на Васильева. Раскинув руки и вытаращив глаза из-под толстых линз, он показал, что будет боевым вертолетом. Тогда я сложил ладони, изображая спаренный пулемет на турели БМП, и бодро произнес: «Тра-та-та-та!»

Палыч бросил на нас очередной внимательный взгляд в зеркало заднего вида.

— Годится! — подытожил он.

Глава одиннадцатая

Московская трасса оказалась достаточно свободной, по сравнению со старыми добрыми временами. Тем не менее машины там все-таки были, и, чтобы двигаться по трассе со скоростью около ста километров в час, Игорю приходилось прикладывать довольно значительные усилия.

— Если хочешь, я тебя сменю, — предложил Валера через пару часов однообразного движения по прямой.

— Сядешь за руль на выезде из Москвы, — процедил Палыч, обгоняя очередную фуру с сопровождением из двух «Нив» и ловко перестраиваясь затем в свой ряд перед носом у огромного тонированного джипа.

В джипе на удивление легко проглотили обиду и даже слегка притормозили, пропуская наш скромный камуфляжный броневичок.

Просто таращиться в окна было скучно, и мы с Валерой начали копать в содержимом багажных полок, размещенных в микроавтобусе над правым и левым рядами сиденьев.

Там нашлись две помпы, два пистолета «Иж-71» в складской промасленной бумаге, несколько десятков упаковок разнокалиберных патронов, а также четыре плоских ящичка, глядя на которые Валера уважительно сказал:

— О-о-о!

— Ничего не «о-о-о», а на все разрешение имеется, — тут же отозвался Палыч, бдительно контролируя в зеркале заднего вида обстановку в салоне.

— Ну, это, я полагаю, нам не понадобится, — с надеждой сказал Валера, задвигая ящики на место.

Потом он развернул из упаковочной бумаги один из пистолетов и начал сладострастно щелкать затвором, обоймой и вообще всем, что только могло щелкать в пистолете «Иж-71» — на мой взгляд, довольно вялой модификации стандартного «Макарова».

— А на «Ижи» у тебя разрешение есть? — спросил я Игоря, присматриваясь ко второй упаковке с пистолетом.

— На вас лично? На вас лично разрешений нет, — вздохнул Палыч. — «Короткостволы» только на контору оформлены. Да и то, между прочим, сделать было непросто.

Валера еще минут пять щелкал всеми подвижными механизмами «Ижа», а потом нашел упаковку патронов и начал заполнять ими обойму. Потом он защелкнул снаряженную обойму в пистолет, решительно засунул его себе за пояс брюк и сказал:

— С ним спокойнее. А после Москвы, похоже, на документы смотреть будет некому.

— Это верно, — согласился Игорь. — Но пока никуда с оружием из машины не суйтесь.

Мы еще немного порылись в задних сиденьях микроавтобуса, неожиданно нашли под сиденьями три разновидности бронежилетов и, разумеется, тут же начали примерять их друг на друга.

— Все-таки жарко в таком, — сказал Валера, с трудом нацепив на себя нечто толстое, твердое и черепахообразное. — В Ханкале нам выдавали самые легкие, а мы все равно из них пластины вытаскивали.

— Зато тот, который на тебе, даже гранату от под-ствольника держит, — пробурчал с водительского места Палыч.

— А от бактериологического оружия у тебя ничего не предусмотрено?.. — Я осторожно пнул Валеру кулаком в жилет, для пущей проверки защитных свойств конструкции.

— От бактериологического оружия вы у меня будете руки мыть, с мылом. Мыло лежит справа, в контейнере, — снова подал голос Палыч, обгоняя очередную фуру с сопровождением.

Я тоже примерил приглянувшийся жилет, тот, что выглядел полегче, но глубокое недоверие к этой форме защиты у меня осталось еще с армейских времен, и в конце концов,

повертевшись пару минут, я повесил его на спинку соседнего кресла.

Прошлым летом на стрельбах в Гюльчитае недоумок Шамиль Гуссейнов из моей роты выстрелил в живот не меньшему недоумку — некоему Захару Полищуку, сержанту третьей роты. Полищук нацепил стандартный армейский броник, чтобы на спор проверить его защитную силу, но Шамиль стрелял из «калаша», причем с двадцати метров. Так что, когда мы сняли с Захара жилет и х/б, все тело мускулистого, но тупого сибиряка представляло собой один большой синяк: спереди — черно-фиолетовый, сзади — зеленовато-оранжевый.

Полищук умер через день в окружном армейском госпитале от несовместимой с жизнью контузии внутренних органов, и я на всю жизнь запомнил комментарий тамошнего хирурга:

— Запомните, придурки: от дурака и «калаша» защиты не бывает! — и я подумал, что это и впрямь похоже на правду.

Спокойное продвижение вперед по ровному и достаточно свободному шоссе стало откровенно усыплять, и мы с Валерой принялись болтать на свободные темы, стараясь вовлекать в беседу и Палыча тоже, чтобы он невзначай не заснул.

— Недавно в судебном морге анекдот рассказали, — вспомнил вдруг Валера. — Короче, детский сад на прогулке в лесу. Воспитательница: «Дети, если кушаем ягодки, то срываем по две. Одну ешьте, а вторую кладем в кармашек, для судмедэкспертизы».

Я не стал смеяться, потому что тут же начал думать о том, как сейчас выживают детские учреждения. Ведь бюджетная охрана школ и детских садов не была предусмотрена и в мирное время, а потом этой проблемой тем более никто не озадачивался. Значит ли это, что в стране уже не осталось детских учреждений, потому что мародерам все равно, что грабить?

— У меня дело было в Калининском районе — там коммерсанта реально ягодами отравили, — вспомнил вдруг Палыч.

— Лесными? — озаботился Васильев. Большой фанат всего дикорастущего, он интересовался лесной флорой как наиболее доступной для любительского изучения и потребления.

— Ну, вроде да, — неуверенно ответил Палыч. — Супруга, типа, лечилась у какого-то экстрасенса и долечилась до того, что экстрасенс ее ежедневно трахать повадился. Ну, а мужу, чтоб не отсвечивал, экстрасенс прописал лечебный отвар. Муженек и вылечился, навсегда. Полетела, что называется, душа в рай.

— Ну уж прямо в рай... — усомнился Валера. — Коммерсантам, по-моему, туда летать не положено. Их черти должны жарить. Тебя, к примеру, там точно подкоптят.

— Статья 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, — просветил Палыч. — Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства по признакам отношения к религии наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей. Либо лишением свободы на срок до двух лет. Я остолбенел:

— Правда, что ли ?

— Ну да, а что тебя удивляет? Религия — мать порядка, — сказал Игорь, недоуменно поглядывая на меня в зеркало.

— Я тут как-то батюшку одного сажал, он по фальшивым документам сорок тонн меди вывозил в Эстонию, — начал рассказывать Васильев, — так меня прокуратура полгода по столу носом возила — этот фармазон написал, что я его религиозное достоинство унижил.

— А ты, конечно, не унижал? — усмехнулся я, припоминая методы допросов в «убойном» отделе.

— Да мы его пальцем не тронули! Он ведь, дурилка картонная, сам сразу раскололся, — объяснил Васильев. — Но физику нелинейных процессов в ядерных реакторах я ему за два допроса объяснил. У нас там с ним диспут случился, насчет технологии подогрева котлов в аду, и этот диспут попяра позорно проиграл. Вот и обиделся — прокуратуру, как инквизицию, на помощь призвал. Так что эту 282-ю статью я знаю...

— Да ладно врать-то, Валера! — укоризненно сказал Палыч и вдруг резко нажал на тормоза.

Я увидел справа на обочине сине-белую будку ГИБДД. Оттуда к нам бежал милиционер. Судя по пузу — не меньше капитана. Он почему-то пригнулся и интенсивно сучил локтями от нетерпения.

— Если гаишник к вам бежит, а не идет, значит, ему не просто нужны деньги — они нужны ему срочно! — Игорь достал из нагрудного кармана очередную зеленую купюру.

Впрочем, когда к первому, торопливому, гаишнику присоединились еще двое автоматчиков, Палыч презрительно хмыкнул.

Капитан встал у водительского окна, истерично тыча дулом автомата едва ли не в лицо Игорю, а двое его коллег, также с автоматами наизготовку, замерли на обочине.

— Документы на груз, быстро!! — заорал капитан так, что я сразу инстинктивно потянулся к своей помпuxe, пригравшейся под левым плечом.

Палыч спокойно достал накладные и показал нервному гаишнику.

— Да мне по хрену, какие там у тебя бумаги! — не логично, но крайне истерично проорал в ответ гаишник и передернул затвор своего автомата. — Быстро выгружаем всё из машины!..

Я как-то сразу догадался, что нас банально грабят, и, посмотрев на Валеру, увидел, что он тоже это понял. Тогда я кивнул ему влево, а Валера, подмигнув, кивнул мне вправо.

После этого Васильев вытащил свой новенький нелегальный «Иж», одним движением продвинулся к переднему сиденью и со зловещим щелчком взвел курок, держа пистолет у самой головы гаишника.

— Мне тебя пристрелить — раз плюнуть! — сказал он и тут же плюнул капитану прямо на погон.

Я приоткрыл боковую дверь и нацелил свою помпу на автоматчиков, картинно вставших на обочине с автоматами наперевес.

— Против помпuxи «калaш» — говно! — громко сообщил я и пальнул в воздух.

Оба молоденьких сержанта тут же подняли руки, беззвучно шевеля губами. Наверное, молились во спасение...

— Быстро! Положили автоматы! На землю!! Или!Убью! На хрен!! — заорал я, выбираясь наружу. У меня в голове зашевелилось знакомое злобное чудище, и я встряхнул шевелюрой, успокаивая его, потому что не та была сейчас ситуация, чтобы серьезно волноваться.

Сержанты быстро положили автоматы на асфальт и стали тихонько отступать к своей будке, пригибаясь так низко, как будто в них уже палил целый батальон.

Я передернул помпу и выстрелил в воздух еще раз, после чего гаишники отважно развернулись ко мне спиной и рванули со всех ног.

Я метнулся к автоматам, одним движением цапнул их за ремни и успел заметить, как Палыч забирает у капитана его автомат прямо через боковое стекло.

Потом капитан с поднятыми руками медленно стал отступать к своей разлюбезной будке, а я вернулся в микроавтобус, швырнув добычу на задние сиденья.

— Поехали! — скомандовал Валера, оценив обстановку, и Палыч втопил акселератор до отказа.

Взвизгнув шинами, наш «форд» рванул по пустому шоссе, но этот быстрый отъезд был скорее жестом вежливости и примирения, чем действительно необходимым действием, — нас ведь никто не преследовал и тем более не стрелял вдогонку.

«Гадят они там сейчас, возле будки...» — подумалось мне.

Минут через десять Палыч сбросил скорость до безопасных ста километров в час и небрежно бросил через плечо:

— Эпизод отработан удовлетворительно. Молодцы!

— Служу Советскому Союзу! — серьезно отозвался Васильев, и я пораился искренности, прозвучавшей в его голосе. Похоже, и спустя четверть века после гибели огромной и загадочной в своих немыслимых противоречиях Державы у нее находились верные и преданные сторонники.

— А ты чё, коммунист? — спросил я Валеру, на что тот ответил грубым и нецензурным комментарием, смысл которого заключался в том, что он вовсе не коммунист, зато я — идиот.

— Советский Союз — единственная страна, где реальным приоритетом была справедливость, а не материальные стимулы. Справедливость — это то, что сейчас позарез нужно нашей стране, — строго сообщил мне Валера, и я решил промолчать, чтобы не разжигать в тесной машине масштабную идеологическую рознь.

Зато с нескрываемым сарказмом отозвался Палыч:

— Дорогие друзья! Как только обустроитесь в своей новой, самой справедливой и славной стране, непременно потом позовите меня. Только я хочу, чтобы в этой стране, помимо абсолютной справедливости, еще и люди бы никогда-никогда не умирали!

— Где каждый был бы счастлив и свободен и имел бы не менее трех рабов! — не удержавшись, подхватил я..

— Мудаки вы оба... — вздохнул Васильев и закурил свой вонючий «Беломор». Впрочем, деликатно выдыхая едкий сизый дым в опущенное до отказа окно.

Смотреть там было не на что — шоссе давно уже стало пустым в обе стороны.

Проехав еще километров пятьдесят, Игорь вдруг резко сбросил скорость, свернул на обочину и встал там, пристально вглядываясь сквозь желтеющую листву куда-то далеко вперед, в смутную мешанину разноцветных домиков и машин, устроенную у подножия холма, на котором мы сейчас находились.

Валера поправил очки и тоже уставился туда, подслеповато щурясь и бормоча что-то невнятное.

Я, разумеется, тоже поглазел, но ничего интересного не увидел. Тогда я порылся в нашей амуниции и выудил из кучи пакетов и ящичков футляр с биноклем. Наблюдению сквозь лобовое стекло мешали искажения и дорожная пыль. Поэтому я вышел из машины и, уже стоя на дороге, увидел, как проводят досмотр проезжающих автомобилей армейские части — у развилки трех широких дорог замерли две бронемашины и штук пять военных грузовиков, в которые непрерывно что-то грузили суетливые, как муравьи, фигурки в камуфляже.

Вдоль обочины стояло не меньше десятка фур с распахнутыми дверцами. Рядом уныло бродили сторбленные фигурки в штатском.

— Грабят, похоже, — сказал я, указывая ребятам биноклем на развилку. — Хотите посмотреть?

— Да я все и так вижу! — с неожиданной злобой ответил Палыч и поднял глаза к потолку машины, как будто обращаясь к небесам с немым призывом вмешаться и покарать.

— Надо посмотреть, как они на легковые машины реагируют, — заметил Валера, тоже выбираясь наружу размять ноги. — Может, их только фуры интересуют.

Палыч услышал это предложение и оглянулся посмотреть, не едет ли кто за нами. Увы, никто никуда не ехал...

— Через час начнет темнеть. Очень может быть, что до утра вообще никого не появится, — озабоченно заявил Игорь, тоже вышел из машины и с тоской посмотрел в лес. В лесу уже смеркалось, под ветвями лежали густые тени, и даже трава на обочине выглядела не зеленой, а серой, как глина. Впрочем, может, она на самом деле была тут серой.

— А давайте-ка я туда прогуляюсь, жалом повожу, что к чему, — предложил я, откладывая бинокль на тупорылый капот «форда».

Палыч с минуту оценивающе на меня смотрел, а потом покачал головой:

— Идти должен Валерка. У него ксива действующая. Тебя могут сдуру прямо там отриховать так, что мало не покажется. Или вообще в расход пустят, как лишнего свидетеля.

— Слушай, у нас вроде пока не Гаити и даже не Сомали, — не поверил Валера. — Ладно, давай я схожу.

Он вытащил из-за пояса пистолет и положил его на капот рядом с биноклем.

— Если что, считайте меня коммунистом! — подмигнул мне Васильев и вразвалку пошел вниз по шоссе.

Мне показалось, что подножие холма совсем близко от нас, но это было обманчивое впечатление — Валера быстро разогнался и пошел достаточно быстрым шагом, но добрался до бронемашин лишь через полчаса.

Когда мне наскучило разглядывать его сутулую спину, я принялся осматривать в бинокль окрестности. Дома вокруг выглядели дорогими и обитаемыми — в окнах висели занавески, а во дворах некоторых коттеджей я с удивлением увидел типовой провинциальный антураж — бельевые веревки, действительно увешанные бельем.

Палыч сходил в салон за биноклем для себя, но, судя по негромким восклицаниям, изучал исключительно военную заставу на дороге.

Спустя полчаса, когда Валера дошел до первого «Урала» и направился дальше по осевой линии пустынного шоссе, я подумал, что он так и пройдет заставу, ни с кем не заговаривая, и что такая разведка мало чем нам поможет. Но уже возле следующего грузовика Валеру остановил человек в камуфляже, и они довольно долго, с минутой, беседовали. Потом человек в камуфляже ударил Валеру в лицо и еще добавил ногами, пока Валера валялся на асфальте.

Валера встал и начал отряхиваться, а потом вдруг побежал назад по шоссе. Ему наперерез выскочило еще несколько солдат, которые, судя по копошению вокруг, добавили «беглецу» несколько плуток.

Потом я увидел, как Валеру ведут со связанными его же курткой руками к одной из бронемашин справа от шоссе и пристегивают наручниками к скобам БТРа, оставив сидеть на земле.

Я опустил бинокль и посмотрел на Палыча. Он тоже опустил бинокль, но смотрел не на меня, а на лес по правую сторону дороги.

Я понял его мысль, но сама идея нападения на роту вооруженных солдат мне показалась самоубийственной.

— Нереально, Палыч. Надо узнавать, кому они подчиняются, и звонить начальству, — предложил я.

— Узнавать, кому они подчиняются? — с яростным сарказмом переспросил Палыч, снова поднимая к глазам бинокль. — Судя по тому, что они вытворяют, они подчиняются сомалийским пиратам. Будем звонить в Могадишо?..

Мы изучали обстановку еще минут десять, но ничего нового, кроме довольно быстрого наступления сумерек, не происходило — Валера по-прежнему сидел на земле возле бронемашин с вздернутыми руками, а солдаты вернулись к перегрузке отобранных товаров в свои грузовики. Я подумал, что через пару часов руки у Валеры затекут до полного онемения. Палыч кивнул на капот:

— Убери здесь все, — и вернулся в кабину, заводя «форд».

Я собрал оба футляра от биноклей и пистолет, оставленный Валерой, после чего тоже вернулся в микроавтобус.

Палыч проехал несколько метров вперед и свернул вправо, аккуратно продвигая машину в лес через едва обозначенную в этом месте придорожную канаву. Машине удалось пройти метров десять, так что с дороги ее точно было уже не видно.

Тогда Игорь заглушил мотор.

— Чего расселся! Пошли!

Я вопросительно посмотрел на амуницию у себя за спиной, но Палыч с усмешкой покачал головой:

— Штурмом мы их не возьмем. Пошли, на месте посмотрим-послушаем, что делать. А здесь сидеть точно нет никакого смысла.

Игорь тщательно запер машину, и мы пошли по сосновому лесу, довольно удобному для пешей прогулки — там не было густого подлеска, характерного для березовых рощ или тем паче еловых зарослей. Я прикинул, что при сильном желании между этими соснами

можно будет даже провести наш микроавтобус.

Палыч думал о том же — он критично оглядел нашу машину и местность вокруг, после чего заметил:

— Вполне реально будет потом заставу лесом обойти.

— Но только утром. Ночью они нас увидят или услышат.

Мы пошли быстрее, потому что и мне, и Палычу не терпелось посмотреть, как там поживает Валера. Спустя минут двадцать мы добрались до подножия холма и, осторожно пригибаясь, подкрались к кустам возле обочины.

Бронемашина стояла на месте. Рядом крутился молоденький солдатик в аккуратно подогнанной форме, с шевроном Федеральной пограничной службы на рукаве. В одной руке солдат держал пластиковое ведро с водой, а в другой — тряпку, которой он весьма тщательно отмывал скобу, к которой несколько минут назад был пристегнут Васильев.

А вот самого Валерки нигде не было...

Палыч озираясь с неменьшим изумлением, чем я, но в конце концов был вынужден признать очевидное — Васильев пропал, и где его искать — совершенно неясно.

Прежде чем я успел что-либо сказать, Палыч вдруг бросился на солдатика в каком-то немыслимом собачьем прыжке — выставив вперед руки, свирепо оскалившись и издавая даже не рычание, а хриплый вой раненого гиппопотама. Я такие звуки слышал лишь однажды — когда у ротного на учениях местные калмыки сперли канистру спирта — и запомнил их на всю жизнь.

Юный погранец успел только пискнуть и послушно упасть, но на этот писк откликнулось сразу человек пять вполне взрослых мужиков в камуфляже без знаков различия. Мужики, нисколько не мешая друг другу, какими-то очень грамотными и точными движениями в два счета растащили Палыча и солдатика, после чего застегнули на сбитом с ног Игоре наручники.

Тогда я громко сказал: «Приехали!» — и вышел из леса, наставив на них свою помпу. А что мне еще оставалось делать?

На щелчок взводимой помпы первым обернулся белобрысый громила в красном берете.

— О! Еще один клоун! — весело сказал он, поворачиваясь ко мне всем корпусом, и я увидел направленный на меня короткоствольный автомат с уже снятым предохранителем.

— Посоревнуемся, братишка? — предложил белобрысый.

— Думаю, помпа уложит тебя быстрее, — хмуро ответил я, впрочем, не шевелясь.

Мой собеседник вроде бы только дернул плечами и вдруг оказался в шаге от меня. Он тут же мягко вынул помпу из моих рук и, оглядывая добычу, кивнул:

— Вообще-то ты прав. Помпа быстрее. Но к ней еще нормальный боец прилагаться должен. А не шпана вроде тебя.

Я с нарастающим изумлением смотрел на этого белобрысого мужика, на его окружение и осознавал какое-то вопиющее несоответствие между словами, которые слышал, и обстоятельствами, в которых находился.

— Вы кто такие, господа мародеры? — Я пристально разглядывал вставших в круг «мародеров» с чистыми, выбритыми и на удивление нормальными, человеческими лицами.

Белобрысый нахмурился и еще раз шевельнулся. Его серые глаза оказались в десяти сантиметрах от моего лица.

— Мы — мародеры? Да вы охренели, что ли, гражданин?! — выдохнул он мне в лицо, и я отметил, что этот парень не только регулярно бреется, но еще и чистит зубы, не курит и за прошедшие пару дней не выпил ни капли спиртного.

Я молча смотрел на него, как на инопланетянина, пока Палыч, все так же лежа на животе, вдруг не заорал безудержно — радостным голосом:

— Бляха-муха! Это же «Град»! Мать вашу, а ну зовите ко мне вашего Макарова! Я ему, скотине, сейчас в рожу чихну!..

Белобрысый, слегка наклонив голову, с демонстративным недоверием выслушал это сообщение, но потом все-таки бросил в плечевой микрофон:

— Вячеслав Степанович, это Атос. Тут, на КПП вас домогаются. Якобы знакомый. Прием.

— Хорошо, сейчас подойду... — раздался равнодушный голос.

Несколько минут никто не двигался с места, пока из-за бронемашины не появился коренастый, бритый наголо мужчина с широким круглым лицом, мясистым носом, приплюснутыми ушами и на удивление добродушными глазами. Мужчина был одет в обычный камуфляж, и берет на нем был тоже обычный, камуфляжный.

— О, Палыч лежит! — Мужчина осторожно тронул ногой поверженное тело. — Ну и хрена лысого ты тут разлегся?! Больше нигде?

— Сам ты лысый хрен, — огрызнулся Палыч, тут же поднимаясь на ноги. — Здорово, Слава!

Они обнялись, точнее, «градовец» обнял Палыча, руки которого по-прежнему были застегнуты наручниками за спиной. Потом Слава расстегнул наручники и протянул их Палычу со словами:

— Дарю. На долгую память. Потом указал на меня:

— А это кто? Палыч, потирая багровые запястья, скривил физиономию:

— Да так, прибился тут один случайный хмырь. Можешь пустить его в расход, мне не жалко...

— Оставьте его мне, Вячеслав Степанович, — попросил белобрысый, сверкая своей белоснежной челюстью и показывая на меня стволом автомата. — Мы с ним еще не доспорили о преимуществах помпы перед автоматом.

— А чего тут спорить? В ближнем бою помпа лучше, — пробасил Вячеслав, забирая мое ружьишко из рук белобрысого и передавая мне.

Я благодарно кивнул и тут же освободил от куртки правое плечо, пристраивая там на ремне свое оружие. Все пятеро бойцов смотрели на эту процедуру с каким-то острым, профессиональным интересом.

— И что, удобно такой работать? — спросили меня.

— Удобно, неудобно... У меня другой все равно нет, — буркнул я.

— А далеко ты, такой красивый, с ней собрался пройти? — снова спросил все тот же настойчивый боец, глядя на меня откровенно насмешливыми глазами, но совсем не улыбаясь своим до театральности суровым, обветренным лицом. Похоже, ему на самом деле было интересно, как далеко может пройти по стране человек с таким вооружением.

— Мы с ней пройдем две тысячи километров к югу от Москвы, — ответил я и злобно выпятил челюсть, услышав дружный и искренний смех вокруг.

— К югу от Москвы и километра нельзя пройти. Там сейчас только ездят. Причем на танках. Или летают — на «крокодилах», — объяснил белобрысый.

Потом Вячеслав показал на коттедж неподалеку, и мы пошли туда втроем. Остальные члены группы, как по команде, бесшумно разошлись.

Впрочем, наверное, команда «Разойтись!» действительно была, а я ее просто не услышал.

Глава двенадцатая

И без того не бедно выглядевший снаружи, внутри этот коттедж оказался роскошной загородной виллой — отделанные мрамором прихожая и гостиная, затейливые световые панели и какая-то немыслимая бытовая техника, из которой я опознал только пылесос.

То есть даже пылесос я опознал не сразу, ибо он был сделан в виде огромной черепахи, но когда он, деловито жужжа, сам подъехал ко мне на невидимых колесиках и начал путаться под ногами, самостоятельно очищая пол в автономном режиме, я раздраженно дал ему пинка, и Вячеслав укоризненно сказал:

— Не трогай животное. Ты, что ли, полы здесь мыть будешь?

Я взгляделся в рукотворную тварь и понял, что вижу одного из тех домашних роботов,

которых показывают по телевизору в программах для скучающих жен бизнесменов.

Пылесос обиженно поморгал светодиодами и покатил от меня прочь в гостиную. Вячеслав направился туда же.

Я вошел сразу после них и совсем не удивился, увидев Васильева. Он лежал на роскошном кожаном диване, подставив лицо молоденькой девушке в форме с погонами лейтенанта медицинской службы. Девушка сидела возле дивана на коленях и сама отчаянно морщилась за пострадавшего, протирая ватным тампоном исцарапанную физиономию Васильева, зато пациент бодро улыбался и трендел без остановки, шевеля разбитыми в кровь губами:

— ...участковый докладывает: «Сегодня в доме пять произошло самоубийство. Мужик из окна выбросился». Начальник: «А какой мотив?» Участковый: «Какой на хрен, мотив? Не Кобзон, молча выбросился».

Палыч мельком взглянул на Валеру и сразу направился к огромному окну. Окно выходило на трассу, и в него было видно не только оба броневика, но даже, если поднять жалюзи, макушку холма, возле которого мы оставили в лесу наш «форд». Палыч поднял жалюзи и некоторое время разглядывал пустое вечернее шоссе.

— До утра ни одной машины не будет. Шугается на род по ночам ездить, — ответил на невысказанный вопрос Вячеслав, тоже подойдя к окну.

Васильев наконец отвлекся от своей медсестры и заметил нас.

— Явились, значит, — со странной смесью радости и беспокойства сказал он.

Вячеслав обернулся к нему и развел руками:

— Несчастный случай. У нас сегодня праздник отложенных встреч. Бывает и не такое.

Потом Вячеслав повернулся к нам и, коротко вздохнув, объяснил:

— У погранцов командир роты месяц назад из Ханкалы прибыл. Ивашов его фамилия.

— Ивашкин, — поправил с дивана Васильев, потирая ушибленную челюсть.

— Ага, Ивашкин. Капитан Ивашкин. А жену его зовут Алена.

— Алена Семеновна, — снова вмешался Васильев, и медсестра хрюкнула от еле сдерживаемого смеха.

— Короче, ревнивым этот капитан оказался до чрезвычайности. Он и на моих людей кидаться пробовал, но тут у него облом случился.

Через пару минут отрывистых комментариев Вячеслава и односложных реплик Васильева картина происшествия прояснилась до полного неприличия. Оказывается, кобель Васильев закадрил супругу капитана в первый же месяц своей последней чеченской командировки в Ханкалу, а потом два месяца отбивался от нападок разъяренного ротного. И надо было такому случиться — именно с капитаном Ивашкиным наш Валера столкнулся сегодня, проходя заставу. Рогатый капитан сразу понял, с какой целью пожаловал сюда Васильев. Разумеется, клеиться к его супруге — разве могут быть в этой жизни другие причины?

— Да хрен с ним, с этим кобелем. — Палыч бросил уничижительный взгляд на Васильева. — Ты мне лучше скажи, почему погранцы у тебя мародерствуют?

— Кто мародерствует? — напрягся «градовец», рефлекторно протянув правую руку к кобуре, а левую — к рации.

— Ну, как же... — запнулся Палыч, не решаясь поднять на него глаза. — Вон же ваши молодцы — грузят товар в грузовички...

Вячеслав нахмурился:

— Ты вроде давно меня знаешь. Я мзду не беру.

Палыч развел руками:

— Я-то знаю! Но с шоссе видно, как товар перегружают.

— Здесь вчера был бой, — объяснил Вячеслав: — Семь фур с кофе остались у нас на ночь, потому что перед Тверью работала банда Ахмеда Касимова, и дальнобойщики боялись дальше ехать без нормального сопровождения. Мы, разумеется, без команды сопровождать их тоже отказались, просто разрешили у нас переночевать, под прикрытием. А под утро

Касымов сам сюда явился со своими людьми. И для начала у всех фур колеса прострелил. Он же думал, что здесь только срочники стоят.

— А вы что? — спросил я с огромным интересом.

— Что «мы»? Мы, конечно, вмешались. Вон в том лесочке Ахмед с друзьями сейчас лежит, воняет потихонечку... — «Градовец» кивнул в окно. — Кстати, военные грузовики у погранцов зафрахтованы фирмачами совершенно официально и проплачены по безналу. А вот нам или пограничникам фирма-перевозчик даже банки кофе не подкинула. Такие жмоты оказались, слов нет! А ты говоришь — «мародеры».

— Это не я говорю. Это он. — Палыч вдруг указал на меня толстым волосатым пальцем и вдобавок скорчил противную рожу.

Я благоразумно решил промолчать.

— Свою машину далеко оставили? — закрыл скользкую тему Вячеслав.

— Вон там, на пригорке, в лесочке, — показал Палыч. — Сейчас схожу, пригоню.

— Один не ходи, — покачал головой Вячеслав. — За пределы КПП даже мои бойцы по одному не ходят. Дать тебе человека?

— У меня есть. — Игорь снова показал на меня пальцем. — Пошли, боец.

Конечно, я бы мог ему достойно ответить, но не в присутствии медсестры. Симпатичная девушка — с фигуркой, грудью и прочими аксессуарами.

Мы вышли из коттеджа и направились вверх по шоссе. Резко стемнело, и в сгустившемся сумраке я уже мало что видел. Когда Палыч вдруг резко остановился, я с ходу врезался головой ему в спину.

— Блин, Тошка, соблюдай дистанцию, — попросил он и дальше говорил уже кому-то невидимому, сидящему в открытом люке БТР: — Мы сейчас вернемся. На камуфляжном микроавтобусе. Такой длинный, с нарисованными медведями гризли на боках.

— Гризли? Да по мне хоть с бегемотами! «Сейчас» — это когда? Я через час сменяюсь, — слышался недовольный голос солдата.

— Мы быстро, в полчаса уложимся, — успокоил Игорь и быстро пошел вверх по темному асфальту.

— Будете подъезжать — мигните четыре раза! — крикнул нам вслед тот же недовольный голос, и я услышал скрип пулеметной турели.

Палыч шел, беспокойно поглядывая наверх, и мне тоже стало передаваться его беспокойство. Я с ужасом представил себе, как мы бродим по темному лесу в поисках исчезнувшего микроавтобуса, а нашу машину угоняют по лесным дорогам какие-нибудь недобитые соратники покойного, но все равно ужасного Ахмета.

На вершину холма мы почти взбежали, и там я первым отыскал место, где мы форсировали придорожную канаву. Я пригнулся, отодвигая мешавшие ветви, и вошел в лес, двигаясь больше по наитию, чем по ориентирам вроде колеи, едва различимой в неверном свете луны.

Микроавтобус стоял на месте, и я тут же радостно крикнул себе за спину:

— Палыч, порядок!

Ответом была тишина и какое-то странное, осторожное кряхтение неподалеку.

— Палыч, ты где? — Я с тревогой вглядывался в уже беспросветную, по случаю позднего вечера, темноту. — Палыч! Где ты?

— Как же ты меня достал, Тошка! Дай погадить человеку! Два часа терпел, возможности не было, а теперь вот ты тут разорался, — услышал я возмущенную тираду из ближайших кустов.

Значит, мы бежали наверх, как сумасшедшие, вовсе не в тревоге за сохранность «форда» и груза. То есть я-то тревожился, а Палыч просто искал тихое место, где можно комфортно погадить в окружающую среду.

Я помолчал некоторое время, прогуливаясь меж трех сосен возле микроавтобуса, а потом мне стало скучно, и я прислонился спиной к ближайшему стволу, уставившись в необычайно звездное и потому глубокое, зовущее ночное небо.

Звезды загадочно мерцали, передавая морзянкой неведомые человечеству тайны, рядом многозначительно фосфоресцировали какие-то туманности и еще молча, но строго смотрела на меня луна.

В такие минуты очень хочется приобщиться к какому-нибудь секретному инопланетному знанию или божественной высшей силе, но ни религия, ни уфология никогда не вызывали у меня в душе ни трепета, ни интереса. Мне в принципе не нравилась идея поклонения могущественным силам, когда в качестве причины поклонения выступал всего лишь факт могущества этих сил. То есть не моральные качества человеческих богов, не любовь и справедливость заставляют людей поклоняться им, а лишь факт их пусть воображаемого, но силового преимущества перед человеком. Больше того, отказ от почитания богов означает в людской мифологии совершение греха — дескать, как ты, чмо хилое, смертное, тупоголовое, посмел противиться силе, которая заведомо больше тебя!.. Подобная идеология возмущала мой разум, а разум в ответ разрушал малейшие религиозные конструкции, которые окружающие достаточно часто пытались воздвигнуть в моем воображении.

Я не понимал претензий на духовное лидерство этих безумных фанатиков с барскими замашками и пошлой пропагандой серости как фетиша. С таким же успехом серийный маньяк может претендовать на роль духовного вождя среди своих несовершеннолетних жертв — и ведь, как показывает уголовная практика, нередко добывается своего! Но разве это означает, что ему следует поклоняться? По-моему, ему следует набить морду...

«Форд» взревел мотором, и я вздрогнул от неожиданности. Палыч не стал включать свет в кабине, потому что даже при свете фар с водительского места в лесу видно было немного.

Я открыл пассажирскую дверь, сразу оказавшись в шаге от желанного, теплого, цивилизованного мира.

— Привет, засранец! — крикнул я Палычу. — Я пойду к шоссе, показывать тебе дорогу.

Палыч показал глазами на луну:

— Мне света вполне хватает. Не трепещите крылами, корнет.

Потом помедлил и неожиданно спросил:

— Тошка, а тебе не кажется, что луна очень похожа на жопу?..

Я изумленно вытаращился сначала на него, потом на луну, а потом снова на него:

— Луна похожа на жопу? Почему? Ты спятил, что ли?

Палыч сказал мне «пф-ф» и разочарованно махнул рукой:

— Ты не понял. Мы — внутри! Ладно, иди уже, показывай дорогу...

Я осторожно захлопнул дверь, с неслышным вздохом возвращаясь в мир тревожных лесных шорохов и теней.

Потом я снова посмотрел на луну, и тут до меня дошла шутка Палыча... Меня начало трясти от смеха так, что я сам едва не свалился в канаву вместо броневика.

Впрочем, обратная эвакуация микроавтобуса из леса на шоссе прошла успешно, и я сел в машину, когда она вырулила на дорогу. Мы покатали под горку, которую уже изрядно истоптали за сегодняшний день.

Устраиваясь в кресле поудобнее, я вдруг всеми частями тела почувствовал, как устал.

Подъехав к первому броневику, мы послушно мигнули четыре раза, но не получив в ответ никаких сигналов, медленно двинулись в глубь заставы.

Палыч поставил «форд» во дворе первого коттеджа, под самыми окнами гостиной, где мы оставили Васильева, и в этих окнах, сияющих сейчас двухсотваттными неоновыми панелями, мелькали бойкие тени и странные романтические силуэты.

На веранде коттеджа стояло трое мужчин в камуфляже, среди которых я сразу узнал белобрысого веселого громилу. Весельчак тоже меня узнал:

— Привет терминаторам! Когда уже будем соревнование устраивать?

Я зашел на веранду и протянул ему руку:

— Привет. Я Антон, Биофизик.

Белобрысый широко улыбнулся и легко пожал мою руку:

— И я Антон. Но — землепашец.

Оказавшийся рядом Вячеслав добавил своим размеренным басом:

— Студент он у нас. Зеленоградской сельхозакадемии. Теперь уже вечный.

Я не понял последней фразы и открыл было рот, но Антон объяснил сам:

— Идите в гостиную, ужинать, заодно новости по смотрите. Там в конце, в рубрике «Культура», должны показать, как она горит. Моя, блин, альма-матер. Отучился я, короче... — с грустью закончил он.

Я вежливо пожал плечами, выражая сочувствие странному студенту, и пошел в гостиную на запах какой-то необычайно вкусной жратвы.

Палыч, разумеется, сначала поперся в туалет — мыть руки с мылом (а то и с хлоркой, если найдет раствор).

Кроме вкусных запахов, гостиную заполняли забытые звуки ночной вечеринки — звяканье бокалов, невнятный шепот, доносящийся откуда-то из нагромождений мягкой мебели, занудливое бормотание радиоведущего, изредка прерываемое танцевальной музыкой, и тому подобное забытое звуковое сопровождение типичного студенческого вечернего ужина.

У входа в гостиную меня встретила давешняя медсестра, что приводила в чувство Васильева, и строго нахмурила брови:

— Руки!

Я, разумеется, вспомнил «Приключения Шурика» и послушно поднял руки вверх, косясь на ее грудь, отлично видимую в вырезе расстегнутой до предпоследней пуговицы гимнастечки.

Оглядев мои поднятые руки, медсестра радостно засмеялась и добавила, едва сдерживая следующий приступ смеха:

— Руки мыли ?

— Я бы рад, да там, в туалете, мой коллега засел. Медвежья болезнь! — громко заорал я, оборачиваясь к туалету, чтобы Палычу было лучше слышно.

— Наглая ложь, — тут же отозвался Палыч, открывая дверь туалета. — Я там руки мыл. — Он торжественно показал красные от горячей воды ладони.

Медсестра уважительно ему кивнула:

— Какой молодец! А теперь идите кушать.

Услышав слово «кушать», я поморщился. Давно подметил: если русскоговорящий человек всерьез употребляет слово «кушать», значит, он не понимает его лакейского смысла. И значит, этот человек глуп. Еще ни разу за мою жизнь этот тест меня не обманывал, и я давно привык полагаться на него, как полагаются в приемных комиссиях вузов на тест ЕГЭ — с некоторой степенью недоверия, но и с подсознательной готовностью признать человеческую глупость там, где внешне она еще никак не проявилась.

Палыч протиснулся мимо меня в гостиную, слегка и как бы шутя приобняв медсестру, а я отправился в туалет. Я подумал, что мы можем еще очень нескоро воспользоваться преимуществами цивилизации, и, обнаружив в туалете душевую кабину, решил быстро, по-солдатски, помыться.

Потом я таскался в «форд» за чистыми носками и майкой, вытирался, причесывался и просто тупо таращился на себя в запотевшее зеркало, репетируя мужественный оскал и две разновидности ироничной улыбки.

Короче говоря, когда я вошел в гостиную, за общим столом уже сидело человек десять и поднимали, как мне показалось, судя по счастливо размякшей физиономии Васильева, четвертый-пятый тост.

Впрочем, бойцы Вячеслава, как и их командир, употребляли исключительно соки. Железные люди, собранные по старым кагэбешным технологиям — из чугуна, ряженки и ржаных хлебцев «Здоровье». Сейчас таких уже не делают...

Мне указали на свободное место рядом с немного полноватой, но довольно симпатичной блондинкой, одетой в гражданское, отчаянно красное плюшевое платье, вызывающее и неожиданное среди привычного камуфляжа или зеленой формы офицеров погранвойск.

По другую сторону от плюшевой блондинки сидел Васильев и недобро косился на меня, нервно почесывая челюсть, заклеенную пластырем в трех местах.

Давешняя медсестра сидела много дальше, на другом конце стола, рядом с Палычем — видимо, его чистоплотность задела какие-то профессиональные струны ее женской души.

— Очень приятно. Меня зовут Алена Семеновна, — жарко прошептала мне в правое ухо блондинка, пихнув меня в бок своей упругой грудью, и я тут же рефлекторно огляделся по сторонам в поисках невидимой угрозы.

Меня успокоил голос напротив:

— Капитан Ивашкин отправлен на гауптвахту. Трое суток за неуставные взаимоотношения с гражданским лицом.

Я благодарно кивнул, ни единым мускулом не выдав своего отношения к этой непростой коллизии, а потом повернулся к блондинке:

— Я Антон. Что вам налить?

— Там уже все налито, Тошка. Тебе совершенно не стоит беспокоиться, — желчно отозвался Васильев поверх красной плюшевой спины, демонстративно подливая блондинке вина в стакан.

Я посмотрел Алене Семеновне прямо в ее подернутые мутной голубоватой дымкой глаза и прочитал там, что побеспокоиться мне все-таки стоит. Блондинка подняла свой стакан, лихо выцедив из него все содержимое:

— Ах, Антон! Налейте мне что-нибудь по своему вкусу. Так приятно, когда мужчины вливают в тебя что-нибудь по своему вкусу!.. — томным голосом добавила

она и, завершая свою выразительную пошлость, медленно облизала указательный палец, глядя мне в глаза.

Я понял, что от этой женщины так просто я уже никуда не денусь, и взял со стола бутылку, руководствуясь одним только инстинктом — самозащиты.

— Ах, пьяная женщина — легкая добыча. Не правда ли? — приторно улыбнулась Алена Семеновна, внимательно наблюдая, как я наполняю ее стакан вином.

Тут Васильев крикнул со своего места так отчетливо, что мне все-таки пришлось остановиться где-то на половине стакана.

В гостиную вбежал запыхавшийся солдат с огромной, литров на двадцать, кастрюлей вареной картошки. Он поставил парящую кастрюлю посреди стола и снова торопливо убежал за стойку, где, по-видимому, располагалась кухня элитного коттеджа.

Все мужики тут же начали шустро, но без суеты накладывать себе картошку. Я тоже положил в свою тарелку пару картофелин, и тут в гостиной снова появился все тот же солдатик — на этот раз с казаном тушеного мяса.

— Хорошо живете, — одобрительно заметил Палыч на всю гостиную. — На своем горбу небось все вырастили?

— Своим горбом в России можно заработать лишь радикулит, — тут же отозвался Вячеслав. — Картошку у местных на солярку выменяли, а козу вчера убило, во время боя. Не поверишь — случайно.

— А где же армейское довольствие? Где полевая кухня? — озаботился Васильев, повернувшись к Вячеславу.

— В Караганде! — раздался нестройный хор мужских и женских голосов.

— Мне, как ты понимаешь, на моих людей питерское управление отпустило стандартные командировочные. Из расчета семьдесят шесть рублей в сутки на рыло, — пояснил Слава. — Ау местных погранцов вообще полная задница — их же должна была обеспечивать тыловая служба Кавказского военного округа. Ну так положено — раз они оттуда прибыли...

— И чего? — не понял паузы Валера.

— Ты что, не знаешь? — удивился Вячеслав.

Валера пожал плечами, и Вячеслав продолжил:

— Тыловики автоколонной уходили, из Владикавказа на Ставрополь. Керосин для транспортных самолетов у них еще в июне растащили, вот они автоколонной и ломанулись со всем скарбом, так сказать. А под самым Ставрополем их, разумеется, встретили. Причем сразу четыре региональные преступные группировки. Четыре, представляешь! Армейские консервы, концентраты, запчасти всякие, они ведь сейчас в такой цене... Короче, там такое творилось, что я тебе здесь, за столом, пересказывать не буду... Не дошли ребята, почти все там остались. Двести грузовиков, триста солдат и пятьдесят офицеров. Слава богу, хоть семьи свои отдельно отправили, неделей раньше.

— Подожди, они что, без оружия шли? — вытаращил глаза Палыч.

Мужчины за столом все, как один, грустно улыбнулись.

— С оружием, конечно. Но, согласно приказу МО РФ, это оружие было в разобранном виде упаковано в специально опечатанные московской комиссией ящики. Чтоб не провоцировать экстремистов на нападения. И во всех СМИ об этом заранее объявили. Понимаешь тему?.. — Вячеслав налил себе полный стакан сока.

— Не понимаю, — честно ответил Игорь.

— Да продали Россию, что тут понимать, — отозвался сосед Палыча, рослый майор-пограничник. — Мне сейчас дай команду — «Наведи порядок, майор Ширко!» — так я за десять дней его наведу, с одной только своей ротой беременных недоносков. Но ведь не дают такой команды, гниды тыловые!..

Майор с тоской поднял огромные ручки, а потом решительно выпил.

Я покосился направо и, немного подумав, слазал вилкой в кастрюлю за еще горячей картошкой. Но когда я несмело понес парящую картофелину в тарелку своей соседки, Алена Семеновна чутко отвлеклась от беседы с Валерой и замахала на меня руками:

— Что вы! Я худею! Нет-нет! Никакой картошки!

Я поняливо кивнул и положил эту картофелину себе. Поскольку Алена Семеновна все еще смотрела на меня выжидающе, пришлось задавать ей необязательный вопрос:

— А давно вы худеете ?

— Целый час! — с готовностью отшутилась она, с торжествующей усмешкой оглаживая себя по пышной груди.

— Уже заметно! — обнадежил я.

— Правда? — захихикала она, прикрывая рот ладошкой.

— Ну да. Глаза у вас голодные.

Она задумалась, потом нахмурилась и наконец разочарованно отвернулась к Васильеву.

Антон опять через стол улыбнулся мне одними глазами и негромко сказал:

— Слушай анекдот, тезка. Возвращается муж из командировки, открывает дверь в спальню, а там его друг и жена занимаются любовью. Муж в сердцах хватается за пистолет и стреляет в друга. Наповал. Жена поднимается, грациозно подходит к будуару, берет помаду, красит губы и с легким вздохом говорит: «Эдак ты всех друзей растеряешь!»

Я ухмыльнулся и задумчиво взглянул на Алену Семеновну. Мне уже давно было плевать на несчастного капитана Ивашкина, отсиживающего на гауптвахте за грехи своей несносной супруги, — я не мог разобраться в своих ощущениях.

— Новости! Новости! — закричала вдруг медсестра, тыча вилкой в телевизор, доселе беззвучно вещающий на Первом канале.

Вячеслав неспешно, с каким-то гадливым выражением на лице, поднял телевизионный пульт и несколько раз нажал на сенсоры, выставив уровень звука до различимого. Аккуратно причесанный диктор приветливо улыбнулся нам всем и сказал:

— Здравствуйте! В эфире новости Первого канала. Спешим обрадовать наших телезрителей — министр Зурабов, прозванный в народе совестью нации, посмертно стал лауреатом 17-го конкурса ЮНЕСКО на звание «Человека десятилетия». С подробностями —

специальный корреспондент Первого канала в Нью-Йорке.

По экрану пошли панорамы нью-йоркских авеню, и все жадно принялись рассматривать непривычно целые, яркие витрины и толпы улыбающихся, счастливых людей.

— Живут же люди! — выразила общее мнение Алена Семеновна.

— Да ладно, у них на границе с Мексикой сейчас такая же херня происходит, — тут же вступился за родину Васильев.

Поддерживая Валеру, появившийся на экране диктор с фальшивой скорбью в голосе сказал:

— К сожалению, волна стихийных беспорядков и погромов докатилась также и до Соединенных Штатов Америки. Сейчас вы увидите эксклюзивные кадры, снятые нашим специальным корреспондентом во время вчерашних массовых погромов на юге США.

По экрану пошло мельтешение из перекошенных лиц и горящих зданий, сопровождаемое криками разной степени экспрессивности.

— Ну, там хотя бы не стреляют, — разочарованно заметил Палыч.

— Стреляют везде, — поправил Вячеслав. — Просто оттуда, где стреляют, корреспонденты с телекамерам не часто возвращаются.

Следом пошел сюжет про разграбленный в Лондоне автосалон, и на экране появился плачущий хозяин который, если верить российскому переводу, отчаянно проклинал правительство своей страны за то, что оно оказалось не способно защитить его машины от толпы погромщиков.

— Я разорен! Я полностью разорен! Теперь у меня нет ничего! — надсадно орал в микрофон несчастный коммерсант, а камера тем временем показывала нам бессмысленно покореженные модели известнейших и дорогуших автомобильных марок.

— Чего бы ему, лоху, было не продать это добро пораньше и не свалить с деньгами? — удивился кто-то из ребят в камуфляже.

— Да уж! Самые большие лохи на свете — это те, кто имеет деньги, но не имеет счастья, — негромко сказала медсестра, и я понял, что совершенно напрасно недавно упрекал ее, пусть и мысленно, в тупости.

Тут Первый канал отвлекся от зарубежья, и по экрану пошла подборка региональных сюжетов. Нам показали процедуру открытия электронной библиотеки в селе Горелово Псковской области, два сюжета про освящение — новой атомной подлодки в Северодвинске и музея в Калуге, а также сюжет про визит президента в Анадырь на закладку первого камня в фундамент местной очистной станции.

— Президент у нас молодец, далеко смылся, — одобрил Палыч.

— Да уж... Главнокомандующий, бляха-муха... — хмыкнул Вячеслав.

— Да он, может, не в курсе, — заступился за президента Антон. — Может, ему, как и нам, докладывают только про погромы в Америке и открытие библиотеки в селе Горелово.

. Ну и нахрен он тогда нам нужен, такой красивый?! — злобно рявкнул Васильев, и я увидел такое разочарование на его исцарапанном и битом лице, что рука моя сама потянулась за бутылкой водки.

— Да знают в Кремле всё, что надо! — успокоил собравшихся Вячеслав. — Просто играют в какие-то свои игры, сферы влияния делят или еще чего...

— Нифига себе игры!.. Сколько народу уже полегло! — не выдержал я, наливая водки и себе тоже.

— Их-то это не касается, — ответил Вячеслав. — К примеру, Рублевку сейчас сразу две дивизии охраняют, воздушно-десантная и внутренних войск. Так что там порядок и тишина. По телику давеча показывали — спокойно себе люди в гольф играют, в шортиках и белых носочках. В гольф они там играют, понимаешь!

Все замолчали, с неприязнью глядя в телевизор, где как раз показывали одного из обитателей Рублевки, известного салонного художника. Как будто специально, он вырядился в белые футболку, шорты и носочки. Своими тонкими ручками живописец с натугой удерживал широкую золоченую раму.

— Моя новая картина посвящена последним событиям в Казани. — Холеный человечек лихорадочно тараторил в кадре, выжимая максимум пиара из дорогих эфирных секунд. — Вот, дорогие телезрители, вы видите на этой картине, как несчастная мать держит своего мертвого ребенка, убитого безжалостными погромщиками. Вы также видите, как искажено горем ее когда-то прекрасное русское лицо... Я безвозмездно дарю эту картину Третьяковской галерее!..

В приступе неконтролируемой ярости Слава ударил кулаком по пульта, и экран погас.

Страхнув телегипноз, все посмотрели друг на друга.

— Больше всего мне жаль хороших людей, — сказала в наступившей тишине медсестра, устало вливая в себя очередную рюмку водки. — Их в жизни ждет наибольшее разочарование. Страшно подумать, как они будут мучаться от разочарований в гнусной человеческой сущности...

Она тяжело вздохнула и добавила:

— Беда хороших людей в том, что они всех подозревают в порядочности. А их по всей стране — мордой об стол, и давай пытаться на предмет семейных записок или просто так, для развлечения. И делают это ближайшие соседи — те самые, что раньше придерживали дверь, когда вы выносили из подъезда коляску с ребенком...

Она заплакала и прикрыла лицо руками. Все тут же принялись преувеличенно шуметь, звенеть посудой, разговаривать неестественно бодрыми голосами, скрипеть стульями, лишь бы не слышать этот тихий плач.

Я с каким-то восторженным ужасом смотрел на медсестру — совсем юную девушку, так рано созревшую для мудрости, к которой не каждый приходит и в восемьдесят лет.

— У Вали в Казани семья погибла, — негромко сказал мне Антон. — Мать и младшая сестренка. Они напоезде эвакуировались, а его сразу за выездом из города подорвали. Погромщикам почтовый вагон был нужен, с деньгами и ценностями всякими. А весь поезд — так, до кучи пришелся, как в том анекдоте. Человек тридцать сразу погибли, а до раненых «скорые» еще несколько часов не могли добраться — погромщики стреляли. Не со зла, а потому, что боялись, что за ними менты на этих «скорых» явятся. А менты туда, кстати, так и не приехали. Приказ у них такой был — не провоцировать, а ждать, когда само рассосется.

Я взглянул на Валью, потом на черный экран телевизора и почувствовал, что меня здорово развезло.

Я встал из-за стола и быстро зашагал к выходу, не обращая внимания на лица и слова, обращенные ко мне...

Меня стошнило прямо на крыльце — я блевал на этот поганый мир и одновременно плакал от лютой ненависти к нему. Впрочем, скорее всего, я просто перепил водки и подсознательно искал себе другого, высокоморального оправдания.

Потом на крыльце появился Васильев с литровой «Столичной», и я, выхватив ее у него из рук, упрямо припал к этой бутылке так, будто на ее дне таилось знание, так необходимое всем нам сейчас.

Увы, никакое знание ко мне не явилось — явилась лишь совсем расхристанная, но на удивление бодрая Алена Семеновна и встала на пороге, приманивая меня на вывалившуюся из декольте грудь.

Я не стал говорить Алене ничего обидного, а отдал бутылку Васильеву и послушно пошел за этой женщиной — туда, где нас ждали чистые простыни чужой, но такой роскошной спальни.

Глава тринадцатая

Заставу в Торжке мы покидали ранним утром, причем обошлось без долгих проводов — бойцы «Града» со своим командиром во главе ушли еще раньше «по оперативной надобности», как туманно выразился оставшийся дневальный, а пограничники нас и вовсе игнорировали, ибо явно невзлюбили — сказался, наверное, вчерашний конфликт ротного с

Валерой.

За руль «форда» снова уселся Палыч — он заявил, что выспался, как слон, хотя это утверждение показалось мне сомнительным. Ночью я своими глазами видел, как Палыч отправился в свою спальню под ручку с медсестрой. Едва ли чтобы тут же заснуть...

Я уселся спереди, рядом с водителем — если видишь его лицо, всегда успеешь разбудить или хотя бы перехватить руль.

Валера нагло разлегся в салоне, неубедительно причитая по поводу своих синяков и шишек — по-моему, он просто готовил себе почву для спокойного дневного сна. У кого поднимется рука будить раненого товарища?

У самой Твери мы неожиданно выскочили прямо на КПП, ощерившийся пулеметами милицейских броневинов. Разворачиваться или прятаться было уже поздно. Но когда Палыч, снизив скорость до обозначенных на знаке двадцати км-ч, подъехал к полосатой будке, гаишник лишь бросил равнодушный взгляд на документы, которые Игорь совал ему в опущенное окно, и молча поднял шлагбаум.

Дальше шоссе снова было пустым, но сразу после Зеленограда мы встали намертво — уперлись в бесконечную очередь из тысяч автомашин. Судя по тому, как спокойно водители и пассажиры завтракали прямо на капотах или подремывали на утреннем солнышке, эта очередь двигалась весьма медленно.

Палыч лично отправился на разведку и вернулся уже через пару минут.

— Въезд в Москву ограничен. На всех постах тотальный досмотр и все такое прочее,— сообщил он, усаживаясь на свое место, после чего принялся звонить сразу по обоим своим сотовым телефонам.

Я тоже решил позвонить, жене, но мобильник Ленки оказался вне зоны. Это было неожиданное и неприятное, но совершенно непреодолимое отсюда, из-под Москвы, препятствие, и я бессильно откинулся в кресле, закрыв глаза от бьющего прямо в лоб солнца.

— Здравствуйте, Геннадий Иванович! — услышал я непривычно сладкий, откровенно заискивающий голос Палыча.— Это вас Игорь Минин беспокоит из ЧОП «Ист Пойнт». Да-да, от полковника... Я хотел уточнить, насколько необходим наш приезд в Москву? Тут совершенно чудовищная пробка, и мы можем потерять массу времени. Нельзя ли нам объехать город и сразу рвануть на юг...

Тут Игорь замолчал, а я открыл глаза. Лицо у Палыча из сонного и равнодушного стало на глазах оживать, наливаясь красками, пульсировать энергией. Увы, темной энергией, ибо после нескольких минут прижимания трубки к уху Палыч вдруг заорал в пространство:

— Блядь, да что же там за мушкетеры работает!.. Твари тыловые! Гниды казематные! Жабы!

Я посмотрел на телефон в его руках и понял, что этот крик души звучал уже в отключенную трубку.

— Придется ехать, — расстроился Палыч, засунув первую трубу в карман и с сомнением разглядывая уже набранный телефон на второй. Потом махнул рукой и убрал в карман вторую трубку тоже.

— А чего говорят-то ? — вяло любопытствовал я, примерно догадываясь, что могут говорить клерки, не желающие брать на себя лишнюю ответственность.

— Да хаят они, а не разговаривают! — возмутился Игорь.— Сидит там такой эффективный менеджер, жаба беспредметная, и нотацию мне читает. Дескать, если вам через вшивую столичную пробку к нам не пробиться, как, мол, вы до Элисты ответственный груз довезете... Какое твоё дело, как я груз доведу, жаба?! Я тебя об одном прошу — не усложняй мне задачу!.. Нет, им ещё какие-то документы туда пихнуть надо, груз осмотреть, пломбы поставить... Зачем, спрашивается?!

— Похоже, добавить чего хотят, с оказией, так сказать, — предположил я.

— Хрен им! Только за отдельные деньги. — Палыч снова выскочил из кабины микроавтобуса, не в силах сдерживать бушевавшую в нем ярость.

Я даже подумал, что он пойдет грубить народу вокруг, чтобы подраться от души, но,

погуляв по шоссе среди машин, Игорь успокоился и вернулся почти благодатный.

— Полей мне на руки, Тошка, — на удивление вежливо попросил он, и я взял канистру с водой, помог ему умыться и даже ни разу не подколот за очередную публичную демонстрацию дурацкого невроза.

Снаружи, на шоссе, воздух был чистым и свежим — все давно выключили движки в целях экономии горючего, а бескрайнее поле, где покоился хвост огромной очереди, продувалось со всех сторон подмосковными ветрами.

Вокруг нас бегали дети, хлопотали взрослые, звучала из динамиков музыка, бормотали что-то успокоительное ведущие радиостанций, иногда даже доносился смех — в общем, царило совершенно забытое в Питере ощущение праздника, и я легко поддался ему, глаза по сторонам под бодрящим осенним солнышком и рассеянно улыбаясь всем сразу.

За нами в хвост пристроилось уже больше десятка машин, а перед нами стоял большой пассажирский автобус «мерседес», полный горластых упитанных тетенок, судя по одежде и манерам — челноков из провинции.

Одна из этих тетенок собрала на обочине с пяток таких же дородных щекастых женщин в ярких китайских куртках и плащах, чтобы сообщить последние новости сарафанного радио:

— В Москву пускают только по приглашениям. Если нет приглашения, разворачивают, на хрен, хоть ты трижды родственник губернатора. Приглашение может написать только коренной москвич, имеющий прописку и проживающий там не менее десяти лет.

— Ну и чё мы делать будем, Степановна? — раздалось сразу несколько голосов.

— Есть у меня такой москвич! — Степановна торжествующе затрясла мобильником. — Но он, падла, денег требует за приглашение. Сто баксов с рыла.

Толпа озадаченно притихла. Женщины задумались, что-то мысленно подсчитывая. Некоторые, впрочем, не мысленно, а вполне публично — на карманных калькуляторах.

— Дорого выходит! Без прибыли вернемся! — озвучил кто-то всеобщее резюме.

— Проще взятку на посту сунуть!

— Бесплатно пройдем! А нет — так на вилы козлов подыдем! — вдруг жестко сказала крепкая тетка в спортивной куртке и подняла над головой сжатый кулак.

Я подошел поближе, разглядывая этих отважных и деятельных женщин, даже в такое безумное время готовых к осуществлению своей грошовой коммерции, лишь бы иметь возможность кормить детей и себя, не унижаясь подачками от государства или давно спившихся супругов. Сто долларов в неделю — вот их потолок, но также надежда и спасение, и потому за эти деньги они действительно поднимут на вилы любого, кто посмеет на них покушаться.

Потом я неспешно обошел всю компанию по обочине шоссе и задумчиво побрел в поле, осторожно ступая чистыми кроссовками по дорожкам среди грядок.

— Эй, мужик! Мальчики направо! — крикнули мне в спину. — Ты отлить пошел? Так тебе в правые кусты!

— Левыми женщины и дети пользуются, — укоризненно сообщила тетка спортивной наружности.

Надо же, как у них тут все уже организовано! Я в немом восхищении кивнул ей и послушно повернул направо — мне, кстати, и впрямь понадобилось отлить.

Возвращаясь, я едва не потерялся — очередь удлинилась еще на несколько десятков машин и теперь уходила за горизонт в обе стороны живым, но бурлящим на месте потоком. Оглядывая машины и людей, я брел вдоль обочины, когда мой телефон вдруг заерзал в кармане и, включив его, я услышал Ленку:

— Привет, дорогой! Как ты?.. Тут по телику про вас совсем ужасные ужасы рассказывают! Что там у вас происходит?

— У нас порядок, Ленкин! Работаем. Возможно, к концу месяца у меня будут неплохие деньги! — гордо проорал я в трубку, продвигаясь вдоль очереди из машин.

— У нас тоже все нормально. Пока... — осторожно сказала Ленка, и я, разумеется,

напрягся.

— Что значит «пока»?

— Да трудно это объяснить... Все вроде тихо, везде полиция, народ вокруг нормальный, отдыхает-веселится... Но что-то такое витает в воздухе, — путанно объяснила Ленка, но я ее понял.

— Цветные, что ли, куролесят?

— И это тоже, — согласилась она. — По телику показали — вчера поезд Марсель—Париж разгромила банда арабов. Никого, правда, не убили, зато всех ограбили, а пару девушек изнасиловали...

Я замолчал, обдумывая услышанное. Что случилось с миром, куда прикажете прятаться от поднявшего голову быдла?..

— Но ты не волнуйся, это только один эпизод был, — тут же запричитала Ленка. — В России еще хуже. У вас вон вообще стреляют, судя по новостям.

— Это верно, — вздохнул я. — Но ваш отель-то охраняют?

— Здесь вообще все в порядке, — успокоила меня Ленка. — Только вот мне подумать страшно о возвращении в Питер. Сегодня утром в местных новостях показали — Эрмитаж громить начали.

— Да ты что?! — настала моя очередь удивляться.

— Ну да. Правда, в эту ночь мародеров смогли как-то, как они там выразились, «рассеять», но, говорят, сегодня ночью будет повторение, и туда, на Дворцовую, направляются все уличные банды, даже из пригородов и области. Это же вообще полный атас, скажи?..

— Я тебе вот что скажу — ты в Питер возвращаться не будешь! Я сам к вам с Лизкой прилечу.

— Ой, как здорово! — Ленка вроде бы даже захлопала в ладоши. Я услышал, как рядом запищала Лизка, уловив мамину радость и, конечно, с энтузиазмом ее поддерживая. Я улыбнулся, втискивая телефон в самое ухо, чтобы услышать хоть еще что-нибудь радостное с той стороны. — Только у меня ведь ваучер через две недели закончится,— озабоченно сказала Ленка. — И наличные деньги, кстати, тоже. А на карточке всего двадцать евро.

— Я работаю. Деньги будут, — успокоил я. — Давай закругляться, а то еще и телефоны вырубят. Я вас очень люблю!

— Мы тебя тоже...

Я послушал короткие гудки и лишь потом выключил трубу, улыбаясь, как последний идиот.

— Ну и чему ты радуешься? — угрюмо спросил Палыч.

Я показал дисплей, где еще светилось имя жены, и он буркнул:

— Они во Франции вечно жить собираются? По радио только что передали — в Питере Эрмитаж разносят.

Я молча убрал трубку в карман, обошел вставшего, как памятник, Палыча и открыл пассажирскую дверь нашего «форда». Там по-прежнему храпел Васильев, развалившись поперек салона, и мне пришлось перелезть через его страусиные ноги, чтобы пробраться к задним сиденьям.

Добравшись, я снял куртку, аккуратно отцепил помпу от плеча, положив ее на полу на расстоянии вытянутой руки, и лег так, чтобы видеть приоткрытую дверь салона.

— Работнички, мля! — услышал я бухтенье Палыча и грохот закрывающейся двери.

И чего он разоряется? Можно подумать, если мы начнем бегать кругами вокруг «форда», мы доедем до Элисты быстрее.

Я уснул мгновенно, как подстреленный. Поэтому очнувшись в темном, неспешно покачивающемся салоне, не сразу смог оценить ситуацию. Мы медленно катили по ночной дороге, и, судя по колыханию, дорога эта была далеко не хайвэем.

Подняв голову, я увидел за рулем Палыча, а в соседнем кресле незнакомого суетливого мужика, тараторящего буквально без остановки.

— ...Такой, в общем, приколист оказался — Петросян отдыхает!

Я сел, пристроил помпу на привычное место и накинул сверху куртку.

— Проснулся! — заметил движение в салоне Палыч.

— Куда это мы?.. — удивился я, пробираясь по салону поближе к кабине. Мне опять пришлось перешагивать через безмятежно спящего Валеру, и на этот раз я слегка пнул его ногой — из пустой вредности и зависти. Впрочем, у Васильева непробиваемая нервная система — чтобы его разбудить, нужно, как минимум, выстрелить в ухо. Или включить гимн СССР — это, пожалуй, даже более действенный способ, ибо все советские ритуалы пользуются у Валеры непререкаемым авторитетом и уважением.

Я уселся у Игоря за спиной, и суетливый мужик немедленно повернулся ко мне, улыбнулся кривоватой дерганой улыбкой и показал раскрытую ладонь:

— Привет! Я — Василий! Очень приятно! Вот, везу вас в Москву...

Я посмотрел в окно — в ночном сумраке было видно, что мы едем лесной дорогой, приче даже не дорогой, а просекой, полной невидимых, но ощутимых пней и кочек.

— Не беспокойтесь, доставим в лучшем виде! Не вы первые, не вы последние! — затараторил Василий.

У него было чуть опухшее лицо деревенского мужика. Несмотря на теплынь бабьего лета, наш проводник был в стеганом армейском ватнике, а когда он в очередной раз повернулся ко мне, я заметил, что этот ватник надет прямо на застиранную тельняшку.

Василий еще раз дружелюбно улыбнулся и сказал, заметно подрагивая левой щекой:

— Вообще-то я главный логистик отдела мерчендайзинга корпорации «Русский Хенкель». Но вот, приходится, понимаешь, заниматься теперь и такой логистикой — проводить в столицу волчьими тропами...

Я покачал головой в немом восхищении — какая все-таки изменчивая скотина, этот современный хомо манагерс!.. Ко всему приспособится и все обратит себе в выгоду! Не сомневаюсь, что даже в эпицентр атомного взрыва, случись он в Москве, провожали бы гостей столицы такие же улыбочивые вежливые людишки, на ходу всучивая клиентам какой-нибудь актуальный товар — вроде йодированной соли или справочника «Как выжить в эпицентре атомного взрыва. Советы Литвиненко-старшего».

— Ну и чего там этот твой Чудило? — нетерпеливо спросил вдруг Палыч, на мгновение повернувшись к Василию.

Василий отвернулся от меня и продолжил рассказ, прерванный моим пробуждением:

— Короче, я сам не верил, что он такой затейник, пока меня с женой не пригласили к нему на вечеринку. Это еще в мирное время было, год назад. Причем друзья сразу предупредили — денег у него, конечно, куча, но с головой у мужика реальные проблемы. Ладно, думаю, зато повеселимся. Повеселились, блин, — я там чуть не кончил от страха!

Туда доехали быстро и без проблем, а у самой Чудило-вой дачи, откуда ни возьмись, гаишник нарисовался. Стоит, гад, лыбится, ручкой делает. Я вылезаю, а он мне говорит:

— Вы нарушили, с вас штраф — одна дверца.

И принимается реально мне дверцу выламывать. А рядом с гаишником, что интересно, пара дверей уже лежит — уже отломал у кого-то. То есть всерьез все, понимаешь?

Я, конечно, заорал, жена тоже завопила. Потом стошку совать ему начал, отпусти, говорю, командир, а он:

— Тогда сам лобовое вынимай!

Короче, еле-еле уговорили магнитолу забрать. А денег так и не взял...

Приезжаем к Чудиле — ворота заперты. Сигналю — ноль эффекта. Выхожу, заглядываю за ограду — там мужик спит на солнышке, в камуфляже, с помповым ружьем на коленях. В инвалидной коляске.

Я ему кричу: открой! Он глаза открывает и тихим голосом, жалобно так отвечает:

— Я с афганской войны парализованный, браток.

— Только глаза и рот действуют. Ты уж сам постарайся.

Ну, открываю всё сам, паркую машину. Проходим в дом — Чудило встречает

радостный. Говорит, пока погуляйте — повар новый, не успевает, но ужин обещает отменный.

Выхожу покурить на веранду — там спит еще один инвалид с винтовкой. Народ вокруг шепотом объясняет, что это охранники такие у Чудилы — все паралитики, даже садовник и кочегар. Ладно, думаю, мне какое дело.

Тут жена прибегает — глаза по полтиннику. Спрашивает: ты повара видел?

И ведет меня на кухню показать. Кухня у Чудилы классная, он ее из Испании целиком привез, штук тридцать стоит, не меньше. И вот посреди этого великолепия стоит дядя с фиолетовым носом, в брезентовых брюках и пиджаке на голое тело и грязными лапами мясо ворочает. Я понимаю, что это бомж в дом забрался, и даю дяде пинка. Он с писком вылетает и тут же возвращается, перед собой колясочку катит, с охранником-паралитиком. Охранник, как до меня доехал, глаза открыл и строго мне внушать начал:

— Вы зачем, гражданин, нашего повара валтузите? Ща как встану да надаю вам по шеям!

Мы с женой, конечно, с кухни тут же ушли в гостиную.

Тут как раз выпивку принесли — два хмыря с подносами. Похоже, родные братья повара... Я один коктейль попробовал и понял, что второго просить точно не буду. А жене понравилось — попросила рецепт. Тот весело так отвечает:

— Это ж наша политура, с мебельной фабрики. Только мы туда еще портвейна намешали, для запаха. Жена с лица слиняла.

— Дорогой, — говорит, — у твоего приятеля с головой все в порядке?

А я не знаю! Дела мы с Чудилой проворачивали нормальные, а в гостях у него оказался в первый раз.

— Если хочешь, — говорю жене, — поехали отсюда. Она говорит:

— Хочу, и как можно быстрее.

Выходим во двор — машины нет! На ее месте лошадь пасется — рыжая такая кобыла с розовым бантиком в гриве. Я взрываюсь, кричу: подать сюда мою машину! У меня, между прочим, уже тогда крутой «мерин» был, в пятьдесят штук мне обошелся...

Прибегает Чудило, вызывает очередного паралитика с поста охраны. Тот отвечает — не видал никакой машины. Они, говорит, сюда на этой лошади приехали, вдвоем.

Чудило ласково говорит.

— Давай завтра разберемся? А сейчас я тебе свой «мерс» отдам с водителем. А как твою тачку найдем, обменяемся.

Я соглашаюсь, потому что очень хочу смыться из этого дурдома поскорее. Чудило выкатывает свой навороченный «мерс», появляется водитель, на этот раз — в виде исключения — не парализованный, и мы выезжаем за ворота.

Хотя тот водила тоже странный оказался — все время спрашивал, что на дороге происходит. Я рассказывал, пока не надоело. Как замолчал, водила черные очки снял и грустно так, но на полном ходу мне объяснил:

— Я ж не просто так спрашиваю — мне же жить охота. У меня с глазами полная беда — нету их вовсе, снарядом вышибло. А только на звук трудно ориентироваться, понимаешь?

Я смотрю ему в глаза — там жуть, пустые глазницы. А на спидометре сто двадцать...

Вот тогда женушка моя и психанула — зачем я только ее с собой брал. В клинику неврозов пришлось укладывать. Да и я там потом слегка полегил, только к весне отошел...

Я с восторгом смотрел на Василия, устав зажимать себе рот от смеха, распивавшего меня после каждого поворота этого замечательного рассказа.

— Машину-то он потом вернул? — озабочился Палыч, каким-то звериным чутьем продолжая вести «форд» среди совершенно черного леса.

— Ага, на следующий день, — кивнул Василий. — Но магнитола другую поставили — охранник Чудилы, который на трассе гаишника изображал, оставил ее в гостинной, а оттуда потом всё бомжи поперли. Ну, те самые, которых Чудила на роль поваров и официантов нанял...

Я не выдержал и заржал. Василий со вздохом обернулся ко мне:

— Сейчас-то я тоже хихикаю, как вспоминаю. А вот тогда, на шоссе, скажу тебе честно, чуть-чуть не обосрался...

Впереди блеснул острый луч света, и Палыч остановил машину, тревожно вглядываясь в темноту.

— А-а, это наши патрулируют. Чтоб чужие не гоняли, — объяснил Василий, бросив небрежный взгляд вперед. — Давай-ка мне, земляк, пять сотен, у этих такса твердая, не поторгуешься.

Палыч отсчитал пятьсот долларов, отдал их Василию и с нажимом уточнил:

— Эти пятьсот входят в твою тысячу, верно?

— Да-да, входят, не переживай, — отмахнулся наш Сусанин и выпрыгнул из кабины в непроглядную ночь.

Через минуту Василий вернулся с фляжкой коньяка.

— Будет кто?.. — весело спросил он, отворачивая пробку.

— Ехать можно? — мотнул головой Палыч вместо ответа.

— Да можно, все уже можно. Только осторожно, — рассеянно ответил Василий. Он откинулся в кресле и надолго припал к горлышку фляги.

Мы медленно двинулись вперед, и через десять— пятнадцать метров в качающемся свете фар я вдруг увидел толпу — человек сто, не меньше, полностью запрудившую развилку лесной просеки. Многие держали в руках ружья или даже автоматы.

Палыч, вспотев от напряжения, медленно вел «форд» среди этой плотной массы. Нас провожали одобрительными криками и свистом, а когда в свете фонариков стало видно наше наружное оформление, я услышал пьяный, но дружелюбный выкрик:

— Эй, три медведя! Покупайте абонемент! Заезжай те почаще! Будет скидка!

На развилке мы свернули направо, добрались еще до одной развилки, а там, через пару километров, неожиданно показались жилые дома.

— Всё, вы в Москве. Дальше сами. — Василий протянул Игорю сложенную лодочкой ладонь.

Тот отсчитал ему еще пять сотен, вложил их в подрагивающую ладонь и кивнул на прощание:

— Телефон не выключай, нам еще обратно выбираться.

— Всегда готов! — Василий дурашливо вскинул руку в пионерском салюте.

— А ты куда сейчас? Давай до дома подвезем, — предложил я.

— Какой там дом! Назад потопаю. Еще три-четыре проводки за ночь успею сделать, — объяснил он.

Когда Василий вылезал из кабины, его ватник задрался, и я заметил у скромного логистика пистолет-пулемет Стечкина в кожаной кобуре.

Мы осторожно двинулись по узкой, но уже асфальтированной дороге, и я спросил Палыча:

— Где ты нашел этого проходимца?

— Он сам нашелся. Подошел, пока вы дрыхли, предложил свои услуги, — пожал плечами Палыч и с укоризной обернулся назад: — А некоторые тунеядцы вообще все проспали!..

Я тоже посмотрел на Валеру, но тот продолжал непринужденно похрапывать.

Игорь прибавил скорость, и мы быстро проскочили сразу несколько кварталов незнакомого спального района, потом огромную развязку Кольцевой, где я с тревогой увидел блокпост, выложенный из бетонных блоков, уже, впрочем, увешанных снизу доверху рекламой.

Возле поста опытный Палыч снизил скорость и даже встал на секунду под стоп-сигналом, но к нам так никто не вышел. Мы удалились от опасного места, разгоняясь по пустому шоссе до ста километров в час, а потом и больше. Палыч не отрывал напряженного взгляда от дороги.

— Возьми в бардачке карту и найди мне офис этих жаб, — попросил он. — Фирма называется ООО «Телехроникл».

Я перегнулся через переднее кресло и принялся шарить в бардачке, попросив Игоря не гнать так отчаянно

— Пока дороги пустые, надо пошевеливаться, — упрямо мотнул головой Палыч. — Хрен его знает, как тут люди днем ездят — может, у них военное положение введено или еще что...

Я нашел карту, потом взял накладные на груз и нашел там адрес столичного офиса этого долбаного ООО. Потом я выглянул в окно, изучая таблички на домах вдоль проспекта — мы гнали по Волоколамскому шоссе.

— Через два перекрестка направо, — скомандовал я, и Палыч наконец сбросил немного скорость, чтобы не проскочить поворот.

Ночная Москва выглядела вполне мирно и респектабельно — работали фонари и светофоры, мягко светились окна в жилых домах и отважно сияли неонами рекламные вывески. Странно, что не было видно машин и людей, не вымерли же они все и не сбежали за кордон?

Еще после пары поворотов мы въехали в зону плотной застройки и двигались уже совсем неспешно. Когда показались яркие огни заправочной станции, Палыч бросил:

— Баки уже полупустые, а когда еще случится оказия...

Заправка тоже была пустынна и светла, как весь город вокруг.

Палыч успел воткнуть заправочный пистолет в первый бак и заплатить деньги сонной кассирше, когда на станцию с отчаянным воем ворвался милицейский «козелок» и с визгом затормозил возле нашего микроавтобуса.

Я открыл пассажирскую дверь, но выходить не стал, внимательно наблюдая за ситуацией из темного салона.

К Игорю подошли сразу двое милиционеров. Первый, не доходя двух метров, крикнул:

— Документы! Быстро!

Палыч достал документы левой рукой, не отрывая правой от заправочного пистолета.

— Сюда иди!! — скомандовал все тот же наглый голос.

Палыч покачал головой:

— Ты забыл представиться, командир. Действуй по инструкции и не хамя.

Первый мент от неожиданности замер, зато второй, с автоматом на шее, подошел к Палычу поближе. Развязно покачивая стволом, как эсэсовец в еврейском гетто, он бросил взгляд на наши номера и гневно закричал:

— Ты чё, деревня, охренел в натуре? Здесь тебе не Питер! Это, бля, Москва! Столица, бля, твоей родины!

Я решил вмешаться, пока не случилось непоправимого:

— Эй, орлы! Наша деревня называется Грозный, — сказал я веско, впрочем, не высовываясь наружу из спасительной темноты салона.

Теперь в ступор впал и второй мент — он затравленно шарил глазами по сторонам, но помалкивал.

Из милицейского «козелка» неспешно выбрался упитанный мужик в форме капитана милиции. Он шел к нам походкой блатного гопника, виляя бедрами и раскачивая плечами, а когда еще и пальцы растопырил, моя рука сама легла на приклад помпухи. Снести такой жабе башку картечью — не преступление, а акт гуманизма в любой системе моральных координат. Но я сдержал свои гуманистические позывы, ожидая развязки.

— Я не понял, сержант Цыбуля!.. Почему не стреляем на поражение в нарушителя режима комендантского часа?! — заорал блатной капитан, подходя к своим подчиненным.

Я мысленно ойкнул: «комендантский час»! Вот оно что. Власти избежали погромов в столице, запретив жителям ночные передвижения, а иногородним кардинально ограничив въезд.

Что тут скажешь? Молодцы. Столицу они, судя по витринам и домам, таким образом

действительно обезопасили. За счет провинции.

В салоне за моей спиной зашевелилось нечто большое и грозное, а потом оно выкатилось наружу и оказалось бешеным с пересыпа Васильевым.

— Ты, крыса тыловая... — начал с ходу орать Валера, ухватив одной рукой блатную жабу за воротник форменной куртки и тыча второй рукой раскрытым милицейским удостоверением прямо в морду капитану. — Я, бля, офицер уголовного розыска, проливал в Чечне кровь за всю Россию, а ты, хореk рыночный, мне предъявы тут делаешь?!

Украшенная пластырями и синяками, опухшая от суточного сна морда Васильева и впрямь выглядела ужасающе.

— Да я, бля, тебя тут на месте расстреляю! Как дезертира! Я, бля, контуженый, мне за тебя только лишнюю медаль дадут. «За избавление России от уродов»!

Васильев убрал удостоверение и, не отпуская воротника капитана, вынул пистолет «Иж». Вот ведь как приглянулся человеку этот механизм! А раньше, помню, Ругал он его страшными словами — и то в нем не так, и это не эдак...

— Кранты тебе, падла! Именем российского уголовного розыска! Приговор привести в исполнение немедленно! — в совершеннейшем иступлении заорал Валера во всю глотку, и я вдруг поверил, что он и вправду сейчас пристрелит эту милицeйскую жабу.

На всякий случай я вынул помпу из-под куртки и взвел ее, вполне сознавая, что этот щелчок в ночной тишине услышат все персонажи нашего шоу.

Щелчок услышали, да так, что гнилостный запах переработанной кишечником тушеной капусты сначала почувствовал я, а потом уже чуткий до всякой дряни Палыч. Он как раз уже заправил первый бак и, благоразумно плюнув на второй, аккуратным, но быстрым движением повесил заправочный пистолет на стойку. Потом достал из-за пазухи какую-то бумагу, помахал ею и уверенно сказал:

— Мы выполняем задание государственной важности. Идите вы все на хрен, пердуны дешевые, или вас покарает федеральная служба физической лингвистики!

После этого Палыч сел в кабину и завел мотор, а Васильев с видимым сожалением отпустил воротник капитана, смачно сплюнул на асфальт и неторопливо вернулся в салон.

Я тут же захлопнул дверь микроавтобуса, и Палыч аккуратно вырулил на проспект.

В окно было видно, что менты не двигаются с места, перебрасываясь между собой неслышными нам из салона фразами.

Мы рванули вперед по проспекту, а потом Палыч свернул в боковую улочку, затем еще в одну и, наконец, припарковал машину в каком-то тихом жилом дворе.

— Знаешь, почему они света ночью не жалеют? — повернулся ко мне Игорь. — Чтобы камеры наружного наблюдения работать могли. Они нас, жабы, по камерам выловили, понял?

Вокруг стояли десятки машин, в том числе и микроавтобусы, так что, когда Палыч выключил свет и мотор, мы стали привычной деталью ночного пейзажа столицы.

Глава четырнадцатая

Ночевка в тихом московском дворике благотворно сказалась на моих нервах — спать я уже не мог, но вялая дрема под забытое пение каких-то чижииков напомнила мне, для чего я, собственно, ввязался в эту авантюру.

Я вспомнил, что хочу, чтобы мои дети и близкие жили в таком же тихом, уютном дворике, где можно беззаботно гулять без помпового ружья за пазухой и слушать пение непуганых птиц.

Зато Палыч спал мертвым сном стахановца, выполнившего очередные двадцать пять норм. Он откинулся стриженной головой на белоснежный чехол подголовника, сложил крестом руки на мощной груди и презрительно выставил вперед нижнюю губу, так что стал похож на еще ненаписанную неизвестным художником картину маслом «Сон бюрократа».

— Тошка, смотри... — услышал я шепот за спиной и обернулся в салон, к

проснувшись в очередной раз Валере.

Валера ткнул рукой в правое окно, где быстро поднявшееся солнце высветило каждый листик начинающих уже желтеть московских лип.

— Что там? — спросил я тоже шепотом.

— Да вон же! Смотри, дубина! — замахал руками Васильев, и я увидел, что именно его изумило.

Из распахнутой двери подъезда вышла совсем маленькая, лет пяти, девочка в летнем платьице. В руках она держала пакет с мусором. Пританцовывая и напевая что-то неслышимое нам, она донесла этот пакет до контейнера, бросила и, все так же непринужденно кружась в своем воображаемом танце, потопала домой.

Я тупо смотрел ей вслед, но в глазах у меня стояли совсем другие картинки из недавнего, но ставшего уже привычным жестокого петербургского бытия. И в том мире пятилетние российские девочки без надежной охраны жили на улице не дольше пары минут.

Здесь, в столице, все было иначе, и оживающий на глазах утренний двор подтверждал это каждым последующим мгновением. Вот вышла женщина в строгом деловом костюме — одна, без сопровождения в виде трех вооруженных рыл, — открыла дверь дорогой иномарки, завела машину и, небрежно выруливая одной рукой, а второй придерживая возле уха мобильный телефон, проехала мимо нас к проспекту.

Следом появился пожилой мужчина в шортах и футболке, откровенно безоружный, но ничуть от этого не смущающийся. Он выкатил во двор велосипед из новомодных, недешевых, моделей, ловко запрыгнул на него и бодро покатил со двора.

Потом народ повалил валом — развязные юноши, озабоченные женщины, задумчивые девушки, солидные мужчины. Обычная, вообще говоря, городская публика, которую сейчас объединяло одно — демонстративная, возмутительная, безалаберная неготовность к отпору. Мы втроем легко бы захватили этот дом со всеми его обитателями, если бы наш бизнес заключался в мародерстве или киднеппинге.

— Живут же люди! — завистливо протянул Васильев и продолжил с неожиданным ожесточением: — Им бы, бля, всего недельку на Петроградской стороне продержаться — глядишь, людьми бы стали. С ноги по паре гоблинов за раз бы выключали...

Я подумал, что, судя по практике, все выглядело бы ровно наоборот, но разубеждать Валеру не стал. Я сощурился на настойчивое, зовущее утреннее солнышко и слегка толкнул в плечо спящего Палыча.

— Вставайте, граф, рассвет уже полощется, — вспомнил я неожиданные и совершенно чужие сейчас строчки.

— Вставайте, граф, уже друзья с мультуками коней седлают около крыльца. Уж горожане радостными звуками готовы в вас приветствовать отца! — услышал я торопливый и радостный шепот сзади. А потом Васильева, что называется, разобрало, и он загорланил во весь голос, как всегда мимо нот, зато громко и искренне: — Не хмурьте лоб, коль было согрешение! То будет время обо всем забыть! Вставайте, мир ждет вашего решения! Быть иль не быть, любить иль не любить!..

Меня вдруг тоже захватил этот странный, завораживающий ритм, эти чудные, но такие близкие и понятные слова, и я тоже начал орать вместе с Валерой, так громко, как только мог:

— И граф встает, ладонью бьет будильник. Берет гантели, смотрит на дома. И безнадежно лезет в холодильник, а там зима, пустынная зима...

Про пустынную зиму нам пришлось орать дважды, потому что мы забыли следующий куплет.

Наш дуэт пробудил Палыча. Поначалу он метнул в нас тяжелый взгляд из-под нахмуренных бровей, а потом вдруг тоже заорал с таким воодушевлением, которого я никогда у него не видал:

— И продают на перекрестках сливы, и обтекает постовых народ. Шагает граф, он хочет быть счастливым.

И он не хочет, чтоб наоборот!..

Мимо нас прошла пожилая женщина в оранжевом комбинезоне и с метлой в руке. Прошла, но потом вернулась, наклонилась к водительскому окну и оглядела нас всех теплыми и влажными глазами:

— Вы два куплета пропустили, молодые люди! Как можно в таких песнях куплеты пропускать!

Она не уходила, ожидая ответа, и Палыч виновато сказал:

— Прости, мать, больше не повторится!

— Смотрите у меня! — улыбнулась она и отправилась подметать двор, негромко напевая нам Визбора с самого первого куплета.

Мы еще несколько минут послушали, как она поет, опустив все окна, потому что утреннее солнце принесло в город не только свет, но и неожиданную в сентябре жару.

Потом Палыч завел мотор, недовольно повел носом и сказал:

— Помыться бы надо. Провоняли тут, как бомжи последние...

Валера тут же отозвался из салона:

— Кто о чем, а вшивый о бане! Жрать охота!

Палыч презрительно хмыкнул, но промолчал, а я примирительно бросил обоим:

— Поехали жрать, заодно и помоемся. Только поближе к офису этих «Телехрониклов».

Мы медленно проехали по дворику, аккуратно огибая беззаботных прохожих, и выбрались на проспект, немедленно оглушивший нас плотным гулом моторов, клаксонов и взвинченных голосов.

Машины двигались в пробке, ни начала, ни конца которой видно не было.

Палыч смог влиться в поток лишь с третьей попытки, бесцеремонно отжав напояженного мужика в красном спортивном кабриолете. Теперь этот красавчик в бессильной ярости газовал позади нас. Иногда он показывал нам «фак», и я с трудом сдерживался, чтобы не показать в ответ свою помпу.

Пробка двигалась рывками, причем иногда машинам удавалось разогнаться аж до сорока кэ-мэ в час, и в эти редкие моменты водители предпринимали отчаянные попытки перестроиться на наиболее выигрышные полосы движения. Видно было, что эта идиотская борьба здорово изматывает, и через полчаса Валера предложил Палычу поменяться местами.

— Давай, — согласился Палыч, протирая красные от недосыпа глаза. — У тебя к тому же ксива действующая...

Мы находились в стоящем потоке, упершимся в очередной светофор, безнадежно светивший красным вот уже минут десять, и, когда Валера открыл пассажирскую дверь, выбираясь наружу, стал слышен нервный радиокомментарий из соседней машины:

— ...войска Московского военного округа. Ситуация остается напряженной, и мы попросили прокомментировать ее заместителя начальника милиции общественной безопасности Геннадия Панфилова. «Я уверен, что силы правопорядка и впредь будут успешно контролировать ситуацию городских границ. Да, на западе и особенно на юго-западе сейчас скопилось довольно много агрессивно настроенных граждан, по нашим оценкам, свыше четырехсот тысяч человек, но мы в состоянии удержать этих людей от неоправданных или преступных действий в отношении москвичей и их имущества. Сейчас в парламенте страны разрабатывается законопроект, разрешающий применять оружие в отношении некоторых категорий граждан, в частности тех, кто практикует насилие в отношении представителей госслужащих категории «А». Надеюсь, этот проект станет законом в течение ближайших месяцев». Вы прослушали последние новости, удачи вам!

Заиграла бодрая музыка, но потом в салон забрался Палыч и закрыл дверь.

Я попросил Валеру, усевшегося на водительском сиденье, включить радио, но вмешался Игорь — оказывается, у нас накануне отломалась антенна, а починить ее было недосуг.

— Надо купить приемник, — согласился Валера. — Вон, комендантский час в Москве уже профукали. Мало ли что еще придумают.

— Какие еще будут претензии? — вскипел вдруг Палыч, привстав с задних сидений, где уже было улегся почитать. — Может, мне еще телевизор надо было в салон установить для вашего комфорта?!

Я подумал, что телевизор нам тоже не помешал бы, но вслух говорить этого не стал. Валера тоже промолчал, зато газанул так, что нас подбросило и пронесло метров на двадцать. Микроавтобус едва не вошел в багажник какой-то навороченной иномарки — Васильев сумел затормозить буквально в сантиметрах от лакированной поверхности чего-то совершенно неземного в своей фешенебельности.

У машины впереди хлопнула дверь, и на дорогу вышел тощий волосатый очкарик, похожий на студента, в обтягивающей рубашке и таких же облегающих джинсах.

Студент придирчиво осмотрел свою машину и подошел к Валере:

— Вы что, гражданин, себе позволяете? — Он укоризненно покачал волосатой гривой. — Чуть не поцарапали меня, пассажирку мою напугали... Разве можно так себя вести!

Валера молчал, для надежности еще и отвернувшись в сторону. Из салона я видел, как шевелятся его губы, и понимал, чего ему стоит это молчание.

Студент бросил взгляд на наш «форд», задержавшись на изображении медведей на левом борту:

— Эх вы, косолапые! В следующий раз ведите себя на дорогах аккуратнее, — приказал он на прощание и, вихля бедрами, поспешил к себе в машину.

Дальше у Валеры дело пошло на лад, и всего минут за двадцать мы проехали три квартала, отделявшие нас от офиса российского представительства «Телехроникл».

Мы ехали молча и думали, видимо, об одном — что будут делать все эти вежливые мальчишки и девочки, когда остервенелая орда двуногих животных войдет в Москву...

— Приехали! — заорал в салон Васильев, припарковав машину неподалеку от огромного стеклянного куба, в котором, судя по карте, должен был находиться офис бережливых коммерсантов, затеявших вывоз своего элистинского филиала в самый разгар Великой Российской Смуты.

Игорь, кряхтя и постанывая, послушно сполз с сидений и побрел к выходу, держа в одной руке папку с документами, а другой вытирая носовым платком потную и мятую со сна физиономию.

Он вернулся через пару минут, заходясь от ярости:

— Жабы беспредметные! Крысы безнадзорные! Упыри кабинетные!

— Нет, что ли, никого? — спросил Валера.

— Ну да, рано приехали, — неожиданно спокойно ответил Палыч, пробираясь к своему спальному месту. — Пидарасы, а не люди!.. — бормотал он, ворочаясь на креслах.

В боковое окно я вдруг увидел два камуфляжных силуэта и привычно напрягся, когда они двинулись в моем направлении.

— Валера! — предупредил я, но Васильев лишь фыркнул в ответ:

— Не дергайся, я все сделаю...

Двое охранников подошли к водительскому окну, и один, тот, что постарше и поморщистее, приложил руку к несуществующему козырьку:

— День добрый, господа! Здесь стоять не положено, проезжайте.

— Крбннмнвкнов сказал — здесь ждать. — Васильев небрежно махнул удостоверением.

— Кто сказал? — переспросил охранник.

— Ты чего, глухой? Генерал Крбннмнвкнов, Андрей Брнтсвкович, — процедил Валера, смерив собеседника снисходительным взглядом.

— А-а, тогда ладно...

Охранник тут же развернулся и направился куда-то в сторону стеклянного куба. За ним засеменил напарник, что-то возбужденно выпрашивая на ходу.

— А зачем ты его разводил? Тренировался, что ли? — спросил я, пересев поближе к водительскому месту, чтобы не мешать болтовней уснувшему Палычу.

— Ну-у, понимаешь... — протянул Валера. — Во-первых, здесь стоять безопасно — никто уже не докопается, ни менты, ни частные охранники. Во-вторых, можно будет пожрать сходить, а машина как бы под присмотром. Кстати, пошли уже, пожрем наконец. У тебя деньги есть?

Я помотал головой и подошел к Палычу. В ответ на предложение сходить подкрепиться тот ответил, как пишут в протоколах, «нецензурной бранью, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность». Тогда я потребовал денег, и Палыч, повозившись в карманах, но так и не раскрыв глаза, протянул мне купюру в сто долларов.

Когда я уже выбирался из салона, я услышал тревожный возглас вслед:

— Сдачу, суки, верните! Только попробуйте всю сотку пропить!

Я сделал вид, что не услышал, и захлопнул дверь.

Времени было часов десять, и солнце жарило уже всерьез. Вскоре я пожалел, что не разоружился и не снял куртку, хоть и легкую, но сейчас совершенно лишнюю.

Впрочем, возвращаться было лень, и мы упрямо тащились с Валерой по манерным московским тротуарам, которые, как я где-то читал, мыли специальным шампунем, включающим поверхностно-активные вещества, антиобледенитель и даже средство от собачьих блох.

На ближайшей улице не нашлось ничего похожего на обменный пункт, и, когда Валера спросил у прохожего, где можно поменять валюту, тот махнул рукой куда-то в сторону, и мы пошли сквозь дворы к невнятному ориентиру «вон за тем дурацким фиолетовым домом направо».

Ровно посреди очередного аккуратного дворик. Валера вдруг замедлил шаг и показал мне глазами на барсетку, небрежно брошенную возле цветочной клумбы.

Я улыбнулся Валере и кивнул — почему нет? Опять же валютник искать не понадобится...

Валера тоже ухмыльнулся и подобрал барсетку, бросив пару насмешливых взглядов по сторонам.

Мы прошли всего метров десять, когда возле нас появился молодой человек в кожаной жилетке и зловещих рокерских штанах с черепами.

Молодой человек взял Валеру за локоть и торопливо зашебетал:

— Я видел! Вы взяли! Кошелек! Делим пополам! Согласны? Пойдемте вон туда.

Молодой человек дергал Валеру за локоть, пока я не отодвинул его в сторону и не плюнул ему для пущей ясности на «казаки» из змеиной кожи:

— Слышь ты, жаба! Пшел на хрен! Деньги наши, а ты — гуляй мимо!

Мы двинулись дальше, а бойкий рокер забегал то впереди, то справа, и все ныл, что надо бы сосчитать, сколько денег в барсетке, и честно, «по-пацански» их поделить.

Это было такое древнее жульничество, что мне было неловко за столицу — неужели кто-то еще попадаетеся?

Мы с Валерой просто шли и радовались, что не придется менять сотку, — не знаю, как в Москве, а в Питере жулики всегда укладывали в свои ловушки не меньше трех тысяч рублей, так что теперь мы просто искали глазами кафе или недорогой ресторан.

Конечно, в финале жульничества должны появиться Ужасные Владельцы Барсетки, но я заранее улыбался, представляя их реакцию на нормальный человеческий отпор, на который, похоже, москвичи и гости столицы уже неспособны.

Ну, по Дарвину — раз это работает, значит, никто не возражает, не так ли?

Ужасные Владельцы Барсетки появились в арке перед выходом со двора. Это оказались еще трое таких же неубедительных молодых человека, устрашающе бритых сверху и потрясающе грязных снизу, в районе ботинок и штанов.

Они тараном бежали на нас, выкрикивая полагающиеся по ходу пьесы слова:

— Эй ты, фраер, стой! Ты наши деньги взял, чмо! Выворачивай карманы! Стой, бля!!

Мы встретились с ними у самой арки, и, пока Валера стряхивал со своего локтя первого юношу, я поднырнул под руку второму, неожиданно легко взяв ее на болевой прием. Судя по

лицам и комментариям, молодые люди догадались, что сегодня их постиг жестокий облом, — мой противник заныл, что я ломаю ему руку, и я отпустил его, а оппонент Валеры сел на корточки и закрыл голову руками.

Мы пошли дальше, но успели сделать лишь по шагу, когда сзади раздались щелчки взводимых одновременно затворов и злобные выкрики:

— Стоять, суки!!

Обернувшись, я осознал, как мы сглупили, — все трое теперь держали в руках пистолеты какой-то незнакомой марки и, судя по свирепым лицам, так просто отпустить нас не собирались.

— Барсетку сюда, быстро! — приказал Валере самый рослый гопник, и тот предупредительно поднял руки, соглашаясь расстаться с добычей.

— Да бери, только не нервничай так... — Валера достал барсетку из-за пазухи и бросил ее главному гопнику под ноги.

Тот сразу наступил на сумку, но пистолет не опустил.

— А теперь выворачиваем карманы, суки! — заорал он, но Валера отрицательно покачал головой:

— С чего вдруг? — и гопник тут же выстрелил.

Я не поверил глазам, когда прямым попаданием в живот Валерку отбросило к стене. Чужой взорвался в моей голове так быстро, что я не успел даже зажмуриться, — кроваво-черный сгусток злобы упрямо пробивался сквозь мой череп наружу, сочился из-за плотно сжатых зубов и проступал ярко-красными пятнами даже через кожу вспотевших от ярости рук...

Время остановилось, и я спокойно прошел те три шага, что отделяли меня от стрелявшего. Никто не двигался, замерев в тех же позах, в каких застал их выстрел, и я тоже не спешил, вытаскивая помпу.

Мне пришлось двинуть гопнику в пах ногой, потому что он оказался слишком высоким для меня парнем, и, только когда он согнулся, раскрыв в изумлении пасть, мне удалось вставить туда дуло помпы. Я нажал на курок, но помпа оказалась не взведена — только звонкий щелчок эхом заметался между стенками проходного двора.

Я взвел помпу, зарывав от нетерпения, но сзади до меня донесся протестующий крик Валеры:

— Тошка, он мне прямо в «Ижа» попал! У них травматика, а не боевое.

Я обернулся: Валера стоял, потирая ушибленный живот, и показывал мне свой пистолет. В распахнутой рубашке маячило трудовое пузо Валерки с багровеющим на глазах синяком в форме пистолета.

Чужой в моей голове стал быстро скукоживаться, уменьшаясь в размерах и уже почти не пульсируя, а время вернулось к своему привычному ритму.

Гопники неуверенно переглядывались, не решаясь пошевелиться, и позволили Валерке забрать у них пистолеты — действительно травматика, как я успел заметить.

Я тоже успокоился, аккуратно извлек помпу из пасти предводителя, и тот сразу зашелся в приступе кашля, который быстро перешел в рвоту.

Валера брезгливо покосился на заходящегося уже в нервной истерике парня и пнул барсетку к ближайшему гопнику:

— Доставай, что там.

Там оказалась не «кукла», а совершенно реальная «котлета» из сотенных и пятисотенных купюр.

— Фальшивые? — спросил Валера.

— Н-настоящие, — ответил грабитель.

Валера по-хозяйски протянул руку, продолжая брезгливо морщиться.

— Тошка, пошли отсюда, здесь воняет, — сказал он, и мы пошли, потому что там действительно воняло...

У нас за спиной застучали каблуки. Повернув головы, мы увидели, как трое

мошенников, оставив предводителя страдать на асфальте, метнулись со двора.

Это было так трогательно. Примерно так же выглядит в документальном фильме про Африку финал неудачной атаки львиного прайда на каких-нибудь излишне быстроногих антилоп. Травоядных в этом случае тоже жалеешь, но ведь и львов жалко — такие усталые и голодные возвращаются они с неудачной охоты, хоть плачь.

Хотя сравнивать человеческих ублюдков со львами, конечно, не стоило — ублюдки, как и их собратья из животного мира, кормятся за счет самых слабых и больных, но когда речь идет о людях, понимаешь, что тут социальный дарвинизм работать не должен. И пусть ублюдки сдохнут от голода — прости нас, уважаемая эволюция! Прости, что помешали устроить тебе естественный отбор среди московских джунглей...

На выходе из арки обнаружилось недорогое, без столичных претензий кафе, и мы с Валерой устроились там с комфортом, заняв угловой диванчик с видом на входную дверь и стеклянную витрину, через которую хорошо было видно улицу и парковку рядом.

Заказ на обед принимал молодой, но вежливый таджик, на шее которого болталась флеш-карта популярной корейской фирмы.

Валера, сделав заказ, подмигнул мне и с деланным недоумением спросил:

— А что это у тебя на шее висит, приятель?

— Ты что, не знаешь? — удивился юноша, высоко поднимая черные брови. — Это сейчас очень модный штука! Хочешь, продам такой?

— А на сколько гигабайт? — приценился Валера.

— Какой еще гигабайт-шмаротайт?! — сердито ответил официант. — Есть штука зеленый, красный и синий. Любой по две тысячи рублей. Берешь?

— Не, я хотел перламутровый и с пуговицами, — отмахнулся Васильев, и официант ушел, смерив его презрительным взглядом.

Потом мы отправились мыть руки, и только там, в туалете, тщательно рассматривая свой синяк на пузе и страдальчески морщась, Валерка вдруг спросил:

— Ты что, реально собирался ему башку сносить?

Я кивнул, и Валерка задумчиво сказал:

— Думаю, не стоило — я там сразу две наружные камеры видел. Мои коллеги квалифицировали бы это как превышение мер самообороны.

Я пожал плечами и ушел в кабинку — после пережитых волнений полагалось как следует успокоиться.

Мы прообедали в той кафешке не меньше двух часов, совершенно разомлев от тамошней теплой человеческой обстановки, а потом заказали с собой контейнер с пирожками для Палыча и наконец отправились восвояси, уложившись в итоге всего в тысячу рублей — по столичным меркам практически даром.

Игоря даже будить не пришлось — он сидел в кресле водителя и возился с приемником, пытался починить антенну. Совесть, видно, заела, или скучно стало.

Таращить глаза на сотку долларов и четыре тысячи рублей в придачу он не стал — только спросил небрежно:

— Грабанули кого, что ли? На минуту вас нельзя одних оставить!

Валера начал было рассказывать про нашу стычку с лохотронщиками, распахнул рубаху, тыча в сиреневое пузо, но Палыч, равнодушно взглянув на синяк, отмахнулся:

— Коммерсантов наших пора высвистывать. Прискакали уже небось.

Он быстро дожевал пирожок и достал телефон:

— Геннадий Иванович? Да, мы приехали. У входа в бизнес-центр. Куда нам идти?.. Машина — микроавтобус, «форд». С медведями... Нет, не «Единая Россия». Да нет, гризли канадские, большие такие. Три гризли с каждой стороны, на фоне камуфляжа...

Выслушав ответ, Палыч опустил трубу и озабоченно сказал:

— Сам сейчас подойдет. К чему бы это?..

Я лично догадался к чему, когда увидел выходящего из парадного подъезда невысокого мужчину в строгом деловом костюме, тщательно вычищенных туфлях и с небольшим, но

увесистым кейсом в руке. Мужчина подошел к нашей машине, покосился на косолапых мишек и одним движением свободной руки открыл пассажирскую дверь салона.

— Добрый день! — сказал он, по-хозяйски усаживаясь в кресло рядом со мной. — Вы Игорь Минин?

— Нет, — ответил я, откровенно его разглядывая. — Меня зовут Антон Пожарский.

— Ха-ха-ха, — с каменным лицом посмеялся наш гость, но Палыч не стал его дальше дразнить и повернулся с водительского сиденья.

— Минин — это я. А груз — вон там, в ящиках у задней двери. Осматривайте и подписывайте протокол приложений. И печать не забудьте. — Палыч протянул клерку бумаги, и тот, к нашему удивлению, тут же начал их подписывать, а потом вытащил из кармана пиджака печать и начал прикладывать ее всюду, где полагалось.

— А груз? — удивился я. — Мы сюда, в Москву, двое суток пробивались, чтоб вы могли груз осмотреть, а могли бы просто город объехать, не заморачиваясь.

— Я вам доверяю, — спокойно улыбнулся этот непробиваемый гражданин и, подписав последнюю бумагу, положил руки на свой чемоданчик, задумчиво разглядывая всех нас по очереди. — Я вам доверяю, — повторил он. — Поэтому у меня будет к вам деликатная просьба. В Москве сейчас крайне сложной стала ситуация с отправкой личных ценностей за рубеж. Просто невозможная ситуация, я бы сказал. Поэтому я хочу попросить вас передать этот ручной сейф одному человеку в Волгограде. Вот его телефон — позвоните, и он вас встретит.

— Нах, — быстро сказал Васильев, презрительно оттопырив нижнюю губу в сторону гостя. — Еще мы будем всяким мародерам содействие оказывать. Награбил тут, сыч, и смыться намылился?

Человек окаменел лицом, повернулся к Васильеву и негромко, но веско сказал:

— Я никого не грабил и мародеров сам ненавижу. Тебе, кретину, этого не понять. В кейсе документы. Важные документы и образцы продукции, понятно?

— Конечно-конечно, важные образцы, — с откровенной усмешкой отозвался Палыч, протянув руку со своего места и быстро забирая оформленные бумаги из рук нашего гостя.

— А за кретина я тебе сейчас челюсть сломаю, — радостно сказал Валера и снял очки, перекладывая их во внутренний карман куртки.

— Не пыли, пехота! — остановил его Палыч. — Вы, Геннадий Иванович, понимаете, насколько усложняете нам задачу по доставке основного груза?.. Ведь нам предстоит пройти десятки КПП, досмотры, обыски. Вот найдут эти ваши... хм... образцы продукции, и что дальше? Нас же обвинят в мародерстве уже на выезде из Москвы!

— Чушь! — Геннадий Иванович непроизвольно дернул холеной щекой. — К кейсу вы получите нотариально заверенную опись содержимого и накладную, оформленную на вашу фирму. Вы просто получили еще один заказ на доставку, вот и все. Совершенно официальный заказ.

— Ну, а деньги? — спросил я о сокровенном, немедленно вспомнив о сложном финансовом положении дочки и, супруги на Лазурном берегу.

Клерк помедлил, снова оглядывая нас по очереди, задержался на Валере, так и не вернувшем очки на место, и, осторожно взвешивая слова, сказал:

— Когда мой человек в Волгограде получит груз и проверит его сохранность, он выдаст каждому из вас по тысяче долларов...

— Нах! — с презрением выдохнули мы хором, а Валера еще и отворил дверь салона, приглашающе махнув ручкой.

Геннадий Иванович заиграл желваками — видимо, в таком тоне с ним давно не разговаривали. Обращаясь уже только к Палычу, он спросил:

— Хорошо, за какие деньги вы возьметесь?

— Пять тысяч каждому. Сейчас и наличными.

— И не долларов, а евро, — мстительно добавил Васильев, протирая очки об рукава куртки.

Геннадий Иванович скривил было рот, но удержался от ругани и после небольшой паузы сказал, опять обращаясь исключительно к Палычу:

— Полковник поручился за вас. Так что спрашивать, если что, мои люди будут не только с вас, но и с полковника. А уж как он с вами разберется, меня не касается...

— Пойдемте, вам еще надо забрать коробку с документами. Это то, что вам полагается отвезти официально в Элисту. — Клерк встал со своего места, и я с изумлением понял, что он принял наши безумные условия.

Палыч ушел вслед за заказчиком, а мы с Валерой некоторое время смотрели друг на друга с некоторой неловкостью во взглядах.

— Тебя что смущает? — наконец спросил я.

— А тебя?

Я пожал плечами:

— Ну, содержимое кейса. Может, он и впрямь мародер.

— Это верно, — усмехнулся Валера, — он мародер.

— Только не в том смысле, в каком ты думаешь. Эти ценности, что у него в чемодане, он напрямую из чужих квартир, конечно, не тырил. Он все это как бы заработал. Пролетариев грабил, короче. А теперь просто хочет увезти из Москвы награбленное. Мне вдруг стало смешно:

— Ну и чего ты тогда согласился ему помогать, коммунист хренов?

— А ты? — опять спросил меня Валера.

— А мне сейчас всё по фигу, — весело ответил я. — Для меня сейчас главное — денег надыбать, чтоб Ленка с Лизкой подольше во Франции задержались.

— Так и мне тоже, — кивнул Васильев, скупно улыбнувшись. — Своя рубашка ближе к телу.

Мы помолчали, рассматривая сквозь открытые окна микроавтобуса беззаботных москвичей за столиками уличного кафе — оказывается, оно работало совсем рядом, через дорогу. Потом я открыл пассажирскую Дверь, чтобы в салоне стало посвежее, и до нас тут же Донеслись взрывы детского смеха уже с другой стороны, где в скверике напротив располагалась игровая площадка.

Я вспомнил пустые, словно выжженные напалмом питерские дворы, по которым торопливыми перебежками, группами не меньше чем человек по десять, передвигаются сейчас аборигены, и подумал, что вполне понимаю, что такое классовая ненависть. Это когда ненавидишь других людей только за то, что они существуют, и только потому, что им совершенно случайно повезло оказаться среди победителей. Они, эти высшие классы, ничего подобного не заслужили ни своим трудом, ничуть не более интенсивным, чем у прочих, ни своими деловыми качествами, тоже вполне обычными, ни талантами, которые у них, конечно, могут быть, но гораздо чаще талант им заменяют наглость и пронырливость. Им просто повезло оказаться в нужное время в нужном месте.

Вот эти, что хихикают сейчас за столиками напротив, родились в семье потомственных федеральных чиновников и получили свой достаток «по наследству», а вон те, видом пожиже, еще рассчитывают хапнуть кусок пожирнее, когда в коридорах власти освободится «взяткоёмкое» место. Всем этим людям плевать на свой город и тем более — на страну. Приоритеты давно расставлены, и среди них нет ничего из того, о чем вспоминают романтики, когда их наконец ставят к стенке.

Так, может, пусть их?... Пусть всех — и тех, и этих, — поставят к одной стенке и заставят подумать о чем-то большем, чем двухдверный спорткар и вилла на Рублевке. Похоже, прав был Кутузов — чтобы спасти Россию, надо сначала сжечь Москву. Так пусть она горит — раньше начнется, быстрее закончится!..

Потом я подумал, что сам, между прочим, бьюсь сейчас за деньги, которые позволят семье пересидеть Смуту в комфортабельном отеле на Лазурном берегу, что совершенно однозначно роднит меня с этими гламурными жабами.

После обдумывания этой позорной мысли я отвернулся от москвичей и стал смотреть

на Васильева — это было приятнее.

Васильев перехватил мой взгляд и задумчиво сказал:

— А давай-ка мы выпьем, Тошка? Что-то мне взгрустнулось

Он достал из какой-то неприметной сумки, валявшейся в салоне, фляжку коньяка и с гордостью показал на этикетку:

— Фирма!..

Я ничего не понял в этой этикетке, но приложился к горлышку фляги с большим облегчением.

Мы успели хлебнуть по два раза, когда в салон ввалился Палыч с пакетом денег в одной руке и знакомым уже чемоданчиком-сейфом в другой.

— Ах ты, скотина, — начал укорять Васильева Палыч, поведя чутким носом по сторонам. — Нажрался, сволочь, чтобы я, значит, опять за руль сядил!

— Блин, да я забыл совсем! — Валера в расстройстве хлопнул себя по лбу.

Впрочем, Палыч больше никак не выказал своего огорчения. Он уселся на свое привычное водительское место и сказал:

— Короче, едем в банк, скидывать наличность в виртуальный мир. Тошка, я свою долю тоже на Ленкину карту скину, договорились?

Я пожал плечами:

— Это даже хорошо. Ужо я на тебе оторвусь на Лазурном берегу. Ты у меня, ежик стриженный, за каждый трюфель занюханный стихи будешь мне читать, с выражением. А иначе фиг тебе, а не деньги!

Палыч завел машину и бросил сквозь зубы:

— Нам главное до этого Лазурного берега добраться. А там уже можно будет и стихи читать, и песни петь, и даже хип-хоп танцевать.

— А какие у твоего хип-хопа правила движения? — вдруг озаботился Васильев, уставив на Игоря свою уже неожиданно пьяную физиономию. — Я ведь танцевать по-модному ни хера не умею.

— Правило движения у нас будет простое, — тут же откликнулся Палыч, аккуратно выворачивая машину на проспект через пешеходный переход, полный беззаботных столичных прохожих. — Едем туда, куда следует, и по возможности не давим попадающихся нам на пути людей. Ну а если давим, то извиняемся. Но все равно едем дальше! Правило понятно?!

— Мне — понятно, — отозвался Васильев, теперь уже пристально разглядывая меня. — А вот Тошке непонятно. Он людей точно давить будет — видишь, лицо какое недоброе. Злой он у нас, Палыч. Что делать будем?

— Значит, Тошка будет давить, а мы — извиняться, — подвел итоги Палыч, разгоняясь по неожиданно свободному проспекту.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава пятнадцатая

Выезжать из Москвы решили тем же неформальным способом, что и въезжали, — Палыч резонно рассудил, что от добра добра не ищут. А еще мы вспомнили про три автомата Калашникова, отобранные у милицейских оборотней на московской трассе. Автоматы так и лежали в багажном отделении, небрежно завернутые в брезент, и при неверном развитии событий могли стать реальным поводом для ареста. Бросать же такое славное оружие рука не поднималась — днем я все-таки купил автомобильный телевизор, поэтому о том, что ждет нас южнее Москвы, у нас уже имелось вполне отчетливое представление.

Пока Палыч созванивался с логистиком Василием, а потом аккуратно проталкивал микроавтобус через бесконечную череду столичных пробок на юго-восток, мы с Валерой

неотрывно таращились в телевизор. Федеральные каналы новостями не баловали, а если новости и появлялись, то, в основном, зарубежные. Впрочем, сюжет про ночные беспорядки в Париже я посмотрел внимательно и еще потом выслушал комментарий Васильева — тот заявил, что увидел на лицах французских полицейских неподдельную решительность и это его успокаивает.

Что он там мог увидеть на экранчике размером в пять дюймов, я не понял, но успокоительные речи никогда не бывают лишними...

Потом на одном из дециметровых каналов мы увидели окончание любопытного репортажа — правительство Москвы организовало для целой коды журналистов экскурсию за Кольцевую автодорогу, каким-то чудом доставив в аэропорт Домодедово и обратно сразу три автобуса борзописцев и телеоператоров. Судя по опасливо-восторженным лицам журналистской братии, они испытали от этого приключения сильные эмоции, но в самом репортаже событие преподносилось как рядовая поездка. Тоненькая девушка с огромным микрофоном в руках храбро зачитала в камеру текст про «бессмысленные и лживые слухи о толпах мародеров, окруживших столицу по всему периметру».

— За моей спиной вы можете видеть пассажиров аэропорта, которые спокойно садятся в комфортабельные пассажирские автобусы, чтобы уже через тридцать минут оказаться в Москве. Мы свидетельствуем: Подмосковье под контролем властей, здесь все спокойно...

За спиной у девушки действительно стоял пассажирский автобус, но когда он поехал, камера успела зацепить в кадр две бронемшины сопровождения и необъятной длины забор из мешков с песком, выложенных с обеих сторон шоссе.

Заканчивался репортаж нарезкой из благостных солнечных картинок — люди безмятежно загорают прямо на газонах перед зданием аэропорта (на крыше были отчетливо видны силуэты грубо сваренных пулеметных кабинок), в поле бесстрашно работает одинокий трактор (мне показалось, он вытаскивал застрявший в канаве джип), телерепортер с косичкой а-ля Стивен Сигал берет интервью у чистенькой девочки с букетиком полевых цветов в сжатом от волнения кулачке (в шаге от девочки, спиной к камере, стоит рослый мужчина в темном костюме и напряженно смотрит по сторонам).

Нам с Валерой быстро надоело глазеть в прыгающий от тряски экран — начинали слезиться и даже болеть глаза. Поэтому я выключил дьявольский ящик и стал смотреть в окно, на какие-то нереальные в своей наглости огни магазинных витрин и рекламных стендов.

— Ну, что там в мире делается? — заинтересованно спросил со своего места Палыч.

— Все под контролем властей, — откликнулись мы с Валерой хором, не сговариваясь.

На встречу жизнерадостный логистик Василий явился не один. У знакомой уже просеки микроавтобус поджидали две фигуры — одна, в примелькавшемся ватнике, накинутом на тельняшку, нас не взволновала, но вот высокий и грузный мужчина в строгом костюме насторожил не только Палыча.

Васильев вдруг потребовал остановить машину, не доезжая до подозрительной парочки метров пятидесяти, и отправился на встречу пешком. В сгущающихся сумерках мы видели, как Валера проверил документы у напарника Василия и несколько минут с ним разговаривал. Потом Валера обернулся к нам и махнул рукой.

Высокий и грузный мужчина в костюме оказался тестем Василия, и логистик весь издергался, уговаривая Палыча пойти на сделку — вместо оплаты стандартной таксы в тысячу долларов за проводку в обход милицейских кордонов мы доставляем тестя к теще в Волгоград.

— Да нафига он нам сдался? — недоумевал Игорь, с недоумением и недоверием разглядывая бесстрастное лицо пожилого гражданина, молча ожидающего завершения переговоров.

— Олег Меерович Аронович, между прочим, известнейший врач. На «скорой» сорок лет отработал. Вам же по дороге. Подумаешь, одно кресло займет! Зато вы врача в дорогу получите! Мало ли что случится, а у вас уже врач тут как тут, — уговаривал логистик, едва

не разрывая на груди грязную тельняшку.

Мне тоже не хотелось брать в дорогу незнакомого мужика, хоть бы и врача, и дело было даже не в лишнем весе или месте в салоне — в своих друзьях я был уверен на все сто, а что за фокус выкинет этот дедок, случись в дороге очередное приключение, знает только он.

— Короче, если не согласны, я вас проводить отказываюсь за любые деньги, — поставил точку Василий.

Он демонстративно отошел от машины метров на пять, увлекая с собой и деда.

Мы трое стояли возле «форда» и растерянно смотрели на друг на друга.

— Блин, придется соглашаться, — развел руками Палыч.

Мы с Валерой пожали плечами, принимая это решение как неизбежное, но минимальное зло.

— Ладно, поехали, — буркнул Игорь в сторону Василия, и тот вернулся к машине почти бегом, радостно подгоняя деда и буквально заталкивая того в салон микроавтобуса.

Мы тоже вернулись в салон, а Палыч и Василий заняли привычные места в водительской кабине.

Дед уселся в самом конце, возле ящиков, и, прислонив седую голову к окну, спокойно задремал, так и не сказав нам ни единого слова. Обиделся, видимо, на неласковый прием.

Зато Василий, едва Палыч тронул «форд» с места, начал, как и в прошлый раз, трендеть без умолку — никакого радио не надо:

— Слыхали, вчера в Москве прошел марш «Десяти тысяч»? Ну, эти, самые либеральные либералы, самые демократические демократы.

— Дайте мне сто тысяч, и я проведу вам марш десяти тысяч, — откликнулся Васильев.

— Чего хотели? — с вялым интересом спросил Палыч, глядя в полутьму лесной дороги.

— Как чего? Чтоб, значит, правительство соблюдало права мародеров. А то военные, понимаешь, повадились в последнее время их по-тихому отстреливать — приезжает, значит, взвод солдатиков на место погрома в какой-нибудь Рязани, делает залп-другой, а потом смывается, как будто не было никого. А в телекамеры все затем руками разводят — не мы, дескать, наши в казармах спали мертвым сном, сами видите — до сих пор храпят.

— Хороший метод, — одобрил Васильев. — Только ведь там свидетели, наверное, остаются.

— Не, свидетелей теперь не оставляют, — успокоил Василий. — После тамбовской истории военные всем раненым контрольные в голову делают, причем из «левого» оружия.

— А что за история?

— Да вы из деревни, что ли, приехали, орлы? — удивился Василий. — Месяца полтора назад в Тамбове погромщики городскую больницу разобрали на запчасти — наркотики искали и все прочее... Туда роту десантуры направили, срочников. Ну те, молодые, глупые, не сдержались — отстрелялись по живой цели от души. Так потом эту роту в полном составе в городской СИЗО этапировали, а показания против них уцелевшие наркоманы давали. Трибунал был, впяли солдатикам от семи до пятнадцати, все аж вздрогнули, когда по телевизору показали. Зато прогрессивная европейская общественность потом очень наше правительство хвалила — дескать, гуманизм у вас цветет и пахнет, не то что в Америке.

— А чего в Америке?

— А в Америке негров линчуют, — отмахнулся Василий.

— Как — опять?! — поразился я.

— Ну, не всех, наверное, — пожал плечами логистик. — Но по телику показывали — дяди в белых балахонах ходят по улицам, как у себя дома, кресты палят и все такое выделывают, как в фильме про Гекльберри Финна.

— Да-а, цивилизация, блин, — протянул Валера задумчиво. — Растут духовные запросы человека, все больше духовности и благодати лезет наружу.

— Про духовный рост человечества — это, конечно, абсурд безусловный, — раздался вдруг спокойный голос сзади, и я обернулся посмотреть на нашего проснувшегося

пассажира. Хотя он, конечно, не спал — слушал наш треп. — Человеческую натуру изменить невозможно, можно изменить лишь поведение,— негромким, но твердым лекторским тоном продолжил дед.— Стена поведенческих норм удерживает в человеке зверя, но в такой системе страх наказания — главный сдерживающий фактор. Только страх останавливает людей. Так что отказ от насилия в отношении мародеров является роковой ошибкой правительства. Ведь люди, если их предоставить самим себе, немедленно возвращаются к своим истокам — к животным, стремящимся выжить любой ценой. Это аксиома психоанализа, незнакомая, к сожалению, нашим министрам и политикам.

— Это вы правильно загнули, Олег Меерович! — поддержал тестя Василий, Заметив впереди свет, он резко скомандовал Игорю: — Стоп!.. Подожди тут, коллега, я схожу к своим архаровцам.

Логистик сделал короткую, но отчетливую паузу, перед тем как выйти наружу, и я понял, что он ждал реакции Палыча — ведь архаровцы берут по пять сотен за любую проводку, значит, Василию предстояло сейчас платить из своих.

Палыч тоже понял причину заминки, но смотрел Василию в глаза спокойно и жестко — дескать, уговор есть уговор. Логистик еле заметно вздохнул и выпрыгнул из кабины в мягкий лесной полумрак.

Вернулся он быстро, и мы опять протискивались сквозь знакомую уже толпу взвинченных мужчин с ружьями в руках, и снова Палыч покрылся испариной, пытаясь провести машину так, чтобы случайно не коснуться ни одного из этих «полуночных ковбоев».

Мы расстались с Василием на лесной опушке, откуда в неверном свете луны уже угадывалось направление на трассу, но Палыч еще долго и утомительно подробно выяснял, где лучше будет выбираться на Каширское шоссе.

— Прямо и направо, через десять минут сами все увидите. Но вот что, коллеги,— мои архаровцы говорят, что за Кольцевой погромщики теперь караванами стоят, тыщ по пять в каждом. Короче, точно как во времена монголо-татарского нашествия — обложили, бляди, мать городов русских. Проехать будет непросто — они только военных пропускают, боятся связываться, а гражданских чистят без разбора.

— Прорвемся, — пообещал Палыч, и Василий откланялся, махнув еще раз на прощание деду.

Мы медленно двинулись по грунтовой дороге, едва видимой в ближнем свете фар, а спустя несколько минут Игорь остановил «форд» и бросил в салон:

— Давайте-ка все экипируемся, как положено. Моя интуиция, в смысле задница, подсказывает, что нам сейчас придется немного повоевать.

Я хотел было включить свет, но на меня цыкнули сразу оба — и Валера, и Палыч. Пришлось возиться в темноте, на ощупь выбирая подходящий бронежилет и укладывая в его разгрузку запасные патроны к помпе.

Деда тоже впихнули в бронежилет, но с немалым трудом — габаритный такой дедок оказался, да еще с немаленьким пузом, из-за которого застегнуть жилет на боках как следует так и не удалось, и он просто болтался на шее двумя бронированными фартуками — спереди и сзади.

— Вы как насчет пострелять? Доводилось? — деликатно любопытствовал Палыч, повернувшись назад.

— Ну, разве что из пистолета, на институтских сборах. Но это было пятьдесят лет назад, — так неуверенно и виновато ответил дед, что я сразу понял — с четвертым бойцом нашего невеликого гарнизона у нас вышел облом.

— Ладно, будете помогать раненым, если что, — тоже все понял Палыч и показал, где лежит аптечка.

— Ну, понеслась... — прошептал Игорь, и Валера тут же отозвался напряженным до хрипа голосом:

— Поехали!

Гагарин, блин, нашелся.

Палыч погасил все огни, и в полной темноте мы неторопливо двинулись вперед по дороге, едва обозначенной светом луны.

Так мы проехали километров десять, и я уже подумал, что обошлось, когда на самом выезде на шоссе увидел огни, разбросанные вдоль трассы огромным неправильным овалом, а прямо на дороге перед нами — группу темных фигур с фонариками.

Палыч сбросил скорость и медленно катил прямо на эти фигурки, которые в конце концов нехотя расступились, и в открытые окна я заметил, что это были безоружные, но очень пьяные или обкуренные подростки. Они что-то развязно нам кричали, но никто не стал отвечать этим глупым созданиям, и они остались топтаться на своем пятачке, громко переговариваясь.

Мы вырулили на шоссе, на котором с неравными интервалами стояли брошенные машины с распахнутыми дверцами. Впрочем, когда мы наконец поехали по асфальту, лавируя среди самых неожиданных препятствий вроде выломанных кресел или огромных тракторных колес, стало видно, что в некоторых машинах были люди — они там или спали, или курили в раскрытые двери.

Так мы тащились с полкилометра, пока не наткнулись на странную, явно рукотворную пробку — поперек шоссе стоял пассажирский «Икарус», но его длины не хватило на все шесть полос, и с одной стороны автобус подпирал тентованный армейский грузовик, перегораживая движение уже окончательно.

Впрочем, со стороны столицы пробки не было — когда мы подъехали поближе, стало видно, что автобус и грузовик перекрывают движение транспорту в основном со стороны Каширы. Там машин было много больше, и стояли они плотнее, Впрочем, все равно с достаточными промежутками, чтобы можно было проехать.

Палыч начал осторожно объезжать автобус, заехав на обочину, достаточно просторную для нашего маневра, однако из грузовика вдруг выпрыгнул человек с ружьем в руках и наставил его прямо нам в кабину.

— А ну вышли все из машины! — заорал этот тип, которого я, как ни вглядывался, не мог толком разглядеть.

— С чего вдруг я должен выходить? — спросил Палыч, бросая взгляды по сторонам.

— Ты чё, не врубаешься, козел? Ща объясню, падла! — тонким голосом закричал хмырь на все шоссе, и я понял, что это подросток. Он передернул затвор и неожиданно выстрелил чуть выше водительского окна, в крышу.

Картечь с железным треском отскочила от брони, но удар по корпусу оказался чувствительным, нас даже немного качнуло.

Валера осторожно отворил дверь и показал мне, что пойдет вдоль правого борта. Я кивнул и вышел, обойдя микроавтобус сзади.

Я успел пробежать пару метров вдоль левого борта нашей машины, когда раздался выстрел, и я услышал злобное шипение Васильева:

— Получил, гаденыш?

Гаденыш лежал на асфальте, бросив ружье и сжимая руками колено.

— Отпусти, дяденька! — жалобно скулил он. — Не стреляй, дяденька!

Я включил фонарь, а Палыч — все фары на полную мощность.

У подростка оказалось простреленным колено, но, пока я раздумывал, что с ним следует делать, в меня вlepили заряд картечи прямо из темноты армейского тента.

Меня буквально впечатало в борт «форда», и уже оттуда я упал на асфальт, успев простонать Палычу:

— Гаси свет, мудила!

Игорь вырубил свет, а Валера всадил три заряда подряд в тент и кабину грузовика. Я полежал на асфальте, ощупывая лицо, но крови было немного — основной заряд пришелся на бронежилет и левое плечо, в котором при движении теперь слышалось отчетливое поскрипывание.

— Тошка, ты как? — услышал я возмутительно спокойный голос Палыча.

— Спасибо, что спросил, теперь намного лучше!.. — ответил я, пробуя подняться.

В голове немного шумело, но и только. Чужой даже не думал оживать — видимо, для него это было рядовым происшествием, ради которого не стоило и дергаться. Или он просто спал, гад.

Я постоял на ватных ногах пару секунд, неуверенно похлопывая себя по бокам, но все было в порядке.

Рядовое происшествие, значит? Хорошо, будем работать буднично — как учили в «учебке».

Я дошел до кабины «форда» и оттуда указал Палычу на грузовик:

— Я сейчас суну туда жало, а ты на счет «раз» врубай фары.

Палыч кивнул, и я рванул к тенту, бешено заорав: «А теперь раз, суки!» Вспышка света оказалась неожиданно мощной — я стрелял как в батальонном тире, отчетливо видя свои мишени — двух заспанных полуодетых бритоголовых хмырей. Один из них, сидя на корточках, держал двустволку, переломив ее для зарядки, а второй еще не поднялся и, лежа на огромном цветастом матрасе, что-то лихорадочно нащупывал у самого тента.

Для верности я выстрелил дважды в каждого, так что потом мне пришлось поволноваться, перезаряжая помцу в свете фар «форда», но Палыч быстро выключил свет, увидев мою заминку.

Со стороны кабины, в клубках темных пятен у обочины слышалось еще два выстрела, и я метнулся туда, посмотреть, как получилось у Валеры.

У Валеры получилось замечательно — в кабине теперь сидели два неподвижных бритоголовых тела, но мы не стали их долго рассматривать, а вернулись к микроавтобусу.

Палыч уже вышел из машины и, брезгливо трогая ногой лежащего на асфальте подростка, вел допрос.

Выяснилось, что бритые молодые люди являются воспитанниками Лыткаринской детской спецколонии, из которой удрали с неделю назад.

Днем я видел сюжет об этом побеге по какому-то специализированному криминальному каналу — малолетние сидельцы не просто ушли, а сначала несколько дней забавлялись с персоналом, замучив до смерти трех женщин и пятерых мужчин, а потом еще повеселились в дачном поселке, неудачно попавшемся на пути огромной банды из двухсот человек.

Помнится, меня в том сюжете больше всего удивила реакция властей — как с возмущением поведал корреспондент с запоминающейся фамилией Сыроежкин, бунт в колонии никто и не подумал подавлять. И уж тем более никто не преследовал потом малолетних мерзавцев. Их опять «рассеяли».

— Надо уходить отсюда, — подытожил допрос Васильев, тревожно оглядываясь по сторонам. — Очухаются — в пять секунд перестреляют. Отгонишь автобус?

— Да, — кивнул Палыч, походя выстрелил из пистолета бритому точно в лоб и, слегка пригибаясь, скорее по привычке, чем по необходимости, побежал к кабине автобуса.

Там он повозился с минутой, а потом я увидел, как открывается дверь, и тут же до нас донеслись приглушенные ругательства. Я поднялся на ступеньку автобуса и заглянул в салон вслед за Палычем.

Салон был полон испуганных детей лет пяти — десяти. Они не спали, а молча глядели на нас широко открытыми глазами, вжавшись спинами в кресла. Еще в автобусе невыносимо пахло мочой и потом, но все ж таки эти глаза впечатляли много больше, чем запах.

Палыч сглотнул комок в горле и хрипло спросил:

— Вы откуда, дети?

Никто не ответил, а ближайшая к нам девочка лет пяти вдруг заплакала навзрыд, но тут же замолкла и только тихонько попискивала, не в силах держать в себе страх. Другая девочка рядом с ней испуганно отодвинулась от своей подружки и тихо сказала:

— Это не я. Это она плачет. А я не плакала. Я заткнулась.

— А где взрослые? — спросил я, обращаясь к ней как к самой разговорчивой.

— Полину Ивановну увели вчера. А Дарью Семеновну сразу убили, потому что она некрасивая, — быстро ответила девочка.

Мы с Палычем посмотрели друг на друга, и я понял, что он сейчас хочет того же, что и я — убивать этих ублюдков там, где встретим. Убивать, как убивают крыс — не за то, что они что-то сделали, а просто за то, что они есть на этом свете. Чужой тоже проснулся, знакомо запульсировал, расширяясь неровными рывками, пока знакомая кровавая пелена не полезла наружу, одновременно успокаивая и нервируя, застилая мне глаза и мешая слышать что-то важное.

— Мужики, давайте поживее — урки просыпаются, — раздался снаружи озабоченный голос Васильева, и тут же раздался выстрел, а потом еще и еще...

Мы вылетели из автобуса, бросившись на асфальт, и Валера, тоже распластавшись, показал рукой на два джипа, в свете луны бликующих полировкой метрах в пятидесяти дальше по шоссе:

— Шмаляют оттуда! И в поле, с той стороны, тоже. — Валера показал рукой.

Мне почудились три вооруженные тени, но их движения были такими неуверенными и неверными, что Чужой наладился было снова закуклиться в свой кокон, и я еле уговорил его не спешить, обратив внимание на тени со стороны джипов — там, в абсолютном мраке, двигались наглые, уверенные в себе фигурки с помповыми ружьями в руках.

Палыч хищно оскалился, в два прыжка заскочил в салон «форда» и выкатился оттуда с «калашом» за спиной и с гранатой в каждой руке. Одну «эфку» он вручил Васильеву и показал на джипы:

— Пошли. Тошка прикроет, а мы загасим.

Они ушли, не оборачиваясь, ничего не объясняя, и я сначала не понял, что требуется от меня, но потом увидел, как они побежали, пригибаясь, вдоль грузовика, и понял, что мне следует просто отвлечь противника.

Я выскочил на обочину и дважды выстрелил в направлении джипов. Картечь горохом хлопнула по железу, но особого вреда с такой дистанции, разумеется, не нанесла.

Урки тоже ответили мне картечью и тоже никуда не попали, потому что просто меня не видели. Так можно было перестреливаться сутки напролет, и я вернулся к «форду».

В салоне было трудно передвигаться — всюду валялась разнообразная амуниция, а в самом узком месте прохода лежал, закрыв голову руками, наш габаритный пассажир. Мне пришлось пробежать прямо по нему, чтобы забрать автомат, и на обратном пути я не удержался от едкого замечания:

— Спать лучше в кресле. Здесь можете и замерзнуть, — но он мне не ответил, и я подумал, что он, может быть, и в самом деле спит.

Первым же выстрелом из «калаша» я угодил в лобовое стекло одному из джипов, и оно рассыпалось с отчетливым журчанием, а сразу после этого раздалось два оглушительных взрыва, и обе машины скрылись в клубах черного дыма и вертящихся в яростных вихрях языках огня...

Чужой разочарованно дрогнул, подсветил мне еще пару мишеней на обочине, и я снял их одной длинной очередью. Еще одна тень залегла в поле за перевернутым грузовиком, но мне ее отсюда было не достать, и я равнодушно отвернулся от этого трусливого шакала.

Палыч с Васильевым вернулись ко мне закопченные — у Валерки в саже была даже белобрысая голова, а у Палыча почернело все брюхо и даже носки.

— Я поведу автобус, а ты «форд»! — крикнул Игорь Валере и побежал к «Икарусу», нервно дергая шеей, которую натирал ремень болтающегося за спиной автомата.

— Я с тобой, — предложил я Палычу, но тот замотал головой:

— Нах. Ты охраняешь груз. Один хрен, стрелять из автобуса нельзя.

Я не сразу понял, почему нельзя стрелять из «Икаруса», но, усевшись в салоне «форда» и выставив автомат наружу, понял — чтоб не стреляли в ответ. У нас броня семь сантиметров, а у автобуса жестяные стенки, которые пробивает даже ружейная картечь.

«Икарус» развернулся в два приема и, пропустив наш броневик вперед, тронулся следом. Я не стрелял, потому что вокруг было тихо и темно, а Чужой подсвечивать отказался, тихой, но внятной болью тлея у меня под правым виском.

Я так и не понял, когда и куда попрятались местные завсегдатаи, но сейчас пространство вокруг нас больше всего напоминало кладбище брошенных машин, которые мы огибали достаточно небрежно, иногда задевая некоторые из них.

Все-таки Валера хреновый водитель, до Палыча ему далеко, понял я, а после очередной серии касаний крикнул:

— Ты нам все борта пообдираешь! Давай поаккуратнее...

Валера не ответил, и я отвернулся от его чумазого затылка, снова пристально разглядывая мелькающие за бортом тени и черные остовы.

Через пару минут машин стало меньше, и мы разогнались километров до сорока в час. Палыч уверенно держался сзади, двигаясь с отключенными габаритами и светом.

Я начал было думать о том, что пришлось испытать этим детям в автобусе, но тут же запретил себе мысли на эту тему, ибо сразу понимающе откликнулся Чужой, начинало сводить скулы, а палец рефлекторно тянулся к курку, и я боялся не совладать с собой.

Еще через пару километров машин на шоссе не осталось вовсе. Валера врубил фары и газанул уже под сто. Тут же мигнул фарами автобус сзади, и я нервно крикнул Васильеву:

— Сбрось скорость, Палыч не успевает...

Мы поехали чуть медленнее, и Валера закурил «беломорину». Сизый дымок немедленно заполнил весь салон. Я услышал возню рядом с собой, и негромкий голос спросил из темноты:

— А что, здесь можно курить? Тогда я тоже подымлю, вы позволите?

Напряжение недавнего боя меня уже отпустило, и я ответил деду совершенно человеческим, нормальным тоном:

— Курите, конечно. Сильно перенервничали, да?

Дед поднялся с пола, отряхнул брюки и пиджак, сел в кресло, неторопливо закурил (тоже папиросу, как и Валерка) и только потом с достоинством ответил:

— Да. Я действительно испытал сильные эмоции...

Глава шестнадцатая

Не доезжая километров пятьдесят до Каширы, нам пришлось снизить скорость почти до пешеходной — все шоссе оказалось усеяно мешками с песком или старыми шинами. Мы тащились эти километры почти четыре часа, поэтому встретили рассвет еще в дороге.

Увидев мягкий и широкий склон и спокойную речку по своему борту, я вдруг вспомнил запахи в «Икарусе» и крикнул Васильеву:

— Здесь надо переждать!

Он не стал спорить. Мы медленно съехали к берегу, сделали полукруг и встали так, чтобы можно было сразу, без разворотов, вырулить на шоссе.

«Икарус» повторил наш маневр. Когда он встал, я тут же вышел наружу, заранее обмирая от того кошмара, который мне предстоит увидеть и услышать.

Палыч тоже сразу вышел из автобуса, и мы встретились с ним на полпути между нашими машинами, как парламентарии последней войны.

— Тридцать пять человек. Детский дом «Солнышко», мля. А пионерский лагерь назывался «Ромашка». Они в Москву возвращались, из «Ромашки» в «Солнышко», мля. Короче, бухгалтершу сразу замочили — пожилая тетка была. Вожатую забрали для развлечений. Водила еще был. Удрал, наверное.

Палыч говорил отрывистыми фразами и глядел не на меня, а на предрассветное солнце, которое выкатывалось над тихой речкой, и эти фразы летели над водой, как плоские камешки, до самого леса с той стороны, отражались там и возвращались отчетливым и пугающим в своей резкости эхом.

Хлопнула дверь «форда». Это выбрался Васильев, чтобы размять затекшие ноги.

— Ну, чего там?.. — спросил он, не решаясь подойти к автобусу и посмотреть самому.

Палыч хмуро взглянул на него, потом перевел взгляд на меня и вдруг заорал, как подстреленный:

— Ё-мое, Тошка, у тебя же все плечо разворочено!

Я покосился на свое плечо, но ничего такого страшного не заметил. Я начал вертеться, пытаюсь разглядеть левую лопатку, где действительно чем-то поскрипывало, но Палыч рывкнул на меня:

— Сядь на землю, дятел. Ща перевязку сделаем, будешь как живой.

Я послушно присел на влажную от росы траву, а Игорь быстро дошел до «форда» и крикнул в раскрытую дверь:

— Гражданин Аронович, не могли бы вы приступить к своим непосредственным обязанностям? Вы у нас врач или хрен с говном?

Из машины тут же выбрался заспанный дед с аптечкой в руках. Он подошел ко мне, положил аптечку на траву рядом, но сам садиться не стал. Напротив, он даже сделал шаг назад и виновато сказал:

— Я вообще-то в соматических поражениях не сильно разбираюсь...

— В каких-каких поражениях? — удивился Васильев, затягиваясь папироской и с интересом разглядывая морщинистое лицо доктора.

Дед беспомощно похлопал себя по карманам, и Валера протянул ему папиросу.

— Не понял я вас! Василий сказал, что вы врач, — гневно скривил губы Палыч.

— Я действительно врач. — Дед прикурил от Балериной папиросы. — Но врач-психиатр.

— А что ж ваш Вася плел про «скорую помощь», где вы якобы сорок лет отработали?! — не поверил Игорь, демонстративно уперев руки в бока.

— Ну, так я и работал сорок лет в «скорой психиатрической помощи», — спокойно объяснил дед.

— Да фигли там перевязывать... Валерка отбросил свою папиросу и присел рядом со мной. — Водкой залить да пластырем заклеить. Верно, дед?

Психиатр осторожно развел руками:

— Ну, в целом, наверное, это разумный способ лечения, — сказал он. — Но теория говорит, что возможны осложнения. Э-э... вплоть до гангрены. Впрочем, здесь я не специалист. Я же психиатр... э-э... к сожалению.

— Значит, психиатр? — с нажимом сказал Палыч, подойдя к деду почти вплотную.

— Психиатр, — кивнул тот, деликатно выдувая папиросный дым в сторону.

— Тогда прошу вас пройти во-он в тот автобус. Там вас ждут тридцать пять пациентов, и я хочу, чтоб через час они перестали скулить сквозь зубы и начали хотя бы плакать, как нормальные дети! — неожиданно сорвался на крик Палыч.

— Хорошо-хорошо...

Дед успокаивающе поднял бугристые ладони и послушно побрел к автобусу, докуривая на ходу папироску.

Палыч пошел открыть ему дверь, но потом сразу вернулся к нам, больше не желая, видимо, травить себе душу.

Валера снял с меня бронежилет, куртку, ремень вместе с помпой, а вот с футболкой оказалось сложнее — кровь с левой стороны пропитала ее всю и успела засохнуть, так что мы минут пять спорили, стоит ли вообще отдирать присохшую намертво ткань. Я предлагал оставить все как есть, поскольку мне и так было неплохо, а Васильеву, похоже, было интересно послушать, как я буду орать, поэтому он, напротив, настаивал на немедленной ампутации футболки, пугая меня откровенно надуманными историями из своей милицейской практики.

Наши прения прервал Палыч с бутылкой водки в руках. Он принялся поливать мое плечо этой живительной влагой, а когда я начал возмущаться ненаучностью подобной

процедуры, зачем-то показал мне на речку со словами:

— А вон и чудище речное выплывает, смотри!..

Разумеется, как последний дурак, я уставился на речку, и тогда эти два живодера содрали с меня футболку, быстро распоров ее на брюхе и спине штык-ножами от «калаша».

Я решил не доставлять им удовольствия и поэтому не орал, а только шипел, сочиняя замысловатые ругательства вроде «бесперспективных гамадрилов» и «такелажных губошлепов», но потом из моего плеча мощными толчками пошла кровь, и болтать мне совсем расхотелось.

Палыч поливал меня водкой, а Валера деловито искал под кожей картечины и, кстати, нашел штуки три, тут же выковыряв их штыком. Остальные сидели много глубже, и я сказал этим садистам, что у меня кружится башка от потери крови. Это было правдой, и тогда они наконец начали меня перевязывать.

Это мероприятие доставило мне еще несколько интересных минут, но кровотечение они действительно остановили, а раны продезинфицировали, и я решил сильно на них не ругаться. Меня вдруг сморило в тяжелый, тягостный, бредовый сон, и я лег мордой прямо на траву, потому что вдруг понял, что до «форда» сам не дойду. Я еще чувствовал какие-то легкие касания и толчки, слышал возбужденные голоса и даже истерические крики, но мне уже было плевать абсолютно на все, и я отдался своей внезапной слабости полностью и безраздельно. Я вдруг понял, что умираю, и моя душа отправляется туда, куда полагается отправляться душам безнадежных грешников. Потом слегка шевельнулся Чужой, но и он согласился, что лежать без движения намного лучше, чем вставать и стрелять неизвестно в кого и зачем...

В мутной пелене плавали слова и предметы, и мне каждый раз приходилось прилагать серьезные усилия, чтобы увидеть, что именно болтается возле моего носа. Там, вообще говоря, много чего болталось: «Краткий курс истории РПЦ» в трех томах, деревянный барометр, подаренный дивизионным начальством за победу на конкурсе «Ворошиловский стрелок», компьютер «Синклер», собранный мною собственноручно в возрасте одиннадцати лет от полной безысходности и отсутствия перспектив на «настоящий Пи-Си», изумленное лицо профессора Фирсова, на глазах у которого я растягиваю свои личные хромосомы из четвертичной структуры в линейную и обратно, а также потрясающая в своей конкретности табличка «Пошел отсюда на хуй, Пожарский!», повешенная на парадную дверь по-литеховской общаги. Помню, что табличка меня возмутила наиболее значительно, и я довольно долго раздумывал, кто бы это мог ее повесить. Пришел к мысли, что, кроме Наташки из 315-й, сделать это практически некому. Ну, разве что еще Валька из 219-й, но это вряд ли, потому что она матом даже по-английски не ругается. Придя к этому выводу, я вдруг моментально успокоился и крепко уснул.

Очнулся я на шершавых креслах микроавтобуса и, просыпаясь, мучительно долго смотрел в ослепительно яркое квадратное пятно, пока не понял, что это отодвинутая до максимума пассажирская дверь. Тогда я сел в кресле, оглядываясь по сторонам, пока не сфокусировал взгляд на своей помпе, небрежно валяющейся на сиденьях правого борта.

Я осторожно повесил помпу на левое плечо, поверх плотного кокона бинтов, потом задумчиво посмотрел на куртку, висевшую на спинке сиденья впереди, но надевать ее не стал — из ослепительно квадратной дырки несло такой вязкой духотой, что впору было снимать брюки.

Я медленно привстал и на полусогнутых ногах выбрался наружу.

На берегу речки царило вопиющее безобразие и разнузданное веселье — очередь из десятка голых детишек стояла у самой кромки воды, где их поливали из двух пластиковых канистр полураздетые Валера с Палычем, после чего мокрые, но счастливые дети снова бежали в хвост очереди, нетерпеливо подпрыгивая на месте в ожидании повторения процедуры.

Еще пара десятков детей с мокрыми волосами, но уже одетые, сидели кружком вокруг деда и, преданно выкатывая на него глаза, что-то ему рассказывали, перебивая друг друга

звонкими, резкими голосами.

Когда я вышел на середину поляны, на меня все уставились, как на привидение, а ближайшая ко мне девочка вдруг вскочила и рванула к деду, всхлипывая в бурно развивающейся истерике и указывая на меня пухлой ручонкой:

— Дедушка Олег, у него ружье, как у тех самых. И лицо злое!!

— Что ты, Олечка, это же хороший дядя, это же наш дядя, это добрый дядя, — захлопотал дед, обняв девочку одной рукой, а другой рукой показывая мне увесистый кулак.

Я, разумеется, все сразу же понял и вернулся к «форду», спрятав помпу в салоне.

Мое возвращение на пляж дети восприняли уже много спокойнее, хотя и несколько настороженно.

— Дядя Антон, не могли бы вы, как любезный сэр, сменить меня на этом посту, пока я не покурю? — крикнул Васильев, помахав мне канистрой.

Я дошел до берега, забрал у Васильева канистру и, поняв, что она пустая, окунул ее одной правой рукой в воду — использовать левую руку мне было боязно. Набрав литров пять, я, опять же одной правой, поднял канистру над головой и тут же под ней оказался смешной черноволосый и гибкий, как лоза, пацан, заранее повизгивающий в предвкушении душа. Я щедро полил его и, когда канистра опустела, мягко пихнул в направлении берега:

— Катись!

— Еще! Вы мало вылили, дядя! — начал было возмущаться он, но его соседи из очереди закричали, что воды было вполне достаточно, и пацан, коротко вздохнув, бодро побежал на берег, отряхиваясь от воды всем своим гибким и мускулистым телом — почти как смысленный щенок-недопёсок.

Потом была тихая девочка лет десяти, у которой все тело оказалось в синяках и полужаживших царапинах, на которые я изо всех сил старался не смотреть, потом подскочили два рослых белобрысых близнеца, лет по двенадцати, потом снова была девочка, но уже без следов насилия, а потом вдруг опять появился черноволосый гимнаст.

— Гарик, ты нечестно пролез! — закричали на него сразу несколько детских голосов, но тут Васильев наконец докурил и забрал у меня из рук канистру, заметив, что одной рукой мне управляться с ней было тяжеловато.

Я оставил Васильева восстанавливать справедливость и направился к деду — очень уж интересными мне показались горящие каким-то неземным светом детские лица, неотрывно следящие за каждым движением психиатра.

— О-о, а вот и наш дорогой дядя Антон!.. — закричал дед с неожиданным подъемом, и я замер на месте в ожидании неминуемой подлянки, которую сразу угадал в его насмешливых глазах. — Ну, расскажи нам, дядя Антон, что такое, по-твоему, любовь? — спросил у меня дед таким тоном, каким Снегурочка спрашивает у Деда Мороза, осталась ли у него еще водка.

Но дети, сидевшие вокруг, смотрели на меня совершенно серьезно, и я понял, что мне придется отвечать тоже серьезно, по-взрослому.

— Э-э... любовь... Это такое, хм, хорошее чувство, когда, хм, вдруг обнаруживаешь, что любишь другого человека, — выдал я, поражаясь собственной тупости.

Дед укоризненно покачал головой и бросил торжествующий взгляд на детей:

— Ну а ты, Кира, что скажешь?

Маленькая, лет шести-семи, девочка серьезно наморщила загорелый нос и сказала:

— Любовь — это когда тебя вдруг привели в «Мак-доналдс», а ты отдаешь половину своей картошки подружке и не просишь за это ничего, даже маленькую чупу.

— Ну а ты, Ксюша, что думаешь? — повернулся дед к печальной девчужке лет десяти, испуганно вскинувшей на него длинные ресницы при упоминании своего имени.

Ксюша молчала довольно долго, и я уже решил, что она ничего не скажет, но она вдруг подняла круглое веснушчатое личико и, заметно зардевшись, сказала:

— Если кто-то любит тебя, он по-особенному произносит твоё имя. И ты знаешь, что твоё имя никто не обидит, пока оно у него во рту.

Я крепко задумался, но тут дети заголосили, наперебой предлагая свои варианты:

— Любовь — это когда улыбаешься, если видишь его.

— Если любишь, можно помочь нести портфель девочке.

— Любовь — это когда папа и мама не ругаются и не бьют тебя.

У меня вдруг заныло плечо и защипало в глазах. Я отвернулся и ушел к «форду», потому что вдруг вспомнил, откуда именно мы вытащили этих детей, и отчетливо осознал, что понятия не имею, куда их теперь девать.

— Ты как вообще, Тошка? Функционируешь? — озабоченно поинтересовался Палыч, вдруг оказавшись у меня за спиной.

Я повернулся к нему лицом и спросил, показав глазами на пляж:

— Что дальше-то делать будем?

— Двигаться будем, — бодро ответил он. — Согласно правилам дорожного движения.

— А дети?

— А что «дети»? Впереди город, областной центр, полмиллиона жителей. Неужели там не найдется организации, способной принять три десятка детей? — с возмущением сказал Палыч. — Тем более мы уже составили список — свои фамилии почти все дети помнят, детдом «Солнышко» в Москве, я надеюсь, один. Позвоним тамошнему начальству, приедут и заберут.

— Найти детдом, конечно, будет просто. Непросто будет забрать. Я вот не понимаю, кто, кроме роты спецназа, может сейчас пройти по Каширскому шоссе, — начал заводить себя я, но Игорь требовательно поднял руку и, дождавшись, когда я заткнусь, негромко, но твердо сказал:

— Мы должны доставить груз в Элисту. Сделаем работу, получим деньги, можешь пройти обратно по всему маршруту и сеять там доброе, разумное, вечное... Пока не прострелят оба твоих деревянных плеча и башку твою дубовую заодно.

Я ухмыльнулся ему прямо в лицо:

— Да ладно! Ты же сам не веришь в то, что несешь. А то я тебя не знаю!

Палыч сдвинул брови, выпятил челюсть и рыкнул басом:

— Не знаешь!

Это было так неубедительно, что я сразу успокоился и пошел помогать Васильеву поливать детишек.

Глава семнадцатая

Мы въехали в Каширу около трех часов дня. На КПП нас встречали уже не гаишники, а мрачного вида мужики с красными повязками на руках. Только один держал в руках автомат, остальные были вооружены хорошо знакомыми мне пневматическими винтовками МР-512.

Это было так странно и неожиданно, что я заулыбался, когда один из охранников, грозно наставив на нас свою игрушку, потребовал от Васильева отчета — куда и зачем мы направляемся.

Валера показал мужику свое удостоверение, и тогда тот позвал коллег. Рассматривать красную книжицу собралось человек пять, и все, судя по лицам, остались недовольны. Впрочем, вовсе не качеством документа.

— Где ж вы все прятались, суки милицейские, когда у нас в Кашире беспредел творился? Капитан, бля, уголовного розыска. Чмо ты, а не капитан! — бросил упрек Васильеву первый мужик и презрительно махнул своей винтовкой в направлении города: — Ну давай, проезжай, коли не стыдно. Посмотришь заодно, как это в жизни бывает...

Васильев побледнел, но сдержался, молча убрал в карман удостоверение и нажал на газ.

Мы проехали метров десять и встали — посмотреть, как пропустят автобус. Заметив, что в автобусе галдят дети, мужики не стали смотреть документы у Палыча, а сразу махнули

ему рукой и расступились.

Автобус встал прямо за нами, и я вышел из «форда», не став набрасывать куртку. Мужики смотрели на меня не слишком одобрительно, причем особенно им не понравилось мое забинтованное плечо.

— Отцы, где у вас тут власть располагается? — Я сделал строгое официальное лицо.

Мой вопрос вызвал сначала ступор, а потом дружный взрыв смеха у всей компании.

— Чудак человек, — наконец соизволил прокомментировать один из них. — Власть, она теперь в Москве. Там и ищи...

— А вы кто?

— Мы? Мы — народ! А вот ты что за птица?

Я понял, что с этим народом нужно разговаривать по возможности конкретно, избегая упоминания откровенных абстракций вроде власти или правительства.

Я показал на автобус:

— Мы вчера отбили у мародеров вот этот автобус. Там дети. Тридцать пять человек. Мы не можем взять их с собой. У нас другое, важное задание. Что вы посоветуете?

Один из мужиков звучно икнул, и я понял, что он пьян. Потом я присмотрелся и увидел, что пьяны они все. Тот, что держал в руках автомат, бессмысленно передернул затвор, и я увидел, что это грозное оружие — всего лишь пневматический макет автомата Калашникова.

Банда пьяных клоунов с детскими игрушками. Тьфу!

Я разочарованно развернулся и пошел к «форду».

— Стой, парень! — крикнули мне в спину, и я обернулся на ходу.

Кричал как раз «автоматчик». Он сделал по направлению ко мне пару нетвердых шагов, а потом показал на проспект за моей спиной:

— Короче, поедешь прямо, потом направо, потом прямо до конца. Так попадешь на площадь. Там с одной стороны — администрация. Но она сгорела на прошлой неделе. А вот с другой стороны — заводоуправление и здание треста. Туда к трем часам мэр должен явиться, со своими прихвостнями. Вот там ты с ним и побеседуешь...

— Уже полчетвертого, — сказал кто-то.

— Да там же надолго, весь город соберется попиздеть, — успокоил сосед.

Я благодарно кивнул нетрезвым дружинникам и вернулся в микроавтобус.

— Ну? — раздраженным тоном спросил Валера, и я понял, что ему не терпится отсюда уехать.

Я объяснил, куда мы едем, и Валера сразу разогнал машину по пустой улице километров до шестидесяти. Больше не получилось — мешков и колес на асфальте уже не было, но хватало другого мусора: сломанных детских колясок, картонных коробок, набитых каким-то чудным тряпьем, тележек из универсальных магазинов, фрагментов мебели, иногда довольно приличной, попалась даже целая баррикада из искусственных елок.

Зато автомашин на улицах не было вовсе — они встречались там только в виде сожженных корпусов. Этого добра было немало, но, по счастью, жгли только припаркованные машины, так что нашему продвижению это местное развлечение не мешало.

Не было видно и людей на улицах, хотя дома выглядели жилыми — во многих окнах происходило едва заметное движение, когда мы проезжали рядом.

Зато метров за сто до площади мы наконец увидели людей — и сколько людей! Тысячи или даже десятки тысяч горожан толпились на площади, завороченно слушая размеренную речь невысокого крепыша в поразительном для нынешней ситуации белом костюме и таких же белоснежных теннисных туфлях.

Щеголеватый гражданин стоял прямо на капоте «хаммера», вставшего посреди площади. На крыше модного вездехода стояли еще двое мужчин, в камуфляже и с автоматами Калашникова наизготовку. Доморощенные секьюрити картинно жевали резинку, изо всех сил подражая своим голливудским прототипам — тревожно озирались по сторонам и яростно шевелили губами в «уоки-токи». Они так увлеклись этим выпендрежем перед

многотысячной толпой, что их можно было бы снять даже без оружия, просто треснув бейсбольной битой по башке каждому, в порядке живой очереди — и сосед не заметил бы потери бойца.

Мы проложили себе дорогу прямо через расступающуюся толпу и притормозили возле «хаммера». Рядом стоял автобус с надписью «Третий канал» и легковушка без опознавательных надписей. Возле автобуса выстроилась шеренга операторов, человек пять, все с большими, профессиональными телекамерами на больших, тоже профессиональных, штативах.

— ...экстремисты и бандитствующие элементы. Региональная власть на местах делает все, чтобы порядок и покой пришли в наши дома! Но мы не всесильны! Нас бросила федеральная власть! В Москве теперь думают только о себе! И вы это знаете лучше многих. Где федеральная милиция? Где внутренние войска? Где, наконец, армейские части, содержание которых оплачивали все российские налогоплательщики?! Все эти силы защищают только Москву и ее богатые пригороды. А до нас, простых каширцев, Кремлю дела нет! Нам остается одно — выживать! Если будем делать это вместе — мы победим!..

Вокруг одобрительно захлопали и засвистели, но наше появление все-таки внесло некоторое беспокойство в ряды митингующих — каширцы старались отойти подальше от наших непонятных машин, и очень быстро мы оказались на островке чистого асфальта среди огромной массы людей, настороженно разглядывающих нас и медведей на корпусе «форда».

Когда оба автобуса наконец заметили бдительные охранники на «хаммере», они испуганно уставили автоматы в наше лобовое стекло.

Валера недовольно буркнул:

— Тошка, блин, сходи разберись...

Я нащупал куртку и, на ходу цепляя на голые плечи, выбрался из машины.

Крепыш в белом костюме опустил мегафон и уставился на меня. Я успокаивающе помахал ему рукой и полез на капот «хаммера» — а как еще с ним разговаривать, снизу вверх, что ли?

Толпа притихла, а охранники начали от усердия чавкать так лихорадочно, что им сделал замечание сам господин мэр.

Я залез на капот джипа и, показав на «Икарус», как будто это все объясняло, протянул руку за мегафоном. Мэр безропотно отдал его мне и даже сделал шаг назад, освобождая место на импровизированной трибуне.

Я нажал на кнопку мегафона и сказал:

— Господа! Леди и джентльмены!

Толпа недовольно взревела, и я тут же поправился:

— Товарищи! Россияне! Граждане великой страны!

Ропот прекратился, и я продолжил:

— Мы приехали сюда из Петербурга. Это было не просто.

По толпе прошла рябь, которая вдруг взорвалась криками и аплодисментами:

— Привет, Питер!

— Даешь Петроград!

— Ура!

— Революцию давай!

Я опешил от этих неожиданных эмоций, но потом собрался и продолжил:

— Мы должны ехать дальше. У нас задание государственной важности. Но вчера мы отбили у мародеров автобус с маленькими детьми. Я хочу спросить вас — можете ли вы помочь нам? Этих детей надо устроить до тех пор, пока воспитатели или родители не смогут забрать их к себе. Или пока мы не вернемся. В общем, на пару недель.

Боковым зрением я заметил, как вытаращил на меня глаза мэр и даже охранники перестали чавкать, вытягивая шеи, чтобы разглядеть, кто там такой важный сидит в «Икарусе».

— Откуда дети? — услышал я громкий женский выкрик и, пожав плечами, ответил:

— Дети из Москвы. Из детдома. Их отправили в пионерский лагерь, но вот забрать не смогли. Сами знаете, что сейчас вокруг Москвы творится...

Мои слова потонули в яростных возгласах;

— Своих детей кормить нечер!

— Москалей — на хрен!

— Пусть сами забирают!

— Хорошо устроились — жируют на Рублевке и еще деток своих нам подкинули!.. На хрен!

Мэр тут же решительно забрал у меня мегафон и сказал, даже не глядя в мою сторону:

— Ну, с этим вопросом все понятно! Мы будем заботиться прежде всего об интересах коренных жителей!

Так что всякие варяги могут ехать себе дальше! У нас, в Кашире, дураков нет!..

Толпа радостно захлопала и засвистела оратору, и один из охранников сверху бросил мне:

— Хули встал?.. Не понял, что ли? Проваливай, пока не навалили.

Я поднял голову, пытаюсь разглядеть его лицо на фоне яркого солнца. Впрочем, ничего я там, конечно, не увидел, поэтому молча спрыгнул с капота и пошел к «форду», с любопытством оглядывая стоящих вокруг людей. С виду люди как люди, разве что одеты слишком небрежно—так ведь и я был не в смокинге.>

— Эй, ты! Подожди! — ко мне пробился оператор с камерой на плече. — Чего у тебя там за дети?

Я покосился на его подозрительно знакомую манерную косичку, которая ужасно глупо, на мой консервативный взгляд, смотрелась на фоне трехдневной щетины.

— Ты кого представляешь? — Я ткнул пальцем в объектив. — Суверенную Каширу?

Оператор в ответ понимающе оскалился:

— Ладно тебе. А чего ты ждал? Сейчас человек человеку волк. Короче, давай уже пару слов в камеру — что да как. Я фрилансер, мои сюжеты пол-Европы покупает — так что вдруг помогу...

Он протянул мне свободную руку и представился:

— Иван Сыроежкин. Между прочим, известный репортер.

Я пожал плечами и повел его к «Икарусу». Палыч с водительского места недобро покосился на оператора, но открыл нам дверь, и я вошел в автобус первым, сразу объяснив ситуацию сидевшему в первом ряду Олегу Мееровичу:

— Москалей здесь, оказывается, не любят, так что облом. Зато есть телевидение. Вот этот крендель обещает сюжет на пол-Европы. Говорит, что может помочь.

Психиатр обернулся к детям и громко сказал:

— Ребята, к нам явилась «скрытая камера». Давайте покажем телезрителям, какие мы хорошие и послушные детки!

Эффект, разумеется, оказался обратным — дети тут же начали прыгать на сиденьях, скакать в проходе, петь песни и корчить рожи. В общем, Иван за минуту набрал столько видеоматериала, сколько не набрал бы в зоопарке и за сутки.

Я с интересом смотрел на его лицо, но никаких эмоций там не увидел — похоже, этот парень видел в России и не такое...

Потом слово дали психиатру. Олег Меерович долго усаживался перед камерой, принимая разнообразные позы, пока оператор не рявкнул, что «яйца можно не чесать, в кадре все равно одна башка», и тогда доктор расправил плечи, поднял благородную седую голову и начал свою речь:

— У детей аффективно-шоковые реакции возникают вследствие любого сильного испуга. Сильная психическая травма, особенно в сочетании с реальной угрозой жизни, приводит к одному из трех типов аффективно-шоковых реакций. Первый тип — сумеречное состояние с резким двигательным возбуждением, второй — реактивный ступор, ну а третий тип — эмоциональный ступор — встречается уже только с подросткового возраста...

Иван решительно содрал с головы наушники:

— Бля, сначала в мэрии «грузили», потом на митинге, а теперь и вы туда же!.. Дедушка, наш зритель знает только три слова, и все они — матерные! — кричал он, потряхивая в такт словам сальной косичкой. — Пожалуйста, будьте попроще, и люди к вам потянутся, — сказал Иван, снова нацепляя наушники.

Психиатр нахмурил кустистые брови и, усмехнувшись, возразил в камеру:

— Если вы будете проще, к вам потянутся те, кто попроще. Что касается состояния детей, то они пережили тяжелую психическую травму и сейчас нуждаются в особом внимании и человеческом отношении.

— Отлично! Снято! — кивнул оператор и нацелился объективом на меня: — Давай теперь ты, только по делу. Что за проблема, как решить и все такое.

Я показал ему на выход:

— Не здесь. Дети же услышат.

Дети действительно поутихли и столпились в проходе перед камерой, пытаюсь потрогать ее или хотя бы оператора.

Я вышел первым и встал возле автобуса. Иван выбрался следом, отошел на пару шагов, насколько позволяли толпившиеся вокруг горожане, и крикнул:

— Давай!

— Уважаемые телезрители! — начал я в полный голос, злобно зыря по сторонам. — Мы находимся в некогда славном городе Кашира. С нами тридцать пять маленьких детей, чудом уцелевших после нападения мародеров на автобус, который перевозил их из пионерского лагеря домой, в Москву. К сожалению, мы, представители охранной фирмы «Ист Пойнт», вынуждены ехать дальше, поскольку обязаны выполнить важное государственное задание. Но в некогда славном городе Кашира перевелись приличные люди и остались одни жлобы. Их вы и видите вокруг. Эти жлобы всерьез считают, что дети москвичей не заслуживают сочувствия и помощи. Так что придется нам ехать на свое опасное задание с целым автобусом детишек. Пожелайте нам удачи — она нам всем очень пригодится...

— Нормально все сказал, только название фирмы придется вырезать, — отозвался Иван, снимая камеру с плеча, но его слова заглушили сразу несколько возмущенных выкриков из толпы:

— Ты чё сказал, козел?!

— Падла, за базар ответишь!

— Москали вообще оборзели — позорят нас на весь свет и не шугаются!

Кричали в основном молодые люди гопницкого вида, но, к моему удивлению, нечто похожее выкрикнула и пожилая женщина в строгом темном платке на голове, и немолодой мужик в хорошо отглаженном костюме, и даже девочка лет пятнадцати рядом с ним.

— Лучше бы вам валить отсюда, — посоветовал Иван, и я кивнул, хмуро оглядывая возбужденную толпу. Впрочем, этих людей я не боялся — они были безоружны. При желании я уложил бы их всех на асфальт за пару минут.

Но эти люди были мне крайне неприятны — настолько, что я с трудом удерживался от желания смазать здоровой рукой по парочке ближайших физиономий.

Видимо, мои намерения слишком хорошо читались на лице — толпа чуть осадила назад и приутихла — никто не смотрел мне в глаза, все отворачивали свои мерзкие рыла, и я просто плюнул в их сторону и тоже отвернулся.

Иван достал свою трубку и сказал:

— Дай свой мобильник. Если будут новости, сообщу...

Я продиктовал ему по памяти пару номеров, свой и Палыча, пожал на прощание руку и вернулся к автобусу:

— Уезжаем отсюда.

— Детям надо поесть, помыться и оправиться! И поспать наконец по-человечески, в кроватях! — возмутился Олег Меерович.

— Все будет, но чуть позже, — успокоил я и пошел к «форду», намеренно толкая здоровым плечом всех, кто не успевал отпрыгнуть в сторону. Люди ворчали, но послушно расступались, и мне стало совсем тошно смотреть на них. Это были не просто жлобы, это были трусливые жлобы.

Я уселся в кабину рядом с Валерой и развел руками:

— Ты все слышал?

Валера кивнул, кисло глядя по сторонам, а потом завел мотор и стал осторожно сдавать назад. Палыч на «Икарусе» делал то же самое, выбираясь из толпы, которая вдруг начала с нарастающим остервенением улюлюкать нам вслед, как будто одержала победу над извечным и злобным противником.

Мне не понравилась эта реакция. В том числе и потому, что, заводя саму себя, толпа способна совершить немыслимые гнусности. Перегнувшись назад, я взял в руки помпу и выставил ствол в окно.

Шум вокруг начал затихать, по мере того как машина сдавала назад, и помпу стало видеть все большее число людей.

У самого выезда с площади нас провожали уже гробовым молчанием, и я опять еле подавил очередной нерациональный импульс — снять на прощание мэра прямо на глазах у его пижонской, но такой бессмысленной охраны. Впрочем, расстояние для помпы было уж слишком велико.

Мы выбрались на проспект, и там «форд» снова встал во главе нашей маленькой колонны, обогнав «Икарус».

— Куда? — спросил меня Валера, причем, все равно разгоняясь по дороге так быстро, как позволяла ситуация.

Я расстегнул поясную сумку и достал записную книжку. У меня там вклеены сотни таблиц, карт и прочей лабуды — привычка таскать шпаргалки на все случаи жизни осталась еще со студенческих времен.

Карта России в книжке тоже, разумеется, нашлась, и, если ей верить, километров через сто по трассе нас ждал некий город Михайлов, про который лично мне не было ничего известно — ни хорошего, ни плохого.

Я прикинул, сколько мы сделали поворотов, пока добирались до площади, но так и не смог твердо выбрать направление на юг.

— Ну? — спросил Валера, притормозив на перекрестке.

— Нам на юг надо. Ты как, ориентируешься?

— Чему тебя только в Политехе учили! — с готовностью разорался Васильев, метнув быстрый взгляд на часы, а потом на солнце. — Юг там! — уверенно показал он и повернул «форд» в указанном направлении.

Я обернулся посмотреть, как там Палыч.

Там все было в порядке — «Икарус», бликуя на солнце табличкой «Внимание — дети!», ехал за нами, деловито чадя иссиня-черным выхлопом. Кстати, о выхлопах — нам же солярка будет нужна. В нашем «форде» два бака, там надолго хватит, а вот в автобусе наверняка уже пусто.

— Заправиться бы им в дорогу как следует, — угадал мои мысли Валера. — Что там дальше будет, один Ктулху знает.

Мы проехали несколько кварталов совершенно одинаковых серых панельных многоэтажек, и вдруг Валера показал налево:

— Смотри, детский сад!

Действительно, в створе между двумя жилыми домами виднелось типовое двухэтажное здание детского садика.

Мы свернули туда, и «Икарус», после некоторой заминки, тоже.

Ворота садика были открыты, и мы въехали во двор, медленно проезжая вдоль голубого фасада, раскрашенного розовыми хрюшками и белыми ромашками.

Привычным движением я приладил помпу под мышкой, накинул сверху куртку и

вышел из машины. Валера тоже вышел и тут же закурил, устало прислонившись затылком к теплой кабине броневишка.

Дверь с фасада была заперта, и я пошел вокруг, всматриваясь в окна — если что, можно будет аккуратно просто вынести одно из них, а потом забить фанерой.

С обратной стороны двери и окна садика были не просто закрыты, а еще и заколочены толстенными, сантиметров в пять, досками.

Я вернулся к машинам. Палыч открыл двери автобуса, и ребятня вприпрыжку выскакивала из опостылевшей машины на асфальт и дальше, во двор, с радостным визгом комментируя все, что попадалось на пути:

— Детский садик!

— Качели!!

— Горка!!!

Последним вышел Олег Меерович. Он закурил папиросу и одобрительно мне улыбнулся:

— Молодцы какие, садик нашли! А там, — он показал на садик, — согласились принять еще три десятка детей?

— Сейчас спросим, — пожал я плечами и пошел к Валере за монтировкой.

Я успел вскрыть первую дверь, войти в тамбур и приглядеться ко второй, когда эта дверь вдруг открылась, и я увидел ствол автомата, нацеленный мне в живот.

В полумраке закрытого помещения не видно было лица, но фигура автоматчика вызывала уважение своими габаритами — мне было до него далеко.

— Что встал? Руки вверх, быстро! — раздался неожиданно тонкий, даже писклявый голос.

Я сделал испуганное лицо, и Чужой у меня в башке недобро усмехнулся, разворачиваясь в боевой порядок.

Я сделал шаг назад, и автоматчик невольно шагнул за мной, оказавшись в тамбуре. Тогда я поднырнул под его руку с автоматом, отводя его ствол своей помпой, вынутой из-за пазухи уже даже не мышечным, а каким-то мысленным усилием.

После этого акробатического этюда мужик смотрел моей помпе прямо в дуло, а вот его автомат стыдливо смотрел в сторону.

— У меня за спиной еще целый взвод отморожков, — сказал я. — Может, не будем друг другу грубить без повода?

— Не будем, — легко согласился он, опустил автомат к полу, и я тут же опустил свою помпу.

— Ты кто? — спросил я вполне уже миролюбиво.

— Я Гришаня, из «коломенских», — услышал я ответ.

— Ты один?

— Тебе меня мало?!

— А где персонал этого заведения?

— Чего?

— Где тетки из садика? — сформулировал я вопрос проще.

— А-а. Ну, главная тут была, так она с Захаром договорилась, что мы пока здесь обоснуемся, чтоб не разобрали домик, значит, местные. Склад тут теперь у нас.

— А дети?

Он пожал огромными плечами.

— Детей я тут давно не видел. Разобрали по домам, наверное, — сказал он равнодушно.

Я мягко тронул его за плечо и потянул к выходу:

— Чего? — удивился он, но пошел следом. ...

Дети уже разбились на группы и играли по всему двору в свои незамысловатые, но очень шумные и подвижные игры.

— О-о-о, — сказал мой новый знакомец, изумленно осматриваясь. — Так ты меня этими отморожками пугал? Это да, это песец! — повернул он ко мне огромное веснушчатое

лицо и улыбнулся.

Я очень рассчитывал на эту человеческую реакцию.

Из автобуса вылез Палыч и медленно пошел к нам, с откровенным неудовольствием глядя на громилу с автоматом.

— Ну что тут у вас? — спросил Палыч, глядя исключительно на меня.

— Знакомься, это Гриша, — представил я. — Он член коломенской преступной группировки. У них тут склад нагребленного, как я понимаю.

— Не-е, мы по мелочи не мародерничаем, — обиделся Гриша, нервно дернув автоматом. — Здесь у нас спирт хранится, с Корыстовского завода. Они нам тридцать тыщ бутылок должны были, вот мы и забрали. А хранить негде. Ну, и нашли местечко.

— Здорово, — зевнул Палыч, демонстративно разглядывая розовых хрюшек на фасаде.

Я понял, что договариваться придется мне — судя по настроению Палыча, он годился сейчас только на то, чтобы убивать, а мне это занятие уже изрядно поднадоело.

— Гриша, — начал я проникновенно, указывая на ребятню вокруг, — нам нужно здесь переночевать, привести детей в порядок, покормить их и все такое... Ты ведь не будешь возражать?

Гриша недоуменно посмотрел на детей и спросил, подняв брови:

— Где ночевать? В доме, что ли? В доме нельзя. Во дворе — ладно, до утра оставайтесь. А внутри нельзя. Я же сказал: спирт там у нас.

Я медленно выдохнул через нос и предпринял еще одну попытку:

— Гриша, ночи уже холодные. Детям надо поспать в теплых постелях. Автобус их уже утомил. Помыться им надо. В туалет по-нормальному сходить...

Гриша тяжело вздохнул и снова покачал головой:

— Нельзя, говорю же. Спирт там у нас! — и пошел к дверям, давая понять, что разговор окончен.

Впрочем, дойти до дверей он не успел, а успел он негромко охнуть и мягко осесть на крыльце, уронив автомат на и без того растрескавшуюся плитку.

Я с непонятной для себя грустью посмотрел на аккуратную дырку в бритом Гришином затылке, из которой тут же начала сочиться кровь, а потом повернулся к Палычу за разъяснениями.

Так и есть, Игорь держал в ладони малюсенький, словно игрушечный, пистолет ПСМ с глушителем — такие штучки я в свое время видел у ребят из Седьмого управления.

— Устал я... — Палыч снова глядел пустыми глазами на розовых хрюшек. — Устал я спорить с каждым говном! — добавил он раздраженно и пошел к упавшему телу.

Я осмотрелся по сторонам, но дети пока ничего не заметили, зато заметил Васильев, вставший в напряженной позе за капотом «форда» с пистолетом в руках.

Вместе с Палычем мы потащили тело громилы внутрь, кряхтя от натуги — здоровый оказался кабан, килограммов под сто двадцать, не меньше.

Внутри помещение оказалось заставлено штабелями картонных ящиков — ящики стояли вдоль каждой стены, оставляя для прохода совсем немного места. Во всяком случае, тело убиенного мы протащили с огромным трудом.

Я сходил на разведку на второй этаж и обнаружил, что там в отличие от первого этажа сохранился полный порядок — видимо, таскать спирт на второй этаж новым хозяевам было лень.

Я быстро пробежал по всему этажу, отметив две палаты с заправленными детскими кроватками, кухню и даже душевую.

— Порядок! — доложил я Палычу. — На втором есть все, что нам надо!

Игорь устало вытер пот со лба и ответил совсем невпопад:

— В следующий раз буду стрелять уродов только у могилы. Такая туша, блин. Я, похоже, спину потянул...

Я сделал еще один быстрый обход, теперь уже первого этажа, убедился, что Гриша и впрямь тут сидел один-одинешенек, и заодно нашел нечто вроде дворницкой, где лежали

метлы, фанерные лопаты и прочий хлам.

Туда мы тащили проклятое тело еще минут тридцать, вполне осознавая, что надо спешить — ведь дети могли в любой момент сунуть свои любопытные мордашки в столь привычное и родное для них типовое здание детского садика.

Усадив покойника в углу кладовки, я перетащил туда несколько ящиков спирта из коридора — во-первых, расширил проход на второй этаж, а во-вторых, хоть как-то прикрыл несомненное безобразие.

А Палыч тем временем прогулялся по дому и, судя по доносящимся до меня звукам, нашел наконец туалет и вождеденную раковину с водой. Теперь раньше чем через полчаса он оттуда не выберется. Такую истерику простой помывкой рук не успокоишь — ему сейчас впору с головой в раковину засунуться...

Я вышел во двор, и меня тут же окликнул Валера, уже без пистолета в руках, но все равно встревоженный донельзя:

— Ну, что там у вас, Тошка?

Я отвел его в сторону от совершенно распоясавшейся малышни и в двух словах рассказал последние новости.

К моему немалому удивлению, Валера без колебаний одобрил убийство Гриши:

— Палыч все правильно сделал. Ты бы еще полночи этого урода уговаривал, а ночью он бы своих вызвал, и тогда бы уже мы дырки у себя в черепах конопатили...

Я пожал плечами. Своего мнения у меня на этот счет не было, а Чужой озадаченно молчал, еле заметно пульсируя где-то в самой глубине моего подсознания.

Деду решили ничего не говорить — какая ему разница, на каких условиях мы арендовали этот дом?..

Зато Олег Меерович очень обрадовался, узнав, что весь второй этаж остался неприкосновенным, и тут же принялся раздавать команды старшим детям, безропотно принявшим на себя обязанности воспитателей и нянечек для малышни:

— Саша и Паша! Ведите своих за дядей Антоном! Ксюша и Лена — тоже соберите свою группу и быстро на второй этаж. Будем мыться, кушать горячее и спать в кроватках!

— Ура! Кушать горячее! Спать в кроватках! — раздались со всех сторон жизнерадостные вопли, и дети забегали по двору с удвоенной скоростью, хохоча и повизгивая, когда их все-таки отлавливали и тащили в дом.

Глава восемнадцатая

За весь этот вечер никому из нас не удалось и минуты посидеть спокойно — процесс помывки, а потом еще и кормления трех с лишним десятков детей совершенно подорвал наши силы. Наверху нашелся небольшой запас каш и сухого молока, а внизу, в гнезде Гришани, мы нашли два ящика тушенки, так что процесс приготовления ужина был прост, но вот сама процедура кормления оказалась совершенно изматывающим аттракционом, после которого, кстати, детей снова пришлось отмывать...

Малышня успокоилась и затихла в кроватях только часам к десяти, и только тогда мы смогли спуститься вниз и немного расслабиться, устроившись в расчищенном от ящиков холле, где обнаружился телевизор, два дивана, кофеварка и даже микроволновая печь.

Мы разделили сутки на четырехчасовые дежурства, бросили жребий, и первым дежурить выпало Палычу. Он стоически принял этот удар судьбы, забрал чашку горячего кофе и вышел во двор, на прощание попросив не сжигать все запасы каких-то необыкновенно вкусных галет, обнаруженных нами в Гришиных кладовых.

Еще мы нашли Гришин сотовый телефон, и Палыч забрал его себе, резонно предположив, что подельники покойника наверняка позвонят, прежде чем явятся сюда.

Васильев уселся перед телевизором со стаканом водки и папиросой. Блаженно щурясь, он щелкал каналами, которых здесь было удивительное множество — видимо, хорошая антенна.

Олег Меерович устроился возле книжного шкафчика и увлеченно рылся в какой-то сугубо специальной медицинской литературе, изредка похрустывая галетами, которые он запивал чаем из огромной литровой кружки, найденной тут же.

Я сидел на диване с чашкой кофе и раздумывал, не прилечь ли мне — меня слегка знобило.

— О! — сказал вдруг наш психиатр и задумчиво посмотрел на меня: — Скажите, Антон, а у вас плечо не зудит?

Я прислушался к своим ощущениям и немедленно признал, что таки да, зудит немного.

— Тут пишут, что в случае глубоких поражений мягких тканей, помимо наружной стерилизации, больному обязательно следует принять антибиотики. Иначе у вас разовьется гангрена, — торжественно объявил Олег Меерович и с профессиональным интересом взглянул на меня. Типа, не лезет ли уже из моего плеча наружу гангрена.

Я судорожно сглотнул свой кофе, отставил чашку в сторону и снял куртку.

Бинты потеряли былую белизну, превратившись в серую растрепанную тряпку, а кожа вокруг действительно была угрожающе красной.

Психиатр подошел поближе и стал пристально рассматривать мое плечо, сверяясь с описанием симптомов в своей книжке.

— В общем и целом похоже, — констатировал он.

— Похоже на что? — спросил я, заранее обмирая от жалости к себе.

— На развитие гангрены, разумеется, — пожал плечами Олег Меерович. — Но вы не пугайтесь, я нашел на втором этаже огромное количество самых разных антибиотиков.

Дед выгрузил из кармана брюк на стол несколько пузырьков.

— Правда, они все немного просрочены, но это несущественно. Валера, вы мне поможете?

— Конечно, — плотоядно улыбнулся Васильев и тут же встал на ноги, показав психиатру штык-нож: — Где резать будем?

— Резать? Резать будем здесь.

Олег Меерович показал на мои грязные бинты, а сам начал возиться с пузырьками, срывая с них крышки и наливая туда кипяток из кофейника.

Валера разрезал грязные бинты, и я отвернулся в сторону, не желая смотреть на то, что было под ними.

Тем временем психиатр управился со своими склянками и тоже подошел ко мне:

— Вы, Антон, действительно лучше глаза закройте и поспите. А мы пока прочистим рану, как рекомендуют в этом учебнике, обработаем ее антибиотиками, укольчик сделаем. Верно, камрад Валера?

Чьи-то руки принялись осторожно отдирать присохшие бинты, и я услышал первый комментарий Васильева:

— Не выбрасывайте! Это нужно сохранить для патологоанатомического исследования.

— Э-э, коллега, а наш пациент никому не завещал свои органы? — бодро подхватил психиатр. — Здоровая почка стоит на черном рынке двадцать тысяч. А у него их две! Как вы думаете, он заметит пропажу?

— Можно вынуть по-тихому, пока он спит...

Наконец бинты оторвали, но я не почувствовал той боли, которую испытал, когда с меня вчера срывали футболку. Неужели и впрямь началось омертвление тканей? Я осторожно приоткрыл один глаз и покосился налево, но там суетились сразу четыре руки, смазывая рану каким-то гелеобразным составом из стеклянных баночек. Я тут же разочарованно отвернулся, но Васильев таки заметил мои движения.

— Ух ты, ни хрена себе! У вас, случайно, нет с собой фотоаппарата? — громко поинтересовался Валерка, и я, разумеется, широко раскрыл глаза и завертел головой, пытаясь увидеть, что же такого страшного случилось с моим плечом.

— Проклятье, из учебника вырвана страница! Как раз на самом нужном месте! — огорченно воскликнул Олег Меерович.

Тут я понял, что они просто издеваются, и решил больше не давать этим упырям повода для подначек.

Я демонстративно прикрыл глаза и стал думать о том, как сейчас классно проводят время Ленка с Лизкой. На Лазурном берегу сейчас самый высокий сезон, поэтому осталась только приличная публика. Деньги у них теперь есть, спасибо столичному клерку и межбанковской системе переводов, так что проблем не должно быть никаких.купаются девушки, наверное, по пять раз в день, ананасы рябчиками заедают. Только вот новости по телевизору должны здорово портить им настроение. Ну так для решения этой проблемы есть телефон, жаль только, не везде сейчас мобильники устойчиво работают...

Олег Меерович сделал мне укол прямо в плечо, а потом они с Валерой долго спорили, как правильно бинтовать мою рану. В конце концов они решили забинтовать меня дважды, причем из выбора очередности эти клоуны устроили целое шоу, трижды сыграв вничью в камень-ножницы-бумага, пока не победил Васильев. Он первый и забинтовал меня, ограничившись только зоной поражения.

Олег Меерович бинтовал вторым номером, и свои бинты он пустил через все мое туловище, утверждая, что так повязка будет держаться много надежнее — якобы ему об этом рассказывали на каких-то курсах повышения квалификации тридцать лет назад.

Мне было уже все равно — они оба успели мне надоесть, и я тихо радовался, что не получил ранения в голову или, скажем, в задницу. Представляю, как бы они тогда на мне оторвались! Лучше, наверное, сразу помереть от потери крови...

Перевязанный, я им стал совершенно неинтересен, и Валера включил телевизор погромче, усевшись с дедом на соседний диван.

Судя по тому, что я пару раз видел на экране карманного телевизора, новостные выпуски стали редким явлением на всех без исключения каналах. По большей части транслировали концерты или ток-шоу, а странные, а иногда откровенно безумные прямые включения из региональных студий никакой ясности добавляли.

Сейчас по национальному телеканалу как раз транслировалось подобное включение из региональной студии «РТР-Кубань», и мы все насторожились, потому что ситуация на юге в последний месяц была для обывателя загадкой номер один. А ведь нам туда ехать.

— Мы ведем свой репортаж из Краснодарской студии. У нас в гостях лидер движения «Единая Кубань» Трофим Федотов, который от своего имени и от имени всего движения хотел бы поздравить кубанцев с Днем независимости Кубани! — улыбнулась ведущая и прямо в кадре нацепила на себя грандиозных размеров кокошник. В сочетании с микроскопическим бюстгалтером, нацепленным на ее огромную, мясистую грудь, этот жест выглядел жесткой пародией или прямым заимствованием из какой-то отважной лубочной порнухи времен ранней перестройки.

Впрочем, затем в кадре появился черноволосый усатый субъект в костюме и даже при галстуке. Заметно нервничая, он начал читать в камеру текст по бумажке. С каким-то непостижимым, фантастическим чутьем номенклатурный чиновник сглатывал самые важные, информационно существенные слова, и поэтому его речь воспринималась как бред сумасшедшего:

— Дорогие хрнмырнцы! В последнее время нам с вами жилось ойкныркнвл, а потому непросто. Усугубились хрркнл, к ним добавились фырркнл и хныркнл, мы пережили мырр, пырр, и даже кнырр. Все это повлияло на настроения людей. Поэтому справедливо звучит вопрос: «Что будет с хрнмрн?» Несмотря на грркнл, нам удавалось смягчить удары тырркнл. Принятые мырмркнл адекватные бырбркнл позволили удержать хырркнл в приемлемом диапазоне. Сегодня регион обеспечен гырнымркнл, картофелем и овощами. Уже начала осуществляться программа тыррмнбл, выплачиваются пынвблклры, стабилизируется обстановка в грнбрте. Это будет проводиться наряду с беспощадной борьбой с хрынрвркнл, гркнвнкркнл и проституцией. Конечно, эта кгркнл не обходится без отдельных ндкыркнл. Но демократия вовсе не означает блдныркнл, как понимают некоторые хркнлл, построившие себе виллы в лнднпкнл на народные деньги! Мы и дальше будем хркмылкнл, бзвпрскнл и

трнклв, несмотря на клнвкрл и даже ПАСЕ.

У нашего многонационального дрнклвнп есть огромный хрнпвкл и духовный брпрдвкл, и он неисчерпаем! Мы должны создать...

Валера стряхнул с себя гипнотическое оцепенение телеэкрана и тут же переключил канал, ошарашенно оглядываясь по сторонам.

— Они там теперь что, траву прямо в студии курят? — спросил он у Олега Мееровича, но тот только махнул рукой:

— Какая трава, молодой человек!.. Это же типичный психопатоподобный синдром, характерный для вялотекущей шизофрении. Патологическое увлечение сверхценной идеей спасения региона на фоне нулевого критического восприятия приводит к...

— Все понял, — быстро отозвался Валера, и психиатр обиженно умолк, вызываяще шумно выпуская дым папиросы прямо в экран.

А вот на Первом канале показывали мультфильмы. Что интересно, время было уже недетское, почти полночь. Впрочем, и мультик тоже был тот ещё в тумане». Валера посмотрел недолго на ежика, потом хмыкнул и, явно подлизываясь к Олегу Мееровичу, сказал

— Анекдот есть про этот мультик. Звучит так— «? Мама, мама, я ходил к пруду за сладкой осокой! Но там сидит кто-то страшный, я его боюсь!» — «Во-первых я не мама, а лейтенант милиции Иванов, а во-вторых про траву давайте поподробнее». Или это про енота было?

— Но вообще странный какой-то этот мультик, верно? Недетский он.

Психиатр покосился на Валеру и осторожно ответил:

— Если хотите, могу все быстро объяснить. Но при условии, что не будете перебивать. Нам на курсах по вышения квалификации про это дело отдельную лекцию читали.

Валера кивнул, и Олег Меерович принялся объяснять, тыча папиросой в экран:

— Этот мультфильм является визуальным изложе сами — композиция сказки построена на пространственном перемещении главного героя вдоль границы двух миров, реального и потустороннего. Ежик отправляется в путь в сумерках, в период перехода от дневного света к ночной тьме. Так?

Валера сумрачно посмотрел на психиатра, но ничего не сказал, и дед обрадованно продолжил:

— Самое главное существо, ради которого ежик спускается в туман, — лошадь. Она, кстати, белой что сразу переводит ее в систему образов загробного мира. При этом не только в религии, но и в сказках лошадь представляется заупокойным животным. Лошади вечно перевозят покойников из Царства живых в Царство мертвых. Так что стремление узнать, что происходит с лошадью, можно оценивать как интерес к явлениям потустороннего мира, путешествие — это путь познания, проходящий через границу двух миров.

Тут даже я открыл рот и вытаращил глаза..

— Вы же вроде трезвый, Олег Меерович!

Психиатр недовольно покосился на меня и продолжил тусклым лекторским тоном, тыча погасшей папиросой в экран:

— Обратите внимание — ежик встречает дерево, дуб. Это ведь тоже символ, причем еще какой!.. Это яркий образ Мирового Древа, которое топографически проходит сквозь границы трех миров — хтонического, земного и небесного, являя собой структуру Всеобщего Космоса.

— «Хтонического»? Ежик? Это жость, это я запомню, — потрясенно отозвался Васильев, лихорадочно закуривая папиросу и теперь уже не отводя изумленных глаз от мультфильма.

— Дальше — сложнее, — предупредил Олег Меерович. — Смотрите. — Он снова показал на экран. — Величие дуба так потрясает ежика, что он теряет узелок с малиновым вареньем — волшебный предмет, символизирующий связь героя с реальным миром. Ведь варенье он нес для медвежонка — персонажа реального мира!

Я смотрел то на экран, то на деда и никак не мог понять, шутит он или говорит все это всерьез. Его слова были такими значительными и так легко укладывались в мультипликационный контекст, что с трудом верилось в мистификацию. С другой стороны, мы ведь тарасились в типичный детский мультфильм, который вовсе не нуждался в символических трактовках со стороны дипломированных психиатров.

— Целью путешествия ежика была встреча с медвежонком, — продолжил лекцию Олег Меерович. — Видите, эти звери вместе считают звезды, а звезды — это символ верхнего мира в архаической мифологии! — Распаясь, торжествующе закричал психиатр, и мы с Валерой с одинаковой тревогой посмотрели на него.

— В этом действии виден мотив познания и одновременно подтверждение другого сакрального знания — о бессмертии. А вот и подтверждение — они жгут можжевеловые веточки! Это же символика смерти!..

— Да-а-а, — переглянулись мы с Валерой, и Олег Меерович тут же обиженно замолк.

— Потом будет тема рыбы как эквивалента нижнего мира, но об этом, я вижу, вам уже неинтересно слушать, — закончил психиатр и поднялся. — Ладно, пойду послушаю, как детишки спят.

Тяжело ступая, Олег Меерович побрел по темному коридору, и некоторое время мы прислушивались, как он там натывается в потемках на коробки и тихо, интеллигентно ругается, а потом Валера показал мне на титры, которые пошли по экрану:

— Как ты думаешь, авторы мультфильма о такой трактовке слышали? Или дед сейчас просто прикалывался над нами?

Я искренне пожал плечами:

— Хрен их поймешь, психиатров. Разве ж это люди?

— Ну, в нашей, архаичной мифологии.

Валера понятно хрюкнул и снова переключил канал, небрежно оборонив:

— В моей архаичной мифологии ты, кстати, типичный хтонический дятел. Кстати, не знаешь, что такое «хтонический»? По-моему, на физмехе такими словами публично не ругались...

Я открыл было рот, чтобы обозвать Валеру сакральным енотом, но вдруг увидел на экране телевизора себя и ткнул туда пальцем.

Васильев прибавил звук, и мы услышали захлебывающийся от восторга комментарий ведущего:

— ...воплощает народное движение «Восточные медведи», или «Гризли», как их еще называют. По нашей информации, участники этого движения были замечены также и в Москве, где недавно разогнали банду мошенников, несколько лет терроризирующих целые микрорайоны в районе Волоколамского шоссе...

В качестве иллюстрации на экране пошло черно-белое видео, снятое явно камерами наружного наблюдения.

Мы с Валерой с интересом поглазели, как выглядел со стороны акт воспитания барсеточников, а я в очередной раз убедился, что в Москве шагу нельзя ступить, чтобы не попасть в объектив.

Потом показали наш «Икарус» и детей, азартно прыгающих на сиденьях, после чего пошли длинные, скучные панорамы каширского митинга и любопытный закадровый текст:

— Рабочие трех местных заводов — ОАО «Гофрон», Каширского завода металлоконструкций и литейного завода «Центролит» — возродили народные дружины, которые смогли успешно противостоять бандам экстремистов и мародеров, действующих по всему Подмоскovie. На митинге рабочие тепло приветствовали лидера движения «Восточных медведей» Антона Пожарского, а «гризли», в свою очередь, передали местным властям автобус с детьми, который они буквально вчера отбили у Лыткаринской банды. Заметим, что люди по всей стране рассказывают о подвигах лидеров движения «Восточных медведей», а жест, которым участники приветствуют друг друга, стал уже нарицательным среди тех, кто не хочет мириться с произволом бандитов и экстремистов...

Тут снова показали меня, уже на «хаммере», с мегафоном в левой руке, и я в замедленном повторе увидел свой правый кулак, прижатый к виску. Припоминаю, что я вообще-то, вытирал пот, сжимая в кулаке носовой платок, но ведь телевизионным репортерам совершенно неважно, что в реальности демонстрируется, даже на их собственном видео, — в тысячу раз важнее, что скажет на озвучке главный медийный жрец, он же телеведущий.

Сюжет завершили панорамой по нашему «форду», отдельно останавливаясь на каждой оскаленной медвежьей морде. Фамилии Сыроежкин в финале я не услышал, так что было ясно, что, получив или стибрив видео без авторского комментария, местные телевизионщики просто домыслили картинку собственными рассуждениями, как это происходит на ТВ сплошь и рядом.

Тут же, без перерыва на рекламу, началось какое-то реалити-шоу, в котором полуголые молодые люди с отчетливо видимыми эрегированными членами рыли грандиозную землянку сразу на двенадцать нар, и Валера разочарованно переключил канал, заведя опостылевшую телевизионную сутенершу.

— Как, значит, «Восточные медведи» друг друга приветствуют, вот так?.. — Васильев дурашливо приложил правый кулак к виску.

— Палец указательный выпрями и прокрути три раза, — посоветовал я, вставая.

Я подумал, что давно не видел нашего психиатра, кроме того, мне стало интересно, как там проживают дети.

Я прошел по темному коридору, задевая плечами штабеля коробок, но уже на лестнице стало свободно, а в коридоре второго этажа мягко светил ночник, сооруженный из настольной лампы и оконной портьеры.

Возле лампы сидел в кресле Олег Меерович и безмятежно спал, изредка шевеля мохнатыми бровями и довольно музыкально похрапывая.

Я прошел по коридору вдоль обеих спален и сквозь распахнутые двери осторожно взглянул на детей.

Ребята тоже все спали, причем по-настоящему, без стонов, вращений и прочей суеты. Они только шумно дышали — шумно, но ровно и глубоко, и сам вид этих успокоившихся наконец детишек заставил меня расправить плечи и тоже глубоко вдохнуть.

Я пошел назад, показав на прощание спящим детям сжатый возле виска правый кулак, и сам себе улыбнулся. «Восточные медведи»? Да хоть западные ежики! Все будет нормально. Лично у меня в этом нет никаких сомнений. Я просто убью каждого, кто будет сознательно мешать или бессознательно путаться у нас под ногами.

В моей архаичной мифологии сейчас работает только один архетип — помповое ружье. И пока я в состоянии передергивать его затвор, моя мифология будет первичной, опережая и бытие, и сознание первобытных ублюдков, так неожиданно и подло захвативших мою страну.

Чужой тут же согласно откликнулся, едва заметно шевельнувшись у меня в подкорке, и я действительно поверил, что все будет хорошо.

Глава девятнадцатая

В каширском садике мы провели еще сутки — уехать сразу, на следующий день, не удалось, потому что половина детей, в основном малыши, с утра наперебой принялись жаловаться на больные животики и страдали жесточайшим поносом до самого вечера.

Этот день стал одним из самых запоминающихся в моей жизни — еще и потому, что безглиный до обморока Палыч категорически отказался от исполнения общественной повинности в виде стирки десятков загаженных детьми простыней, и мы с ним поссорились — глупо, шумно и скандально.

В результате Палыч позорно бежал из садика на «форде», объявив во всеуслышание, что отправляется на поиски солярки для «Икаруса».

Днем мы с Олегом Мееровичем провели ревизию съестных припасов, но так и не нашли ничего подозрительного. Дед объявил, что речь идет о «психосоматическом расстройстве на фоне бурного стресса». Впрочем, лечили мы детей все равно не психиатрическими лекциями, а банальным бисептолом, и это лекарство, в отличие от лекций, действительно помогло.

Аккурат к финалу поносной эпидемии, когда вялые и бледные дети уныло лежали в кроватках, отказываясь погружаться в дневной сон и требуя от дяди Антона очередной сказки, вдруг ожил мой мобильный телефон.

— Привет, родное сердце! Наконец-то ты в зоне приема! — обрадовалась Ленка и тут выложила на меня ворох своих французских новостей: — Лизка в порядке, лопает фрукты, купается и знает уже больше французских слов, чем я русских... На всех местных курортах введен комендантский час, потому что ночные грабежи магазинов стали все-таки массовым явлением... Туристов мародеры пока не трогают, но некоторая нервозность в отеле ощущается, особенно по ночам...

Деньги Ленка получила, но сумма в десять тысяч евро кажется ей подозрительно огромной, даже с учетом того, что половина денег принадлежит Палычу.

— Ты там что, убил кого-то? — спросила жена, и я чуть было не ответил, что да, действительно убил, и даже не раз и не два.

Кстати, а сколько народу мы успели убить за последние дни, вдруг призадумался я, но меня оторвали от этих размышлений жалобы близнецов Саши и Паши — они, как большие, хотели устроиться на унитазах, а не на горшках, но все семь унитазов туалета опять были заняты девочками.

Пока я сгонял заболтавшихся девиц с унитазов, восстановив справедливость в отношении нетерпеливо переминавшихся рядом со мной пацанов, Ленка потрясенно помалкивала, видимо, прислушиваясь к нашей возне, но потом все-таки спросила:

— Ты чем там занимаешься, Тошка? Ты где вообще?..

— Не поверишь, в детском саду! — отозвался я, но она, разумеется, не поверила.

— Я же слышу какие-то блядские голоса! Ты в борделе, что ли?! — возмущенно заголосила она, и я подумал, что никогда еще Ленка не была так далека от истины в своих предположениях.

— Лен, я тебе потом все подробно доложу.

Я выключил трубку, не дожидаясь возражений. Меньше всего мне хотелось повторять утреннее шоу с нервными выкриками и гневными обвинениями — дети могут решить, что я типичный скандалист, а мне не хотелось так низко падать в их чистых и светлых глазах.

Впрочем, рядом стоял все понимающий Олег Меерович. Он медленно пожевал воздух огромными, как у негра, губами и с фальшивым сочувствием спросил:

— Женщина не верит? Это бывает. Они ведь и сами такие непредсказуемые существа. Женщина — это такая загадочная «вещь в себе», которая в любой момент может из себя выйти, — подытожил он, явно гордясь собой.

Я пожал плечами, бросая нетерпеливый взгляд в туалет, откуда все никак не могли выйти теперь уже мальчики. За ними следовало обязательно и тщательно все смыть и еще вымыть им попы и руки, чтобы кишечная инфекция, если это была кишечная инфекция, не распространялась бы снова по своему извечному циклу рот—попа—руки—рот.

Заметив, что деваться мне некуда, Олег Меерович с мягкой улыбкой встал напротив и начал рассказывать очередную историю из своей бурной молодости:

— Помню, в пятьдесят восьмом году, зимой, приезжаем мы с ребятами из Мединститута в санаторий под Кубинкой. Нам студенческий профком тогда бесплатных путевок на всю группу выделил. А в санатории уже живут девчонки из другого института. Ну, мы с ними, конечно, хотим познакомиться, а как? Вышли на улицу, там снега по колено. Придумали — кричим девчонкам: — Давайте, мол, в снежки поиграем! А те легко так соглашаются. Ну, мы свою крепость быстро построили, пошли в атаку, и тут такое началось!.. Потом оказалось, что девушки учатся в Спортивном институте на отделении

гандбола. Поэтому они, во-первых, никогда не промахиваются, а во-вторых, когда в тебя попадают, делают тебе верный нокдаун. Впрочем, — печально добавил психиатр, яростно пожевав губами, — тогда случались даже нокауты.

Тут, очень вовремя, закончили свои дела близнецы и примкнувшие к ним товарищи по несчастью, и мы, вместе с дедом и Валерой, приступили к исполнению обязанностей санитаров сумасшедшего дома, переживающего эпидемию дизентерии.

Только три часа спустя, примерно к вечернему файв о'клоку, дети все-таки успокоились, а многие даже заснули, и мы поняли, что победили.

— Надо бы это дело обмыть, — строго сказал Васильев, спускаясь на первый этаж, в холл, ставший для нас офицерской кают-компанией.

Впрочем, внизу Валеру ждало разочарование. Он то хлопал себя по лбу, то выглядывал в мутное немытое окно, глядя на асфальтовую площадку, где еще утром стоял «форд», и причитал:

— Как же это я запамятовал! Как же я мог это допустить! Ну, ё-мое!

Оказалось, в «форде», в багажном отделении, хранились два ящика водки, один из которых Валера успел уже распечатать. И вот теперь приходилось волноваться не только за судьбу Палыча, но и за сохранность столь важного груза.

— Палыч, конечно, редкий дятел, — возмущался Валера. — Всякое дерьмо вроде фамильных драгоценностей он, значит, выгрузил. А два ящика водки забыл!

Два! Ящика! Водки! Ну, разве он не дятел?..

Эти стенания продолжались, пока мы с психиатром не указали ему на штабеля со спиртом, которыми был заставлен весь первый этаж детского сада. — Я этот спирт в рот не возьму, — брезгливо отмахнулся Васильев. — Это все равно что кровь пить. Причему покойников, — предложил он странную аллегория, но я не стал с ним спорить, потому что ужасно устал за этот день.

Я сварил себе кофе, включил телевизор, уселся на диван, блаженно откинувшись на спинку, и никакой водки мне уже было не надо.

Олег Меерович вывалил на тарелку банку тушенки, затолкал ее в микроволновку и в бесцельном ожидании пошарил глазами по сторонам. Потом усмехнулся и поставил перед Валерой пустой стакан:

— Напиток называется «Коктейль «Не понял"», — объяснил он.

Валера заглянул в стакан и разочарованно сказал:

— Не понял?

Мы с дедом прыснули, а Валера надулся, забрал у меня пульт и начал молча щелкать кнопками, даже не вглядываясь особо в то, что творилось на экране.

Впрочем, там ничего интересного не происходило — ретроспектива из устаревших для кинопроката фильмов или сериалы — вот и все, чем могли порадовать обывателя вечером российские медиамагнаты. Даже когда часы показали ровно семь вечера, ни один из каналов не разродился программой новостей — то ли сказать было нечего, то ли некому.

Когда во двор въехал «форд», я уже дремал на своем диване, шурясь в телевизор — там шел какой-то азиатский боевик, в котором громко кричали, часто стреляли и редко попадали. В общем, все, как у нас...

Валера прогулялся во двор, узнать последние новости, и вернулся уже с Палычем. Они оба принялись требовать от меня невозможного — встать с дивана и помочь им погрузить ящики со спиртом в микроавтобус. Палыч нашел действующий автомобильный сервис, но денег за солярку там брать не желают, а вот на спирт ее менять готовы, причем в соотношении один к одному, что очень возмутило Васильева.

Пришлось встать и потащить ящик спирта в машину. Валера с Игорем успели вытащить во двор еще шесть ящиков, но когда я отправился за следующим, меня остановили — больше в грузовой отсек уже не лезло.

— Ну, и сколько солярки мы за это получим?! — запричитал Валера. — Вот напоить — тут батальон народу получится... — и мы начали считать, сколько это будет, если двадцать

четыре бутылки емкостью в один литр повторить семь раз.

— Восемь-девять канистр я с них точно требуюю — подвел итог Палыч, тщательно запер дверь багажного отсека и полез в кабину. Васильев зашагал было в дом, но вдруг резко развернулся и направился к «форду»:

— Подожди, Палыч, я с тобой! Мало ли как там тебя встретят!

Они уехали, а я пошел к дому мимо низких кустов, которые в сгущающихся сумерках приобретали самые причудливые формы — то ли крадущихся за жертвой крокодилов, то ли развалившихся на травке пьяных гоблинов.

Меня не покидало ощущение дежавю, и только взявшись за ручку двери, я вспомнил, на что это похоже — на мои регулярные дежурства в доме на Очаковской, на которые мне приходилось заступать одному и по вечерам.

Впрочем, одна, но существенная разница была — теперь я не испытывал ни малейшего чувства страха ни перед крокодилами, ни перед гоблинами. Было ясно, что все мои страхи, родившись в доме на Очаковской, там же и умерли — то ли после первой драки с бандитами, то ли после соития на крыше, то ли просто по прошествии времени, когда человек устает всего бояться и начинает просто жить.

Глава двадцатая

Уж снова попытался немного подремать в холле, но на этот раз мне помешал Олег Меерович — я услышал, как он ругает кого-то из детей в спальне на втором этаже, а потом грузные шаги психиатра донеслись из вестибюля.

— Антон! Подойдите сюда, пожалуйста! У нас проблемы.

Весь пол и подоконники вестибюля были завалены пачками фотографий, среди которых не было ни одной приличной. Еще там валялись рулоны фотопленки — видимо, негативы тех самых фотографий.

— Вы представляете, я отобрал несколько подобных фотографий у детей наверху, — рассказал потрясенный Олег Меерович, — а они сказали, что нашли их в вестибюле.

Источник скверны обнаружился быстро — переносной сейф столичного коммерсанта валялся в углу, зияя распахнутой пастью.

Я присел рядом, изучая конструкцию сейфа, когда почувствовал рядом осторожное движение — в коридоре показался мальчик Гарик, издалека, заранее изображающий бурное раскаяние.

— Как ты это сделал? — спросил я, и Гарик самодовольно ухмыльнулся, осознав, что наказывать не будут.

— Когда отец был жив, он мне много чего показывал, — ответил мальчик, несмело улыбаясь.

— Но это же импортный сейф, — удивился подошедший к нам Олег Меерович.

Гарик молча показал канцелярскую скрепку и перочинный ножик:

— Отец говорил, что ключи нужны только дуракам.

— Помогите мне, — попросил я, и мы вдвоем принялись собирать фотографии.

Гарик, чистая душа, стеснялся их рассматривать и сразу складывал в аккуратные стопки, а вот Олег Меерович иногда подолгу изучал отдельные снимки, удивленно приподнимая кустистые брови.

— Что-то новое для себя увидели?.. — Я раздраженно сгреб очередную охапку порнографии из-под ног неторопливого деда.

— А вы разве не узнаете всех этих людей?

Психиатр показал мне несколько фото. Я вгляделся и остолбенел — на снимках были вовсе не порноактеры. Самыми причудливыми извращениями занимались российские политики первой величины!

Теперь я уже сам начал внимательно разглядывать поднятые с пола фотографии, пока психиатр меня не заторопил:

— Антон, скоро все дети проснутся — мы же их потом неделю раскулачивать будем.

Мы сложили компромат обратно в сейф, и я с некоторым стеснением в голосе попросил Гарика запереть его. Тот сделал это с удовольствием — его распирало от сознания своей исключительной ловкости, недоступной даже взрослым.

Потом мы отослали Гарика наверх и немного поболтали с психиатром. Мне было непонятно, почему компромат хранили в таком странном, доисторическом виде, а Олег Меерович рассказал, что цифровые снимки в российских судах даже не принимают на экспертизу.

— Человек, который фиксировал это безобразие на аналоговых носителях, хотел иметь бесспорные доказательства, принимаемые любым судом, — подытожил психиатр, и я с ним согласился.

Палыч с Валерой явились около одиннадцати, когда мы с дедом успели не только покормить детей, но и снова уложить их в постели. Я начал было рассказывать про «фамильные драгоценности», но Игорь отмахнулся от этой новости и заявил:

— Мы тут посоветовались, и я решил — ты с психиатром остаешься сторожить детей, а мы с Валеркой быстренько метнемся в Элисту, разгрузимся, заберем кого надо и пулей вернемся в Каширу, за вами.

Я ждал этого варианта, особенно после того, как они совершили пробный проезд по городу, распределив обязанности на двоих. Видимо, пришли к выводу, что смогут доставить груз, поочередно меняясь за рулем и местом стрелка в салоне.

— Вообще-то деда мы обещали доставить в Волгоград, а не в Каширу, — возразил я, поворачиваясь к приятелю спиной и направляясь в холл. Я хотел публичного обсуждения проблемы, а психиатр сейчас сидел в холле и смотрел телевизор.

— Подожди, давай сначала сами решим, — остановил меня в коридоре Палыч, а Валера выступил у него из-за спины, показал мне бутылку водки и довольно глупо подмигнул. Что-то он в последнее время ежедневно пить повадился... — Ты понимаешь, что ехать с детьми — подвергать их реальной опасности? — Палыч. наклонился усталым и каким-то измятым, истертым лицом к моему лицу.

— Понимаю, — с нарастающим раздражением ответил я. — Только спихнуть их тоже некуда и не на кого, верно?

— Верно, — кивнул Палыч. — Поэтому мы и спихиваем их на тебя. Ты у нас такой один, бляха-муха. К тому же солярки нам дали мало, ее едва на «форд» хватит.

Цо ты не переживай — мы быстро, шмыг-шмыг. — Он показал руками, как быстро они будут шмыгать.

— Молодцы, — с сарказмом выдавил я, понимая, просто очень не хотелось оставаться здесь одному без надежных и верных товарищей.

Потом меня разобрала злость:

— Берите тогда уж и: деда с собой!.. Чего уж там, все равно мне уже деваться некуда! — выкрикнул я злобно, выхватил у Васильева бутылку водки и пошел наконец в холл искать стакан и закуску.

Известие о том, что мои друзья завтра утром отправляются в путь без нас, Олег Меерович воспринял на удивление спокойно.

— Я, собственно, ничего другого и не ожидал, — сказал он, неохотно оторвавшись от какого-то медицинского сериала, а потом, небрежно махнув рукой, закрыл тему: — Ничего страшного. Подождем здесь с недельку, а там, глядишь, все и образуется.

— Как же это все образуется? — ухмыльнулся я.

— Да как-нибудь, — успокоил дед.

Тем временем Палыч с Васильевым затеяли какую-то возню в коридоре, и я, налив наконец себе водки, пошел посмотреть, что они там делают.

Они открыли подвал и перегружали туда ящики со спиртом. Меня приятно поразило, что они даже не пытались привлечь меня к этой действительно тяжелой работе.

Когда мимо в очередной раз прошмыгнул Палыч с ящиком спирта (вот так:

шмыг-шмыг), я поднял брови и стакан в немом вопросе. Игорь остановился на минутку, поставил ящик на пол и ответил:

— Это, конечно, маловероятно, но если Гришины друзья решат сюда наведаться, лучше не иметь в коридорах ничего горячего — один выстрел из подствольника, и у вас тут крематорий на сорок душ. Но это маловероятно — их тут месяц не было и наверняка еще столько же времени не будет...

Палыч отхлебнул водки из моего стакана, поднял ящик и бодро потрусил с ним в подвал, где его уже заждался Васильев, зычно покрикивая снизу.

Перспектива обороны детского садика от банды головорезов мне в голову еще не приходила — доселе я так переживал лишь потому, что работа нянечки меня чрезвычайно изматывала и физически, и морально. То обстоятельство, что нянчить детей мне, возможно, придется в перерывах между обстрелами, несколько упрощало ситуацию. Ведь война — это такая эмоциональная разрядка, в ходе которой ты можешь отвести душу по полной программе, не оглядываясь на дурацкие церемонии и тем более мораль.

Мальчик Гарик отказывается спать в «тихий час» и болтает с соседями по кровати?.. Выходишь во двор и всаживаешь заряд картечи в башку первому попавшемуся на глаза гоблину — и сразу успокаиваешься.

Девочка Ксюша вылила стакан киселя не только на себя, но еще и на только что отмытых от каши Олечку и Аришу?.. Берешь гранату, подходишь к окну и с криком «Как же вы все меня достали!» кидаешь ее в самую гущу гоблинов. Тоже должно хорошо успокаивать, я думаю.

Утешая себя подобными фантазиями, я вернулся в холл.

Сериал, по-видимому, закончился, потому что Олег Меерович хлопотал по хозяйству, сочиняя ужин на нас четверых и уже не отвлекаясь на все еще работающий телевизор.

Я глянул на расписание дежурств, повешенное аккуратным психиатром на стенку возле телевизора, и с неудовольствием отметил, что через полчаса мне предстоит бродить вокруг садика, отгоняя до четырех ночи злых духов. Кстати, сейчас было время дежурства Васильева, но он цинично манкировал обязанностями, надсаживаясь на перегрузке ящиков со спиртом. Дед заметил мое внимание к расписанию и обронил:

— Когда мы останемся вдвоем, дежурства придется отменить. Мы не сможем физически.

Мне эта мысль не понравилась: внезапная атака — это ведь стопроцентный успех. Да и неделя жизни в ожидании внезапного выстрела в спину — это сильный удар по моим нервам. Если я протяну еще с неделю в таком напряжении — у меня в башке целое стадо Чужих поселится. А потом они начнут войну за территорию, и я запишусь к деду на консультацию.

— Нет уж, давайте мы дежурства оставим. Просто дневные смены поручим детям. Будут из окошек по сторонам смотреть, вести журнал «юного натуралиста», — сказал я, сам поражаясь своей замечательной идее.

Психиатр отвлекся от нарезки ветчины — кстати, последнего куса, любезно оставленного нам покойником, — и уважительно заметил:

— Да, это вы хорошо придумали. Днем дети с удовольствием будут играть в шпионов, а мы сможем отдохнуть...

Я сел перед телевизором, налил себе еще водки и цапнул со стола кусок ветчины. Хлеба, увы, не было — его мы подъели еще вчера.

— Жаль, что нам встретился автобус с малышкой, а не со взрослыми школьниками, — вслух подумал я.

Психиатр покачал седой головой, повернулся ко мне и с осторожной улыбкой ответил:

— Нет, что вы, это было бы невозможно. Их бы сразу убили. Разные подростковые культуры в данном случае сработали бы как вещество с антивеществом. Своих ровесников подростки из колонии воспринимают как соперников и обязательно уничтожают, если есть такая физическая возможность, так заведено у всех хищников.

Олег Меерович вынул из микроволновки тарелку с тушенкой и ветчиной и поставил

передо мной. Свою тарелку он поставил рядом, сел, вручил мне вилку и неожиданно спросил:

— Антон, я заметил, что вы совершенно не комплексуете из-за своего небольшого роста и веса. Меня как психиатра это чрезвычайно занимает. Разве вы не испытывали в жизни проблем с дискриминацией поросту?

Я опешил от этих странных, неприятных вопросов и молча уставился на деда, совершенно не понимая, куда он клонит.

Олег Меерович вздохнул:

— Простите, если допустил бестактность. Дело в том, что в свое время я защитил кандидатскую диссертацию, где рассматривал подобные комплексы как особую поведенческую реакцию. Но вы, простите, своим поведением опровергаете мои выводы. Меня это расстраивает. Но, разумеется, не в личном смысле, конечно, а в сугубо научном, — немедленно поправился он.

Я пришел в себя, налил в стакан водки и поднял его повыше, показав психиатру:

— А какие у вас были выводы?

Дед покачал головой:

— Судя по всему, неверные. Ну ладно, не хотите отвечать — не надо...

Я выпил и задумался. Конечно, в моей жизни всякое бывало — в том числе и качественные поведенческие реакции, о которых упомянул психиатр. Господи, как меня только качественно не били на протяжении моей жизни — и втроем, и впятером, а в армии, помнится, даже целым взводом обкуренных узбеков.

Но я всегда вставал, даже если следующая плюха роняла меня обратно. Я все равно вставал, даже если потом опять приходилось падать. Помнится, смешнее всего получилось даже не с узбеками, а с родными, бляха-муха, славянами, в парке Челюскинцев чертову уйму лет тому назад.

Мне было четырнадцать лет, и я был один, и вокруг была ночь, потому что я пошел доказывать себе, что смогу в одиночку пройти через парк, и мне будет ни капельки не страшно.

Мне стало ужасно страшно, едва я увидел темную полосу деревьев за трамвайной линией, которую мне предстояло перейти. Но я пошел, потому что привык делать то, что решил. И еще потому, что обещал совершить этот подвиг одной девочке из параллельного класса. Где она сейчас, эта девица? Я ведь даже имени ее не помню...

Разумеется, в парке меня встретили — их было человек десять, и им было ужасно смешно, что такой маленький пацан, шкет, как они меня обзывали, осмеливается материться и махать кулачками в ответ на пока еще не болезненные, но унижительные шлепки по лицу.

Потом, когда я удачно попал с левой ближайшему весельчаку точно в глаз, удары пошли настоящие. Меня спасло совершенно случайное обстоятельство — поднимаясь с асфальта в совершеннейшем бреду, я снова засветил кулаком в глаз уже другому весельчаку и здорово повредил, едва ли не выбил.

И тогда остальные просто поверили, что время работает на меня — рано или поздно я выбью глаз каждому из них, сколько бы раз мне ни пришлось перед этим упасть на асфальт.

И они убежали. Я стоял, скорчившись от боли, и орал им вслед, кто они такие, но вся эта ватага случайных гопников удирала от меня не оглядываясь.

Я перешел тогда парк дважды — туда и обратно, будучи не уверен, что сумею повторить этот фокус. Еще меньше я был уверен в том, что на меня тогда напали лишь потому, что я был невелик размерами. Главная причина, конечно, в другом — я был один и без оружия.

Зато всякий раз с тех пор, когда мне доводится слышать о победе разума над силами природы, я вспоминаю именно тот эпизод. Но как объяснишь те эмоции психиатру?

— Какие еще комплексы? Что это вообще за наука такая, психиатрия? — с вызовом спросил я, накалывая вилкой кусок ветчины.

Олег Меерович деликатно помалкивал, вяло ковыряясь в своей тушенке.

Тут как раз явились оба наших грузчика, и я взглянул на часы — было два часа ночи.

— Пятьсот коробок сделали, — выдохнул Палыч, уронив свое мускулистое тело на диван рядом со мной.

Васильев плюхнулся по соседству и молча протянул руку, в которую я понятиливо вложил ополовиненную мной бутылку водки.

— А сколько там всего коробок? — светским тоном осведомился Олег Меерович, цепляя на вилку очередной кусочек мяса.

— Тысяча сто, — ответил Игорь, трагически подняв брови, а потом еще поведя носом в сторону наших тарелок.

— Все готово, — тут же отозвался на это движение дед. — Ваши тарелки в печке, только кнопочку нажмите, а потом забирайте.

Палыч посмотрел на Васильева, но тот был занят — блаженно улыбаясь, лакал водку прямо из горлышка. Тогда Игорь шумно засопел, встал с вызывающим кряхтеньем, сделал целых два шага к микроволновке, нажал там на кнопочку и быстро вернулся на диван, а потом, укоризненно разглядывая Васильева, спросил:

— Я, бляха-муха, тебе еще и ужин должен готовить?

Васильев даже не шелохнулся, и тогда Игорь повернулся ко мне:

— Тошка, ты не переживай: спирт в коридорах мы не оставим. Мы сейчас быстренько пожрем и закидаем все остальное в подвал.

Я равнодушно кивнул, доедая свою тушенку. Было понятно, что за мое согласие остаться здесь с детьми эти двое способны на любые подвиги.

— Не волнуйся, в смысле денег все остается как договаривались, — вдруг снова вскинулся Палыч, с тревогой вглядываясь в мое лицо. — Мы все получаем по тридцатке за доставку и еще двадцатку премиальных.

Ты — тоже. Никаких проблем, понимаешь?..

Я с фальшивой любезностью улыбнулся ему и, отобрав у Васильева бутылку, налил себе еще водки.

— А что, Олег Меерович, не покарают ли нас боги психиатрии, скажем, за неумеренное пьянство? — Я демонстративно, с шумом, прихлебнул из своего стакана.

— Человека карают только те боги, в которых он верит, — ответил дед, строго глядя на меня.

Я улыбнулся им всем, даже Васильеву:

— Да ладно, не переживайте вы так за меня, орлы! Прорвемся.

— А никто и не переживает, — сказал Палыч, забирая обе тарелки из микроволновки. При этом у него откровенно дрожала правая рука и нервно подрагивала щека под левым глазом.

Похоже, коробки были и впрямь тяжелые.

Глава двадцать первая

Палыч и Валера собрались утром, едва рассвело. Спать им довелось меньше трех часов — последние сто коробок в подвал не влезли, и их пришлось таскать на крышу. Еще (видимо, в качестве бонуса) они вытащили начавший пованивать труп Гришани из дворницкой и унесли куда-то за пределы двора, к трансформаторной будке или даже дальше.

Потом Палыч расщедрился на дизель-генератор, сказав, что в Элисте за эту потерю как-нибудь отмажется, а мне вручил ящик одноразовых гранатометов, правда, так и не показал, как ими пользоваться, так что этот ящик я отнес на крышу.

Еще я забрал у них два автомата и все шесть магазинов. Валера поначалу жадничал, но Палыч резонно заявил, что этого добра, патронов к «Калашникову», они насшибают по дороге хоть вагон, а вот мне взять их будет действительно негде...

Валера с этим аргументом согласился, но вот когда я потащил в садик один из двух ящиков водки, Васильев заверещал так, что я испугался за детей — проснутся ведь.

— Тошка, да как же мы без водки поедим? — причитал Валера, встав на пороге детского учреждения и закрывая проход своим телом.

— Валера, у тебя остается еще ящик! — рявкнул я, потому что держать на весу ящик было непросто — левое плечо еще побаливало, хотя уже не настоящими, а какими-то призрачными, фантомными болями.

— Всего один ящик! На три тысячи километров дороги! — по-бабьи заголосил Валера, показывая окружающим то один, то три растопыренных пальца.

Он бы еще долго выламывался, но его пристыдил Палыч, который сказал, что за наличные спиртное можно раздобыть даже в Африке. А уж в России — тем более.

Валера вроде успокоился, но, пропустив меня, метнулся к багажному отсеку «форда» и запер его на ключ — чтобы я больше ни на что не покушался.

Я отнес водку в холл и сразу вернулся — мне было тревожно за ребят и хотелось посмотреть на них подольше. Вдвоем проходить маршрут, по которому рискнет пройти не каждая армейская колонна, — это серьезно. А если говорить начистоту — вообще нереально. Скорее всего, они не дойдут. И они знают это. Просто ни у кого из нас нет выбора — правило движения задано раз и навсегда, и не нам выбирать направление...

Я пожал руки Палычу и Валере, потом то же самое сделал Олег Меерович, и «форд» выехал за ворота. Мы помахали ребятам на прощание, и, пока я запирали ворота цепью на замок, психиатр, глядя вслед микроавтобусу, сказал:

— Мне представляется невероятным, что они доедут без потерь. Или что они вообще доедут. И кстати, объясните мне, какой вообще смысл в этом вашем предприятии? Там, в Элисте, может, давно уже и нет Никакого филиала этого вашего ООО...

Я убрал ключ от ворот в карман брюк и ответил:

— Нас нанимали не смысл искать. За эту работу нам реальные деньги полагаются.

— А-а, деньги! — понятиливо кивнул дед, и мы пошли по асфальтовой дорожке к парадному входу. Было уже почти восемь утра, и дети уже наверняка проснулись.

Наверху действительно творился настоящий бедлам. Детишки не просто проснулись — они устроили бой подушками палата на палату. Когда мы с Олегом Мее-ровичем явились умирять бунт, дед, который самонадеянно шел первым, схлопотал в лоб сразу три подушки подряд, так что мне пришлось вмешаться, забежав вперед, перехватывая летящие в нас «снаряды» и возвращая их по надлежащим адресатам, самым активным бойцам.

Победа далась нам дорогой ценой — у Олега Мееровича, судя по его изумленному и потерянному виду, была полностью утеряна вера в будущее человечества, а я обзавелся натуральным фиолетовым бланшем под правым глазом — скромная девочка Ксюша, с виду суший ангел, а внутри — чертенок в юбке, удачно метнула в меня вместо подушки плюшевого мишку, который держал под мышкой бочонок как бы с медом. Этот бочонок и вошел мне в скулу ровным; чуть шершавым деревянным дном. После чего в глазах у меня потемнело, и я ушел в реальный нокдаун, едва не выстрелив в ответ из «Ижа», который теперь постоянно жил у меня за брючным ремнем.

С трудом успокоив развоевавшихся детишек, мы принялись за работу — детям предстояло совершить утренний моцион, на обязательности которого настаивал Олег Меерович. Помимо утреннего умывания и туалета, психиатр требовал, чтобы дети самостоятельно заправляли свои кровати. На мой простодушный взгляд, это было совершенно невыполнимое требование, но дед уверял, что именно это действие, уборка собственного дома, отличает человека от животного, и настаивал на обязательности соблюдения ритуала.

Впрочем, дед сам контролировал выполнение своих требований, так что я со спокойной душой повел мальчиков в туалет, пока девочки во главе с психиатром застилали свои постели.

Черноволосый мальчик Гарик, почти без капризов согласившийся сесть на горшок, потому что семь унитазов на пятнадцать ребят очевидно не хватало, размотав рулон туалетной бумаги, выдал мне вдруг замечательную сентенцию:

— Дядя Антон! Вы знаете, что бумага на нашей планете совсем скоро кончится? А люди все какают и какают!..

Гарик Ованесян был одним из пяти детишек, кто вспомнил телефон своих родных — у него в какой-то передрыге погибли мать с отцом, но жива была бабушка. Впрочем, бабушка оказалась совершенно глухой или слабоумной — я минут десять повторял ей одну и ту же фразу про Гарика, которого надо забрать, но она в ответ переспрашивала меня про пенсию, которую ей уже неделю никак не принесут из собеса.

В детдоме «Солнышко» оба телефона молчали с утра до вечера, а по остальным номерам, названным детишками, никаких осмысленных комментариев услышать не довелось — их озвучивали какие-то странные существа: либо алкоголики, находящиеся в перманентном запое, либо, что вернее, наркоманы, напрочь оторвавшиеся от реальности. Олег Меерович даже некоторое время записывал тексты, исходящие от этих абонентов, пока мы не напомнили доктору, что звонки стоят денег. А ведь с августа сотовые операторы подняли тарифы втрое...

Что там случилось с семьями наших детишек, кто обосновался в их квартирах, можно было только гадать. Впрочем, в детдом, как правило, и попадают дети асоциальных родителей, так что ничего удивительного в этой ситуации не было. Просто стало окончательно ясно, что спихнуть детей в ближайшее время будет некуда.

Я отмахнулся от печальных мыслей и погнал своих пацанов к раковинам — умыться. Пока дети возились в умывальнике, я раздумывал над очередной проблемой — полотенца за эти два дня уже успели приобрести отчетливый серый оттенок, но постирать их было нечем. То есть стиральная машина, слава президенту и его партийным спонсорам, в этом детском садике имелась, но вот стирального порошка не было ни грамма. Значит, придется выбираться в город, меняться с кем-нибудь, наверное, на спирт. Но это же будет целая войсковая операция — наверняка, глядя на Олега Мееровича, там захотят нас кинуть, поэтому придется убедительно доказывать, что ты не лох и можешь за себя постоять.

Вывод: чем меняться, проще сразу пристрелить и забрать всё даром.

Впрочем, так всегда проще.

Управившись с парнями, я повел их обратно в палаты, где строго-настрого приказал одеваться, не отвлекаясь на глупости. Дети принялись одеваться с каким-то неожиданным и подозрительным послушанием, и я заглянул даже под кровати в поисках подвоха, но ничего неожиданного там не увидел.

Девочки, завершившие туалет раньше, уже расселись на застеленных кроватях и щебетали на вечные темы — все ли мальчики дураки или есть среди них один неглупый, бросит ли самочка Маня самца Ваню из реалити-шоу про человекообразных кроликов «Землянка-2», а также действительно ли крем «О'кей» помогает от морщин так, как его рекламируют, или это все сплошной обман и бесстыдный пиар.

Вместе с Олегом Мееровичем мы отвели детей в столовую, где их ждала рисовая каша на порошковом молоке — дед сам сварил ее и сам разлил по тарелкам.

Вообще он оказался настоящим профессионалом в том, что касалось общепитовской кухни, и это было приятным сюрпризом.

Там же, в столовой, мы впервые рассказали детям, как им предстоит отныне жить днем, и расписали дежурства по самым старшим. Старшие, особенно мальутики, сразу принялись ужасно важничать, обсуждая технологии обнаружения диверсантов на дальних подступах к объекту, а застенчивая третьеклашка Маша драбова, как самая грамотная и аккуратная девочка всех времен и народов, легко согласилась составить список дежурных. Потом, вручив мне список, она замерла, выразительно глядя на меня распахнутыми карими глазами, и я подумал, что она ждет конфету или что-нибудь подобное.

— Маш, у меня нет ничего вкусенького, — виновато развел я руками. — Но я обязательно раздобуду каких-нибудь конфет, завтра или послезавтра, — пообещал я, всерьез задумавшись, где в разгромленной Кашире можно найти конфеты. Наверное, опять на спирт придется выменивать.

— Мне не надо конфет, дядя Антон, — покачала кудряшками Маша. — Раз я буду дежурной, дайте мне, пожалуйста, свой пистолет. У вас ведь еще много пистолетов. Ну, пожалуйста, дайте мне один! — Она вдруг вцепилась в меня обеими руками, и я совершенно растерялся от этой неожиданной атаки.

— Ты что, боишься? — спросил я наугад, глупо улыбаясь.

— Да! Да!! Они вернутся! Они придут ночью. Я знаю. Я жду. Они и вас убьют, как Полину Ивановну и Дарью Семеновну! А если у меня будет пистолет, они до меня больше никогда не дотронутся... — Она наконец зарыдала, и я был этому рад. Лучше слушать невнятные рыдания, делая вид, что не понимаешь, о чем они плачут каждую ночь, чем выслушивать этот пронзительный, режущий сердце и корежащий душу речитатив. В голове даже Чужой затрепыхался, хотя никакой опасности рядом не было.

На мое счастье, в коридоре появился Олег Меерович, без слов оценил ситуацию и увел Машу на кухню. Там он взялся мыть посуду, и ему добровольно остались помогать, помимо Маши, еще несколько старших девочек. Всех остальных детей я повел во двор — выгуливать, пока погода баловала скромным осенним солнышком и еще теплым, но уже резким, порывистым ветерком.

Самым удобным местом для наблюдения оказалась деревянная беседка, установленная посреди асфальтового озера двора. Там я прилег на неудобной — широкой, но короткой — лавочке и оттуда же через несколько минут заметил двух озабоченных женщин, которые смело форсировали пустырь между зданием садика и жилым массивом неподалеку.

Возле запертых ворот женщины встали, поставив на землю какие-то кастрюли, сумки, пакеты, и принялись призывно махать руками. Они заметили меня раньше, чем я их, и мне это не понравилось. Мне вообще ничего не нравилось с самого утра — кроме разве что рисовой каши на порошковом молоке.

Я неспешно поднялся и зашагал к воротам, привычно поправив помпу под левым плечом.

— Ох, сынок, а мы смотрим, детки в садике опять появились! — Первая женщина картинно всплеснула белыми пухлыми ручками, но улыбалась мне напряженно и тревожно. — По телевизору брешут, что вы из тех самых, «Восточных медведей», — осторожно сказала вторая.

Я, усмехнувшись, небрежно приложил правый кулак к виску, но этот жест оказал на женщин совершенно невероятное воздействие — они с видимым облегчением выдохнули: «Слава богу, действительно «гризли»!» — и уже повели беседу спокойно, по-деловому.

— Значит, так, сынки. Мы ваших деток покормим, помоем, спать уложим и сказку расскажем. Вы только сами не подведите — от злодеев защищайте, как по телевизору показывают.

Я молча уставился на этих женщин, и только мину ты через две до меня наконец стало доходить, за кого нас тут принимают. Спаси и сохрани — кажется, так звучит это заклинание? Но я уверен, что Иисус Христос был намного выше меня — выше во всех смыслах.

Вот ведь, кстати, вопиющая несправедливость — Иисус, понимаете ли, выше во всех смыслах, а спасать и сохранять должен я!

— Юлия Эдуардовна Назаретян, педиатр. — Первая женщина улыбнулась мне уже по-человечески, тепло и искренне.

— Валентина Владимировна Щепаква, бухгалтер, — представилась вторая, колыхнув немаленьким бюстом.

Я отпер ворота и пустил обеих женщин внутрь. Они протиснулись между мной и железной стойкой ворот, а потом засеменили по дорожке, сгибаясь под тяжестью своих кастрюль и пакетов.

Я пошел следом, размышляя над новой ситуацией. Впрочем, дети обрадовались незнакомым тетям, сразу завертев вокруг них развеселую карусель, и я подумал, что пока все складывается отлично. Если за детьми будут присматривать, все остальное я сделаю.

Я довел женщин до холла, где опять пристроился дремать Олег Меерович, и представил их друг другу. Психиатр обрадовался так, что предложил всем выпить за знакомство.

Я с изумлением взглянул на часы — едва стукнуло одиннадцать.

— Не рановато вы пить собрались, граждане алкоголики? — с укоризной спросил я, но дед решительно направился к ящику, который я с таким скандалом отобрал у Васильева, и вытащил оттуда бутылку водки.

— Выпить надо обязательно! — сообщил Олег Меерович обеим женщинам, которые стояли возле дивана, так и не решаясь присесть.

Олег Меерович разлил водку в четыре стакана, но я пить категорически отказался, и тогда они выпили втроем, долго и неловко чокаясь.

Потом женщины наконец присели рядышком на один диван, психиатр сел на второй и задал вопрос, прямого которого меня покорибила:

— Вы сюда пришли, потому что там, в жилых кварталах, стало опасно?

Женщины переглянулись и понуро кивнули.

Потом первая, педиатр, объяснила ситуацию — вроде бы искренне, но не поднимая при этом глаз выше уровня журнального столика:

— В нашем доме наркоманский притон завелся. И так было непросто, а теперь всё — какую, жить нельзя...

— Грабят, что ли? — спросил я.

Педиатр подняла на меня глаза, и я пожалел, что задал этот вопрос, — на самом деле мне совсем не хотелось знать никаких подробностей.

Она покачала головой и произнесла в одно слово:

— Они-творят-такой-ужас-что-его-нельзя-описать.

Вторая женщина, полноватая блондинка со следами былой ухоженности на лице, добавила:

— Утром они выбросили соседку. Инвалида. Вместе с коляской. С пятого этажа. Им смешно было.

Педиатр посмотрела на меня оценивающе:

— Мы утром, как Полину на асфальте увидели, так сразу собрались и ушли. И они знают, куда мы ушли.

— Они нам кричали, что придут за нами. Сразу не догнали, обдолбанные были. Но к вечеру могут прийти. Вы уж приготовьтесь.

Я пожал плечами — какая чушь! Наркоманов можно давить одной левой, не напрягаясь. Даже моей нынешней левой, слегка поцарапанной картечью. Это же не бойцы, а говно на палочке.

— Не переживайте! Как придут, так и уйдут, — пообещал я, улыбнувшись каждой женщине в отдельности.

Педиатр недоверчиво покачала головой:

— Вас что, двое всего? А по телевизору говорят что «гризли» в стране уже полмиллиона. А еще, вы знаете, что вас в правительстве не любят? Так про вас по телевизору нехорошо рассказывают, как-то сквозь зубы, не радостно. Говорят, что вы экстремисты и популисты. Вам бы, «гризли», мол, только убивать. А надо, значит, еще и толерантность демонстрировать...

— Я как кого-нибудь грохну, потом обязательно толерантность демонстрирую. Так, чтобы всем было видно, — усмехнулся я, а психиатр кашлянул и как-то нехотя налил себе еще водки.

Обе женщины тут же пододвинули к нему свои стаканы, и он разлил водку на всех.

— Покажите свой дом, — попросил я, и педиатр Юля, тут же отставив свой стакан, бросилась к окну, пальцем указывая мне на стандартную «хрущевку», хорошо видимую отсюда через пустырь.

Я посмотрел на этот дом как мог внимательно, но ничего интересного не увидел.

Потом я вспомнил, что дети во дворе гуляют одни, и сказал об этом вслух.

— Мы сейчас только умоемся и пойдем работать. У нас воды в доме уже неделю нет, — сказали женщины, послушно поднимаясь, но я покачал головой:

— Вы пока здесь обустраивайтесь, помойтесь опять же. А до обеда я сам подежурю. Потом — милости просим. Обед и дневной сон — ваша обязанность. Договорились?

Женщины улыбнулись так радостно, что я потом еще по инерции улыбался им в ответ все время, что шел по коридору наружу, во двор.

Вернувшись в беседку, я достал телефон и взглянул на индикатор сети. Сегодня сеть работала, и я быстро набрал номер Валеры. Лишь через пару минут в трубке раздался сонный голос Васильева:

— Ну, чего тебе, Тошка?

Я рассказал про визит аборигенов и телевизионный пиар, сопровождающий нас.

— Это еще что! — откликнулся Валера. — Я вот прямо сейчас телик твой карманный смотрю, а там в новостях втирают, что ты, Антон Пожарский, теперь называешься лидером общественного движения «Гризли», лозунг которого «Не бойся!». Говорят, ты уже совершил тридцать три подвига. Надеюсь, сексуальных, — хохотнул он, и я оборвал его, почувствовав какую-то неловкость в его словах:

— У вас-то как дела?

— А что с нами может случиться? — удивился он. — Шоссе пустое, идем сто километров в час, а не сто пятьдесят, потому что груженные сильно. А так — всё в норме. Короче, лидер, звони, когда бить начнут. Приедем и спасем, как обычно.

Я пообещал позвонить вечером, если будет сеть, и выключил трубу.

Возможно, мне показалось, но в интонациях Валеры звучало недоумение, густо замешанное на раздражении странным телевизионным пиаром. Он явно не понимал, что происходит. А вот мне представлялось, что я уже все понимаю.

Я вернулся в беседку и сел там не на лавочку, а на пол — мне не нравилось, что с лавки меня видно всему микрорайону, вытаращившему на наш садик подслеповатые и давно уже немые окна панельных многоэтажек. Наркоманский дом тоже смотрел на меня с явной и ожидаемой угрозой, и я даже тронул пальцами приклад помпы, чтобы убедиться, что оружие при мне.

Близнецы Саша и Паша, назначенные на сегодня дежурными, подбегали с докладами каждые пять минут, не давая мне окончательно погрузиться в сон, и именно они, а не я первыми заметили забрызганный грязью джип, который появился на пустом проспекте и после пары маневров остановился возле наших ворот.

— Дети, быстро все в дом!! — заорал я, холодея от дурных предчувствий, и дети послушно, но не так быстро, как мне хотелось бы, побежали к дверям.

Пригибаясь, я выскочил из беседки, проклиная себя за самонадеянность, в результате которой оказался без бронежилета и боеприпасов — у меня с собой была лишь помпа с шестью патронами. Это на двадцать секунд несложного боя, а потом можно поднимать лапки вверх...

Я успел выбрать позицию между беседкой и воротами, устроившись за капитальными, из бетона и металлических профилей, каруселями, и уложил свою помпу на удобный железный бортик. Впрочем, заняв позицию, я тут же успокоился — отсюда я сниму всех пассажиров с гарантией и еще успею вдарить последним патроном по бензобаку. Что бы они там ни придумали, легко уродам точно не будет.

В джипе, похоже, заметили мои передвижения, потому что сразу выходить не осмелились. Там медленно опустили правое окно, и напряженный, сдавленный голос спросил:

— Антон? Пожарский? Это Ваня Сыроежкин. Не стреляй в меня, пожалуйста!

Потом дверь машины открылась, и сначала показалась телекамера, а потом и ее хозяин — оператор Ваня.

Тряхнув пыльной косичкой, Иван растопырил ноги, бодро поднял объектив камеры и

сделал панораму по садику, а потом уставил камеру прямо на меня, в упор. Наглец какой!

Я немедленно встал, убрал помпу за пазуху и направился к воротам, крикнув по дороге:

— Гражданин Сыроежкин! А разрешение на съемку у вас имеется? Или желаете получить камерой по лбу?

— Уважаемые телезрители! — затараторил Иван во встроенный микрофон камеры. — Вы видите перед собой знаменитого лидера народного движения «Восточные медведи» Антона Пожарского. Живая легенда согласилась ответить на наши вопросы прямо в своей штаб-квартире, ничем не примечательном доме на окраине Каширы, где также находятся и несколько десятков детей, вырванных активистами движения из лап безжалостной подмосковной банды.

Я подошел к воротам и отворил их, но Иван остался стоять с работающей камерой на плече.

— Ты сейчас хорошо в кадре стоишь, — объяснил он вполголоса. — Давай здесь отработаем!

— Что отработаем? — Я продолжал недоверчиво разглядывать джип за его спиной.

— Антон, пожалуйста, не ломай мне картинку, не двигайся в кадре, — попросил Иван, встав поудобнее. — Итак, специально для наших телезрителей лидер знаменитых «гризли» Антон Пожарский дает эксклюзивное интервью! — уже совсем другим, каким-то заполосным голосом заорал Иван и подмигнул мне обоими глазами.

— Что вы думаете о положении в стране? — спросил Ваня, ухмыльнувшись во весь рот.

Я помолчал, собираясь с мыслями.

— Насколько мне известно, положение в стране хреновое, — наконец ответил я.

— Ваши оппоненты, члены правительства и даже некоторые популярные политики, считают иначе... — Иван смешно надул щеки, показывая мне этих самых оппонентов. Я понял его и начал закипать.

— Эти люди не покидают Москву. Что они могут знать о ситуации за пределами Кольцевой автодороги? — яростно выкрикнул я, вспоминая последние горячие-» денечки.

— Что вы можете предложить своим последователям? Говорят, их уже больше полумиллиона человек... — тут Иван наморщил лоб и закатил хитрые глазки к самому небу.

Действительно полмиллиона? Иван придумал полмиллиона таких же, как я, как Валера, как Палыч?.. Мне вдруг стало смешно и одновременно интересно. Я с готовностью включился в эту игру — расставил ноги пошире, расправил плечи и начал говорить в камеру так, как и должен был говорить лидер общественного движения «Гризли», представляющий полмиллиона человек:

— Факты свидетельствуют, что правительство не контролирует ситуацию. Значит, контроль должен перейти в руки тех, кто способен это делать. Сейчас это бандиты и мародеры. Завтра это должны делать мы — люди, способные отвечать ударом на удар. Хватит компромиссов! Хватит болтовни! Никаких переговоров с дерьмом, заплонившим наши города! Крыс надо уничтожать, а не вести с ними переговоры! Наши лозунги: «Мы сами!», «Не бойся!» и «Стреляй первым!»

— Лозунги хорошие, — с одобрением отозвался Иван. — Но что вы скажете, когда в ПАСЕ начнут перебивать вам косточки насчет избыточного, неоправданного применения силы?

— Да плевать на них десять раз, — ответил я. — Кто они такие, эти жабы из ПАСЕ? Такие же крысы, как и наши мародеры, только при галстуках. Они запрещают нам стрелять, потому что сами неспособны на это.

— Хорошо сказано, — кивнул Иван. — Но ведь в России официально запрещена смертная казнь. Не говоря о том, что это аморально — убивать других людей, используя государственный аппарат принуждения.

Он возразил с крайне серьезным выражением лица, так что я поверил в его искренность и потому тоже завелся всерьез:

— Аморально?! Убивать уродов — это, значит, уже аморально?! Да один реальный смертный приговор, публично приведенный в исполнение, сам по себе предотвращает сотню будущих преступлений! Убей крысу — и она больше не сможет убивать! А значит, будут жить сотни людей. Дети, женщины, все — будут жить и радоваться! Так кто из нас против смерти: ты, травоядный ханжа, или я — тот, кто знает, как спасти жизнь от смерти? Убей одного урода, который своим существованием угрожает тебе и твоим близким, и он физически не сможет больше убивать никого и никогда — вот и весь ответ на этот вопрос.

— Но ведь насилие порождает насилие... — пробормотал Иван, кинув быстрый взгляд на часы.

Меня передернуло от этой банальщины:

— Да что вы?! А вот практика показывает, что там, где насилие действительно отвечают насилием, а не болтовней, тут же наступает порядок.

— Ну, мы же цивилизованные люди, — пробормотал Иван, плавно меняя точку съемки. — Мы не должны поддерживать силовых решений глобальных человеческих проблем! Мы должны уважать гражданские, общечеловеческие права наших оппонентов!

Я наконец понял, что он просто дразнит меня перед камерой. Ждет сильных эмоций или скандального текста. Скотина. Ладно, будь по-твоему. Сейчас ты получишь скандальный текст!

— Кто-то наложил кучу дерьма у вас в доме, — начал объяснять я. — Вы берете совок и швабру, чтобы убрать дерьмо, а дерьмо вдруг начинает отчаянно вонять: «Что вы делаете, господа! Вы звери, господа! Ведь у меня, у дерьма, тоже есть права! Да, я воняю, но выбрасывать меня — это не решение проблемы. Это трусливый поступок типичного совкового быдла! Да, дерьмо не такое, как все, но оно тоже имеет право на существование! Надо искать с дерьмом общий язык, попытаться убедить его вонять поменьше. Это лучше, чем насилие в виде швабры или пылесоса! И не надо уподобляться трусливым сатрапам, смывающим дерьмо там, где увидят!»

Иван с каменным лицом дослушал меня, еще раз сделал панораму по садику, а потом выключил камеру, бережно поставил ее рядом с собой на асфальт и грустно сказал:

— Смешно. Ты просто прирожденный юморист, Антон Иванович.

— Вождя движения «Гризли» зовут Антон Львович, — поправил его я, опять обратив внимание на джип — там был, как минимум, еще один человек, и меня беспокоило то обстоятельство, что я не вижу, кто там сидит, а тот, в джипе, видит меня очень даже подробно, как в тире.

Иван перехватил мой взгляд и успокаивающе поднял грязные ладони:

— Не дергайся. Там офицеры из местного артиллерийского училища. За наличные арендовал вместе с джипом. Сам понимаешь, без охраны сейчас никуда.

Я согласно кивнул и показал на садик:

— Кофе? Водки? Жрать не предлагаю, ибо у самих мало.

— У вас не хватает жратвы? — озабочился Ваня, вытянув шею из грязного ворота рубашки и с любопытством глядя в сторону садика. — Ладно, я упомяну об этом в репортаже. Детям обязательно что-нибудь принесут. Слушай, — пригляделся он к моему лицу, — а что у тебя за бланш под глазом? Бился врукопашную с местной мафией?

— Как точно ты ее назвал. Так и есть — местная мафия. Зовут Ксюша, и ей уже одиннадцать лет, — сообщил я с улыбкой, но Иван неожиданно нахмурился и пробормотал невпопад:

— У меня тоже полно всякой работы.

Он протянул руку, и я понял, что заходить в гости он не будет.

— Некогда мне пить. Я, конечно, не герой, мне просто бабки рубить надо, — ответил он на невысказанную претензию. — Но я еще к тебе не раз заеду, не переживай.

Я уже снова запер порога на замок, когда Иван уселся в машину и, вдруг усмехнувшись, приложил правый кулак к виску.

— А как тебе вообще эта раскрутка «Восточных медведей»? — бросил он мне из окна.

— Движение «Гризли», всем встать! Признайся, ведь круто получилось?

— Побриться бы надо было, — задумчиво отозвался я, потирая трехдневную щетину.

— Ну и страшная, наверное, была у меня рожа в кадре, да еще с фингалом... Зачем ты вообще это сделал?

Иван пожал плечами:

— Случайно. В «Раша тудей» заказали позитивный сюжет, а ничего готового не было. Пришлось немного пофантазировать под видео с тобой и детишками.

Я понял, что он врет, и даже догадался почему:

— Тебя самого достал весь этот треш, верно? И ты решил сочинить сказку про богатырей-спасителей России, так?..

— Может, и так. А может, и нет, — оборвал меня Иван, и джип, покашливая замученным мотором, покатил прочь.

Я вернулся к беседке, но двор был пуст, и я пошел в дом, объявить об отмене тревоги.

В холле меня встретил настороженный Олег Меерович с автоматом в руках. Автомат-то он взял, а магазин к нему не пристегнул. Вояка, блин...

— Дети сказали, что бандиты приехали, — объяснил он.

— Это было телевидение, — коротко ответил я, не желая развивать тему.

— О, нас опять снимало телевидение! Я смотрю, вас, Антон Львович, крайне заботит проблема распространения ваших любопытных идей среди всего человечества.

Он стоял передо мной, такой огромный, рослый, седой, всепонимающий старик, и грустно мне улыбался.

— Если вы опять про комплексы маленького человека, то у меня их нет, — сказал я строго и пошел на второй этаж, рассмотреть наркоманскую «хрущевку» поподробнее.

— Один невысокий, но резкий в движениях ефрейтор тоже так думал, — услышал я за спиной, но решил не ссориться по пустякам и промолчал.

Детей уже накормили, отвели в спальни, и теперь в каждой палате сидело по женщине, рассказывающей ребятам сказку. Я с признательностью улыбнулся Юле и Валентине, и они одинаково нетерпеливо отмахнулись от меня, занятые самым важным делом на свете.

Я выбрался на крышу. Солнце светило почти из зенита, и вокруг было видно все, каждую травинку, каждую щербинку на асфальте.

На асфальте перед наркоманской «хрущевкой» было видно распластанное тело, и я сразу понял, кто это там лежит... Вокруг бодро скакали несколько мужчин. Еще один сидел в инвалидной коляске, а двое других с криками и улюлюканьем, слышимым даже здесь, катали его с невероятной скоростью.

Я смотрел на это представление минут десять, собираясь с мыслями, а потом быстро спустился в холл. Там я надел бронежилет, накинул сверху куртку, положил в карманы по гранате и пошел на выход.

Олег Меерович успел догнать меня лишь у самых ворот. Он, запыхавшись, встал передо мной, и не, скрывая своих эмоций, злобно спрашивал одно и то же:

— Что вы собираетесь делать, молодой человек? Скажите мне, что вы будете сейчас делать?

Я совершенно не хотел говорить о том, что буду сейчас делать, поэтому просто обошел психиатра справа, но он опять появился перед воротами, уже слева, и тогда я просто перелез через забор.

Я пошел по дороге, не оборачиваясь, но Олег Меерович еще пару раз укорил меня в спину:

— Вы идете убивать людей, которые пока ничего плохого вам не сделали! Вы даже не проверяете информацию, а уже приняли решение!.. Антон, вы сумасшедший маньяк, возомнивший себя богом!

Я притормозил на минутку и обернулся. Я старался говорить ровно и вежливо:

— Олег Меерович, вы не правы. Они обязательно придут ночью. Этой или следующей — неважно. Просто я не хочу этого ждать и убью их первым. Вы готовы ждать, а я — нет. В

этом между нами и разница. Вы ждете, когда вас ударят, чтобы не обидеть невинного, а я уже знаю, кто тут урод, поэтому стреляю первым. Кстати, если не врут телевизионщики, это и есть лозунг моего движения. И вы, кстати, в нем тоже состоите.

Я потопал себе дальше, уже не оглядываясь, но в спину мне теперь дышала только злая, растревоженная нашими криками тишина.

Ничего, зато впереди было шумно и весело...

Возле «хрущевки» меня заметили так поздно, что у меня появилась безумная, но такая волнующая, обжигающая мысль — покончить с ними штык-ножом от «калаша». Впрочем, я решил не пачкаться — стирального порошка как не было, так и нет — и вышел к тому самому подъезду с голыми руками.

Возле трупa немолодой темноволосой женщины, одетой в линялый домашний халат, я остановился, что-бы оглядеться по сторонам.

— Пацаны, смотри, какой фраер нарисовался! — заорал худощавый и высокий мужчина, судя по потертой физиономии, лет сорока, не меньше. Впрочем, наркоты всегда выглядят вдвое старше истинных лет.

«Когда грохнешь жабу, надо будет ее распилить и посмотреть годовые кольца», — предложил Чужой безумную идею, но я тут же испуганно отогнал ее на задворки сознания — эдак, граждане, и рехнуться недолго.

— Кто тут у вас главный? — спросил я, вежливо улыбаясь торопливо собиравшимся вокруг меня животным.

— А ты сам кто такой, чтоб тут вопросы задавать, чмо?! — выдвинулся вперед плечистый юнец в солдатском бушлате, и я, поражаясь своему терпению, по-прежнему вежливо ответил:

— Я сын Полины Ивановны, которую вы сегодня утром выбросили из окна.

Они замерли, глядя на меня со странной смесью жалости, любопытства и презрения.

— И чё? Ты, типа, предъяву нам кидаешь, что ли? — ухмыльнулся коренастый дебил, оглядываясь по сторонам в поисках поддержки.

— Типа, да. Кидаю предъяву, — эхом отозвался я, тоже с интересом оглядывая своих собеседников.

Их уже стояло вокруг человек десять, и я подумал, что помпу перезаряжать не буду, а просто достану после шестого выстрела «Иж» и покончу со всеми сразу.

— Ща и ты оттудова полетишь, с пятого этажа, — наконец порадовал меня ближайший ко мне дебил в телогрейке на голое тело.

Он сделал шаг в мою сторону. Я нарисовал ему огромную, парящую кровью дырку строго по центру голой груди и, уже не пряча помпу под курткой, задал в окружающее пространство все тот же вопрос:

— Так кто тут у вас главный, граждане дебилы?

Вспоминая гневные укоры Олега Мееровича, мне все еще хотелось некоторого обоснования своих гуманистических претензий.

Увы, дебилы тупо смотрели на лежащего навзничь соратника и стояли молча, хотя с видимым тремором во всех конечностях.

Мне не нравилось, что при этом они стояли вокруг меня, в том числе и сзади, поэтому я сделал пару шагов назад и попросил их выстроиться передо мной. Они не двигались, и тогда мне пришлось, послав очередное мысленное «прости» психиатру, снести башку картечью ближайшему молодому человеку.

Потом я снова терпеливо напомнил собравшимся, как им следует встать, и они уже шустро задвигались, выстроившись передо мной в одну неровную шеренгу.

— Кто из вас убил Полину Ивановну? — спросил я.

Дебилы молчали, и я, опять послав в космос телепатический сигнал с извинениями, выстрелил в самую противную рожу, пускающую слюни прямо передо мной.

Строй дебилов дрогнул, они принялись активно шевелить губами, но слов я еще не слышал и опять, в который уже раз, спросил:

— Кто убил Полину Ивановну?

— Семен ее убил. С Психычем, — наконец сообщил юноша в майке, драных трениках и тапках на босу ногу.

Юноша стоял самым правым в ряду, и мне пришлось сделать шаг вправо, чтобы увидеть его лицо. Лицо как лицо — немытое, конечно, но с хомо сапиенсом такое животное с двух шагов спутаешь запросто.

— Ну, и где эти Семен с Психычем? — спросил я, поведя стволом помпы вдоль строя.

— Психыч вон лежит, без башки. А Семен вот, живой стоит. — показал пальцем на совсем молоденького, безусого пацанчика разговорчивый юноша.

Я туг же выстрелил Семену в голову, а потом сосчитал оставшихся ублюдков — их было семеро, и мне не понравилось, что их все еще было больше, чем осталось патронов в помпе.

Наркоманы внешне почти никак не отреагировали на сокращение своих рядов — они все грустно смотрели на меня мутными, красноватыми глазками, не двигались и даже уже не дрожали. Они просто ожидали, чем закончится очередное приключение, и это спокойное ожидание начало меня раздражать. В этом тупом, животном спокойствии я ощутил реальную угрозу — сродни той, что исходит от стаи бродячих собак, лесного пожара или эпидемии гриппа. Ты знаешь, что угроза реальна, но избежать ее не сможешь, если не предпримешь кардинальных мер.

Чужой тоже это почувствовал и начал осторожную пульсацию, в подчеркнутой готовности взорвать время вокруг меня, если это действительно понадобится.

— Ну, какие дальше будут предложения? — спросил я, вытащив пистолет, и, засунув его в пройму жилета, так, чтобы сразу взять, если что, принялся перезаряжать помпу.

Дебилы стояли молча, и я понял, что разговаривать их мне уже не доведется — разве только убить.

Я аккуратно перезарядил помпу, убрал «Иж» на место, за брючный ремень, и спросил еще раз:

— Ну?

Повисла глухая, тяжелая тишина — в ней было слышно прерывистое дыхание каждого из ублюдков.

— Дяденька, не убивай, мы больше не будем, — вдруг раздался нервный, плачущий голос.

— Да? Обоснуй, почему я должен тебе верить? — спросил я невысокого прыщавого паренька, и тот вдруг упруго присел передо мной на корточки и закрыл бритую голову синими от татуировок руками:

— Я не убивал никого! Я не убивал никогда! Я не убивал!

— Гы, во Дрон косит! — откликнулся его сосед, радостно оскалившись на меня желтыми зубами. — Он не убивал, да. Он только чилдров трахал! У него даже кликуха — Педофил, — снова радостно засмеялся сосед.

— Кого он трахал? — не сразу понял я.

— Чилдров, — осклабился желтозубый. — Ну, типа Детей. Бывало, что и с муттерами. Ну, это как придется. Кого в районе отловят, того и трахнут... — От желтозубого дебила понесло вдруг тошнотворными подробностями: — Прикольно было, когда сначала муттеров, потом чилдров. И наоборот тоже прикольно — они же смотрят всё, а орут вообще как резаные...

— Чилдров с муттерами? — Я уже все понял, но никак не мог принять решения. Просто повернуться и уйти, чтобы не возмнить себя богом?

...Они не успели никуда уйти, даже поняв по моему лицу, что я сейчас сделаю. Только двое пробежали больше трех метров, а все остальные рухнули там, где стояли.

Конечно, мне пришлось еще доставать пистолет, чтобы прекратить шевеление и неуместный скулеж, который действовал мне на нервы.

Потом я повернулся к окнам жилых домов, где, я знал, сейчас смотрели на меня все

уцелевшие аборигены микрорайона, вернул «Иж» за ремень, выпрямился и приложил свой правый кулак к вспотевшему от напряжения виску.

Мне ответил ясно слышимый вздох сотен, если не тысяч горожан, и я сам для себя осознал, что все сделал правильно.

Глава двадцать вторая

Вся последующая неделя стала цепью событий, на которые я уже никак не мог повлиять, даже если бы очень захотел. Я стал центром какого-то бурного водоворота, который засосал меня в свою пучину целиком, не оставляя малейшего шанса выбраться на поверхность или хотя бы вздохнуть.

«Коломенские» пришли на третий день после расстрела наркоманов — колонной из четырех милицейских «козелков» и двух легковушек с отломанными дверями. Нам неслыханно повезло, что они появились утром, когда дети еще завтракали, а не гуляли в саду, потому что бандиты сразу начали беспорядочно стрелять по автобусу и окнам здания, даже не пытаясь вести переговоры о сдаче.

Юля в тот момент кормила младших на втором этаже, а Валентина — старших на первом, но обе женщины одновременно приняли самое верное решение — загнали детей в коридор первого этажа. Он не простреливался с фасада, а чтобы защититься от обстрелов с торца, женщины начали строить под руководством Олега Мееровича баррикады из мебели.

Внизу я им был не нужен, и я бегом помчался на крышу, умоляя всех святых, чтобы урки не успели перемахнуть через забор и попасть в «мертвую зону».

Они не успели — они вообще никуда не спешили, эти вальяжные наглые твари, привыкшие за последние недели к безоговорочному повиновению всех окрестных аборигенов — от областных боссов до зашуганных участковых, не говоря уже о простых обывателях. Поэтому я легко снял сразу двоих габаритных мужиков, картинно, от бедра, поливавших наш уже и без того изрешеченный «Икарус» из автоматов.

Автоматная очередь с крыши и смерть двоих соратников ничуть не обескуражила остальных — посмотреть, отчего вдруг упали эти двое, вылезли из машин еще человек пять, и я торопливо стрелял по ним короткими очередями, понимая, что скоро халява закончится и враг начнет действовать намного умнее и хладнокровнее, а у меня всего шесть магазинов и один боец — я сам.

Впрочем, до умных действий тогда у них так и не дошло — эти кретины еще больше часа изображали Крепких Орешков, бегая у меня на прицеле вокруг забора, но так и не додумались прорваться в сад.

К обеду я насчитал, три верных трупа и порядка десяти раненых, а меня только пару раз зацепило, причем все в то же левое плечо. Я даже перевязываться не стал, потому что все нужное в этом плече уже было — и бинты, и антибиотики...

Урки «просекли фишку» только после того, как у меня со второго раза получилось выстрелить из гранатомета — первый раз я просто уронил трубу с крыши на козырек над входом, и граната взорвалась там, обрушив козырек и выбив все окна на втором этаже.

А вот второй выстрел получился удачным — граната угодила прямо в «козелок», и он остался чадить жирным черным дымом перед самой калиткой сада. Вот тогда остальные машины и рванули от нас, суетливо и нервно пересекая пустырь, и я от души поработал по движущимся мишеням. Если бы не солнце, которое слепило мне глаза, до спасительного угла ближайшей пятиэтажки доехали бы немногие. Впрочем, еще один «козелок» на пустыре все-таки остался, не добравшись до жилых кварталов метров тридцать, и это тоже было победой.

Очень довольный собой, я стоял на крыше, выпрямившись во весь рост, когда услышал за спиной знакомый бас Олега Мееровича:

— Наш юный фюрер осматривает театр будущих военных действий? Кстати, Москва там! — и он показал, где, по его мнению, находилась Москва.

Как я его тогда не пристрелил, не понимаю.

Впрочем, визит психиатра оказался кстати — мы поделили пополам сектора обстрела, и у меня появилось время, чтобы немного передохнуть. Но тут завибрировал телефон у меня в кармане

— Приветствую лидера «Гризли»! — услышал я голос Сыроежкина. — У вас там сегодня жарко, я смотрю.

— Откуда смотришь?

— С крыши, разумеется. Я, не поверишь, веду прямой репортаж с шестнадцатизэтажной точки в центре города. Помахать тебе ручкой?

Я осмотрелся по сторонам и действительно заметил точечную многоэтажку, на крыше которой копошились черные фигурки.

— Ну, как насчет очередной программной речи в перерыве между боями? Мне нужен пронзительный текст на фоне трассирующих пуль, — заявил Иван все так же глумливо, и меня не на шутку начал раздражать этот тон. А еще мне показалось, что телеоператора заметил Олег Меерович и теперь косился на меня с откровенной ухмылкой, довольно глупой в нашем теперешнем положении. Им всем смешно, бляха-муха.

— Вань, ты что, в самом деле сейчас в прямом эфире? — не поверил я.

— Ну да. Эту картинку я продаю сразу двум телекомпаниям, — с некоторым недоумением отозвался Иван.

Он действительно не понимал, что делает: для него это был «боевичок» с хорошими расценками за каждую отснятую минуту. Я, конечно, тоже не тургеневская девушка, но продавать расстрел в прямом эфире не сумел бы, это точно.

— Слушай сюда, придурок, — произнес я внятно. — Твое кино сейчас смотрят все, и «коломенские» — тоже. Ты же наводчиком сейчас работаешь, урод! Когда у тебя на экране задымит наш садик, можешь пустить титры — типа, тридцать пять детишек и четверо взрослых сгорели в ходе очередной бандитской разборки в городе Кашира.

— Не ори на меня, истеричка, — спокойно ответил Иван. — Я — репортер. Мое дело — снимать. Если сгоришь — сниму и озвучу за кадром, чтоб люди знали, кто и почему там в Кашире сгорел. Пока. И удачи тебе, «гризли» хренов.

— Да пошел ты...

Минут через десять нашу крышу накрыл такой плотный огонь из чего-то крупнокалиберного и многоствольного, что там не только стоять — лежать стало тревожно.

Пули срезали сначала все антенны, потом раскрошили вентиляционные трубы, а потом неумолимый смертельный поток начал сносить даже каменное ограждение крыши. О том, чтобы в такой обстановке поднять голову выше двадцати сантиметров от горячего рубероида, не стоило и говорить.

— Они, наверное, сейчас в атаку пошли, пока мы их не видим! — проорал психиатр, вжавшись в крышу, как ящерица.

Я смог только кивнуть и тут снова зазвонил телефон.

— Слышь ты, «гризли» хренов!.. — Это был Иван Сыроежкин. — Они там на тебя в атаку пошли. На трех машинах со стороны пустыря, и еще две группы пешим порядком с юга двигаются, мимо трансформаторной будки.

— Спасибо, — буркнул я.

— Не за что. Кстати, камеру я на них повернул. Так что не ссы, вождь, как ты там позорно залег, народ не увидит...

«Позорно залег». Интересно, а что я должен делать — встать и отбивать пули своей впалой грудью?

Тут у меня снова зазвонил телефон, и я выматерился в ревущее пулями небо. Я сегодня очень популярный абонент.

— Привет, дорогой! У нас страшная беда — мы тут пришли с пляжа в номер, а у нас украли вещи, представляешь? — сообщила Ленка.

— Представляю, — сказал я, сам удивляясь своему спокойствию. — А карта банковская

цела?..

Мне пришлось вжаться в симпатичную нишу между бортиком крыши и вентиляционной стойкой.

— Карта целая, я ее всегда с собой ношу, — утешила Ленка. — Но украли мой сарафанчик, такой веселенький, в крупный горошек, с прозрачными бретельками, помнишь, мы его в Апрашке покупали за пять тысяч, ты тогда кричал, что дорого. Еще фотик сперли, с карточкой на два гига. Так жалко, столько фоток там было. А из Лизкиных вещей стибрили только курточку зеленую, с медвежатами смешными на спине, помнишь, мы ее покупали со скидкой в «Детском мире» за...

— Помню, конечно, — оборвал я жену, и тут на крыше начали рваться минометные мины, и осколки градом застучали вокруг.

— У тебя там помехи какие-то... — сказала Ленка.

— Да, помехи! — проорал я в промежутке между разрывами. — Извини, дорогая, у меня сейчас времени мало, я потом тебе перезвоню, ладно?

— Никогда у тебя нет на нас времени, — расстроилась Ленка. — Ну, хотя бы скажи — ты меня любишь? Да? А как ты меня любишь?

Сразу по два минометных разрыва ухнули на крыше и на втором этаже одновременно, и я, не удержавшись, заорал от страха:

— Бля-я-я!..

— Ну ты и хамло! — возмутилась Ленка и отключила телефон.

Я осмотрелся по сторонам и в метре от себя неожиданно увидел страшное окровавленное лицо. Олег Меерович грустно смотрел на меня, часто моргая слезящимися глазами, и даже не пытался вытереть кровь из иззубренной рваной раны на лбу.

— Вас осколок задел, — крикнул я ему, но он только чаще заморгал.

— Уходим отсюда! — крикнул я и пополз к чердачному люку.

Я очень надеялся, что психиатр сможет сам покинуть крышу — тащить под огнем такую тушу я бы точно не смог.

Мы спустились на второй этаж, по колено засыпанный трухой от остатков мебели. Потом проскочили смертельно опасный северный участок здания — здесь целый угол был оторван непонятным, но очень мощным оружием, и в образовавшуюся дыру летели пули сразу с трех направлений.

В коридоре первого этажа стоял тихий плач — дети лежали на полу, закрыв головы руками. Трое лежали отдельно от остальных, в темной луже, и я сразу понял, что случилось самое страшное... Валентина повернула ко мне испачканное кровью лицо:

— К нам сюда какая-то бомба залетела. Близнецов сразу убило, а Ксюше обе ножки оторвало, она без сознания сейчас. А у нас ведь даже анальгина нет!

Чужой без предупреждения взорвался у меня в голове горячим кровавым гейзером, и я, выпрямившись во весь рост, пошел вперед по ставшему сразу очень тесным вестибюлю среди замерших тел взрослых и детей.

На улице время тоже остановилось, и я спокойно дошагал до забора, разыскивая подходящую мишень для своего автомата. Впрочем, больше всего мне хотелось резать врага штык-ножом, но я сдержал себя, понимая, что действовать таким способом нерационально.

Две пешие группы урок, о которых предупреждал Иван, как раз подошли к ограде с южной стороны сада, и я, присев для пущей точности на одно колено, начал работать по ним из кустов, экономно стреляя одиночными.

Эти твари поняли, что их убивают, только после десятка моих выстрелов. Зато, когда живые осознали опасность, они развернулись и бросились бежать. Стрелять в их вонючие задницы было одно удовольствие...

Чужой успел предупредить меня, когда с севера подобралась урка на уцелевшем «козелке» и ударили по моим заветным кустикам из ручного миномета. Я вышел на них слева, и пока они разворачивали свои удивленные рыла, выпалил в них весь автоматный рожок. Потом я перемахнул ограду и все-таки не удержался — добежал до полыхающей

машины и несколько минут кромсал корчившиеся на земле тела штык-ножом.

Потом я поднял глаза на пустырь и понял, что проиграл — по пустырю уверенно ехал БМП, и ее пушка, как и оба пулемета, смотрели мне прямо в лицо.

Чужой опять вскипел в мозгу кровавой пеной, но я не поддался на его уговоры убить эту машину штык-ножом. Я рванул назад, в сад, а потом за угол дома, лег там и вынул из кармана обе гранаты, понимая, что кинуть их в броневику мне вряд ли позволят — продырявят пулеметами, едва я покажусь в зоне видимости стрелков.

Это был чистый проигрыш, и даже Чужой признал это, неровными рывками запульсировав в моей голове, а потом спустившись куда-то в грудь, а потом в живот и ниже... Вот откуда взялось это странное выражение — душа уходит в пятки. Моя душа уходила в пятки, а я ничего не мог с этим поделать.

По дому откуда-то со стороны фасада вдарили из крупнокалиберных пулеметов, а потом опять заработал миномет. После нескольких взрывов с первого этажа донесся жуткий, корежащий душу детский рев, и я понял, что урки опять попали в коридор.

Я застонал от бессильной злобы, закрывая глаза и уши, чтобы не видеть этого кошмара и хотя бы не слышать криков умирающих детей. А потом на меня нашло прояснение — я взял по гранате в каждую руку, вынул из них чеки и, зажав спусковые скобы, пошел на броневику. При этом я вовсе не чувствовал себя героем — больше всего меня глодала мысль о глупой, дурацкой ошибке, которую мы все совершили, оставшись в этой долбаной западне — в долбаном садике трижды долбаной Каширы.

Мне хотелось умереть от обиды, и я шел умирать, но еще сильнее мне хотелось наказать за свою ошибку как можно большее количество ублюдков вокруг.

Впрочем, они не стали убивать меня сразу — я успел пройти метров пятьдесят по пустырю навстречу броневику, когда он вдруг остановился и из его люка посыпались на землю люди в знакомых до отвращения спортивных костюмах, но с черно-красными повязками на рукавах.

Я искренне надеялся, что они кинутся на меня врукопашную и тогда получится порвать их руками, но они, сделав пару шагов ко мне, вдруг выстроились в линию, показав сжатые в салюте кулаки.

— Честь и порядок! — заорали они, прижимая кулаки к правому виску. — Вождю Антону — слава и честь!

В совершеннейшем изумлении я тоже приложил сжатый кулак к своему виску. Судя по всему, это был верный отзыв, потому что шеренга еще раз дрогнула в дружном порыве, выкрикнув мне в лицо:

— Да, вождь! Да, честь! Честь и порядок!

Я замотал контуженной головой, отгоняя бредовые ассоциации, но когда мужики в спортивных костюмах опять завели свою шарманку про «честь и порядок!», я едва не ответил им, что Гитлер давно уже капут.

Стрельба вокруг неожиданно стихла, и я никак не мог понять, куда же подевались злобные урки. Те люди, что сейчас стояли передо мной, на бандитов были не похожи — чистые, выбритые до синевы лица, а в глазах — странная в такой ситуации преданность и даже обожание.

Чужой завозился под черепом, пришел в себя и начал бодро выбираться наверх, из самых пяток. Угнездившись в моей голове на привычном месте, где-то в районе затылка, этот старый вояка напомнил мне про снятые с чеки гранаты, которые я так и держал в потных руках.

— Оружие есть? — осипшим от напряжения голосом спросил я у ближайшего визитера, лысого щекастого крепыша лет пятидесяти.

Лысый выкатил на меня глаза и восторженно гаркнул:

— Так точно! Оружие есть!

После чего добавил, деликатно понизив голос:

— Патронов только нет ни хрена, вождь Антон...

Всего их прибыло человек пятнадцать — курсанты и преподаватели Каширского артиллерийского училища, с восторгом узнавшие из телевизионного репортажа, что в их город наконец вошли те самые знаменитые «гризли» и ведут сейчас отчаянный бой с бандой «коломенских» в Южном микрорайоне.

Я быстро вооружил этих сумасшедших всем, что нашлось в нашем арсенале, а потом мы пошли в атаку на учебном, но вполне надежном БМП.

Не знаю, как там полагается действовать в теории общевойскового боя, а на практике большую часть вражеских огневых точек мы просто раздавили. Все-таки бронетехника в городе рулит, если к ней прилагаются настоящие бойцы. Мои новые бойцы оказались настоящими — никто не прятался за спины, не ныл, если цепляло пулей или осколком, а уж команды выполняли беспрекословно, не задумываясь о последствиях.

Северный квартал мы зачистили часам к пяти вечера, а потом больше двух часов штурмовали минометное гнездо на крыше соседней пятиэтажки. Минометчика я брал лично, и мне невероятно повезло — я взял его целым и невредимым.

Потом я позвонил Сыроежкину, и когда он прибыл, я на скорую руку сочинил ритуал казни, которую Иван снял, не дрогнув ни единым мускулом своего вечно небритого лица.

Минометчиком оказался красивый рослый парень лет двадцати пяти, и когда я привел его на проволочном аркане в садик, Юлия с Валентиной попытались даже отбить его у меня, умоляя «не делать этого, потому что это дикость и варварство».

Но потом в садик привели еще пару пленных, которые с готовностью указали на того, кто так ловко забрасывал мины в окна первого этажа, и обе женщины успокоились. Они даже помогли бойцам вынести три детских трупика к основанию фонарного столба, на котором я лично вздернул минометчика. Трупов было три, потому что девочка Ксюша тоже умерла — по счастью, так и не придя в сознание. Раненых детей вообще было много, и мы пока не понимали, сможем ли спасти их без квалифицированной медпомощи.

Других пленных я решил не вешать — не заслужили. Их просто расстреляли там же, у столба, и Иван сразу уехал, даже не попрощавшись со мной. Я понял это так, что он не согласен с моими действиями. Но я тоже не хотел это обсуждать, потому что твердо знал: я все делаю правильно.

Сразу после казни я построил личный состав, и лысый крепыш наконец представился по полной форме, преданно выкатив глазки:

— Михаил Холмогоров! Профессор кафедры баллистики Каширского артиллерийского училища. Майор в отставке.

Бойцы у него за спиной тут же принялись орать «Честь и порядок!», а я торжественно салютовал им сжатым у правого виска кулаком.

Мне, правда, не понравился ответный выкрик: «Да, вождь!» С этим ритуалом Холмогоров явно перемудрил — я понял это, увидев хмурое лицо Олега Мееровича, соблаговолившего выбраться из садика на шум и вставшего неподалеку с детским горшком в руках и «беломориной» в зубах.

Устыдившись, я гаркнул бойцам:

— Молчать!

Они послушно замерли, и в наступившей тишине я спокойно сказал:

— Меня действительно зовут Антон, и я действительно «гризли». Но мне не нравится слово «вождь». Меня устраивает слово «товарищ». Или «соратник», если вам не по душе коммунистические ассоциации. Итак, меня зовут «соратник Антон». Вопросы есть?

— Никак нет, соратник Антон! — послушно рывкнули они хором, и майор Холмогоров орал громче всех.

Весь вечер и целые сутки потом прошли в странных, каких-то вздорных перестрелках. В результате мы не только зачистили микрорайон от коломенских упырей, но и захватили богатые трофеи — «жигули» на ходу, водовозку на базе «ЗИЛа» и несколько ящиков боеприпасов. При этом каждый бой начинался и заканчивался одинаково — случайно обнаружив себя, противник тут же удирал сломя голову под шквальным огнем моих бойцов.

Видимо, дело было в нашем неоспоримом психологическом преимуществе — мы знали, за что воюем, а урки об этом даже не догадывались. Или же Иван так накачал своими репортажами горожан — простые люди высыпали на улицы, не дожидаясь окончания пальбы, и орали «Честь и порядок!» такими заполошными голосами, что заглушали уханье миномета.

Я и не знал, что в районе выжило так много обывателей — пустынные доселе улицы вдруг заполнились народом, и, чтобы навести должный порядок, мы с майором отобрали из добровольцев человек тридцать самых достойных, торжественно обозвали их Первым Добровольческим корпусом и направили патрулировать улицы, дав в усиление к каждому патрулю по одному курсанту-артиллеристу. В тот же день мы вывесили на крыше садика черно-красное полотнище, наспех сшитое Валентиной из оконных гардин — черных и красных, разумеется. Еще Валя успела настрочить из того же материала с полсотни черно-красных повязок. Из их вручения соратникам Добровольческого корпуса мы устроили праздник, поглазеть на который явилось несколько тысяч гражданских и две съёмочные группы московских стрингеров.

Без Ивана, конечно, тоже не обошлось — он наконец оттаял после нашей недавней размолвки и разговаривал со мной вполне миролюбиво, хотя и несколько настороженно.

— Я смотрю, ты теперь вместо коммунальных служб рулишь, — спрашивал он меня, с интересом наблюдая, как в вечерних сумерках под прикрытием курсантов бригада ремонтников восстанавливает развороченный минами участок водопровода возле садика.

Нам срочно была нужна вода — раненых требовалось помыть, чтобы не допустить гнойных воспалений, да и кормить такую ораву прибывших соратников без воды тоже было затруднительно.

Я кивнул Ивану, соглашаясь, — нам вообще предстояло быть заменой всему, что еще недавно, этой весной, худо-бедно, но функционировало в Кашире.

На вечернем построении личного состава я даже прочитал об этом речь. Объявил, что власть в городе переходит к Движению, и напомнил о наших правилах, главным из которых я считал Правило превентивного убийства — соратники имеют право убивать мародеров на месте, не дожидаясь нападения. Это же правило распространяется на всех, кто разгуливает по городу с оружием и отказывается подчиняться Движению.

Мою речь поддержали сотни восторженных голосов, которые затем слились в один ритмично пульсирующий вой: «Честь и порядок!», «Честь и порядок!», «Честь и порядок!» На этот вой откликнулся даже Чужой, который начал подергиваться в такт крикам, пока я мысленно его не осадил.

Эта ночь тоже выдалась бессонной — мы с майором планировали работу на завтрашний день, попутно решая десятки мелких и крупных проблем — от организации ночлега пятидесяти добровольцев до срочного ремонта трофейного пулемета Дегтярева, который нам завтра точно понадобится при штурме водонапорной башни.

Заодно Холмогоров поведал мне историю своего войска. Конечно, это были все те же испуганные, забитые каширские обыватели. Но майор Холмогоров (даром что бывший советский замполит!) сумел отыскать в общежитии училища два десятка нормальных, вменяемых иногородних студентов, которым просто некуда было деваться, и организовал их в управляемую исполнительную команду.

Майор рассказал мне свою историю быстрыми, точными фразами, не жалея себя и не приукрашивая события. Его элитную многоэтажку, где одинокий профессор проживал после развода в шикарной трехкомнатной квартире, добропорядочные каширские бюргеры сожгли еще в мае, когда российская погромная волна докатилась до благополучного Подмосковья. Тогда майору дали комнату в общежитии, и там скучающий теоретик от баллистики нашел свой рецепт спасения и сохранения — надо собрать вокруг себя таких же неуверенных в завтрашнем дне обезумевших мужиков и уверенно сказать им, что знаешь, что делать. Этот рецепт позволил майору официально получить должность коменданта и сохранить общежитие. Зато само артучи-лице он уберечь не сумел — оно сгорело в августе, когда дома

в стране жгли уже даже не ради поживы, а про-стоо, чтобы посмотреть, как будет гореть — красиво или не очень... Каширское артиллерийское училище горело красиво — там все-таки имелся какой-никакой, но боекомплект.

Больше месяца курсанты и преподаватели выживали в обессточенном общежитии, умудряясь сдерживать напор организованных бандитов и неорганизованных мародеров. Но когда в городе появились вооруженные головорезы из окружившего Москву крысиного кольца, относительно спокойная жизнь закончилась. В первой же стычке с крысами из Кольца Ожидания были зверски убиты трое курсантов-боксеров, на авторитете которых Холмогорову удавалось поддерживать порядок в общежитии, а потом визиты обнаглевших мародеров стали ежедневным унижением для безоружных мужчин — у них было полно учебного оружия, но весь этот хлам со спиленными бойками годился только для устрашения обывателей, а не противодействия профессиональным хищникам.

Понятно, с каким настроением каширцы смотрели телерепортажи Ивана про мифических народных героев с медвежьими мордами на своих (таких же мифических) знаменах. И как только майор Холмогоров увидел по телеку боевое столкновение «грязли» с коломенскими в двух кварталах от здания общаги, решение было принято — в БМП, так напугавший меня вчера, набились все, кроме нескольких человек, которых оставили охранять семьи.

Ближе к рассвету мы с майором отправились проверять посты и впервые разошлись в оценке одного и того же события — на перекрестке двух проспектов, где мы поставили БМП для контроля за передвижениями обывателей, я лично застукал спящего в карауле добровольца.

Это был пожилой и какой-то рыхлый мужик из недавно набранной команды местных жителей — все они сами просились к нам, буквально умоляли зачислить на довольствие, потом еще клялись на нашем знамени быть верными и исполнительными, и вот теперь это «верное и исполнительное» чмо безмятежно дрыхло на газоне разделительной полосы, примостив нечесаную башку на один из пулеметов, с таким трудом добытый нами у врага.

Я молча съездил мужику ботинком по морде, и пока тот растерянно озибался, встав на четвереньки, добавил с ноги еще раз, посильнее. Потом я отстегнул ремень с его пулемета и связал оглушенному, беспомощно барахтающемуся на земле добровольцу руки за спиной.

На шум из БМП выскочили еще двое расхристанных полуодетых бойцов, которые вытаращили на нас красные от недосыпа глаза.

— Ваш человек? — спросил я, и они оба кивнули, встав на всякий случай по стойке смирно.

— Надо отвечать «так точно, соратник Антон!», — объяснил я, доставая из-за пазухи помпу, и они тут же гаркнули сиплыми спросонок голосами:

— Так точно, соратник Антон!

— Почему ваш человек спал в карауле?

Оба добровольца одинаково неуверенно пожали плечами, и я начал заводиться от одного вида этих слизняков.

— В городе идут боевые действия! Мы ждем атаки коломенской братвы! Из Кольца Ожидания постоянно просачиваются разные твари! А это мурло спит на посту! — заорал я в ночной тишине и стало слышно, как зашевелились бойцы в секрете на остановке напротив.

— Честь и порядок! — вдруг заорали оба добровольца, окончательно проснувшись, и майор рывкнул на них раздраженно:

— Молчать!

Я убрал помпу на место — сейчас она только мешала.

— Завтра утром ты будешь расстрелян перед строем! — сообщил я связанному добровольцу, и он тупо кивнул огромной головой, легко соглашаясь с каждым моим словом.

Идиот, он даже не вдумывался в то, что я ему говорил. Зато вдумался майор — он робко тронул меня за плечо и заговорил тихим, вкрадчивым голосом:

— Соратник Антон, прошу вас на первый раз простить добровольца Кузьменко. Вчера

тяжелый день был, люди устали, не все выдерживают...

— У нас каждый день теперь будет тяжелым! — ответил я, искренне не понимая, как люди могут быть такими беспечными. — Боец, заснувший на посту, нарушил присягу! Всякий нарушитель присяги должен быть расстрелян! Мы не будем либеральничать!

Мне показалось, что окружающие не очень верят в реальность обещанного мною расстрела, и я с большей, чем следовало, энергией поднял добровольца с земли, задрав его связанные кисти рук выше плеч.

Доброволец застонал от боли, и я снова гаркнул ему в лицо:

— Ты нарушил присягу! Ты будешь расстрелян!

Я повел его назад, в Штаб, за мной молча пошел Холмогоров, а оба добровольца остались стоять на посту, бормоча, как заведенные: «честь и порядок!», «честь и порядок!», «честь и порядок!».

Мы не успели дойти до пустыря перед садиком, как с той стороны донеслось преувеличенно бодрое:

— Стой, кто идет! Стой, стрелять буду!

— «Панда», — буркнул текущий пароль Холмогоров, несомненно, понимая причины этой демонстрации. Все же слышали, как мы только что орали на проштрафившегося бойца, и никому неохота было попадать под горячую руку начальства.

Я грубо толкнул подуставшего добровольца, и тот покорно зашагал быстрее, тихо постанывая от боли в заломленных руках.

Впрочем, у меня настроение было не лучше — я угодил в ловушку собственной принципиальности. Если утром, уже через два часа, я не расстреляю этого несчастного добровольца Кузьменко, все бойцы узнают, что можно спать на посту, а им за это ничего не будет.

Значит, придется стрелять. Но если у него тут семья, да еще прибегут из домов соседи, устроят плач и стенания, то такой расстрел обозлит людей, а не мобилизует.

Я не знал, что делать, но понимал, что верное решение должно быть найдено, иначе у меня из этих людей получится не боеспособная часть, а пионерский отряд.

У нас не было подходящего помещения для содержания арестантов, и я оставил Кузьменко в саду под присмотром двух холмогоровских курсантов — спокойных, уверенных в себе ребят, которые приветствовали меня без глупого подобострастия, зато тепло и уважительно. На арестанта они смотрели с явным презрением. — слабак!

Я прошел вестибюль и наткнулся на Олега Мееровича — психиатр курил папироску в кресле. Увидев меня, он подошел с очень строгим лицом.

— Доброй ночи, Антон! — сказал он звенящим от напряжения голосом.

Я остановился, понимая, что сейчас последует продолжение. Майор тоже притормозил, с любопытством разглядывая забинтованную голову психиатра — позавчера на крыше доктора здорово поцарапало осколками мин.

— Скажите, любезнейший вождь, всех неприятных вам людишек мы будем отправлять в газенваген? Или сразу в Оку? Должен предупредить — сразу в Оку дешевле, а то бюджет на газовые камеры в этом году правительством еще не утвержден!

Меня ужасно коробил этот душный либеральный юмор, которым дед потчевал меня последние дни, но как заставить психиатра заткнуться, я не понимал. Не стрелять же в него, в самом деле? Хотя, признаю, бывали моменты, когда рука сама тянулась к помпе и, чтобы отменить это неверное движение, мне не раз и не два приходилось кусать губы, чтобы опомниться и остановиться.

— Соратник Антон, я вам нужен? — деликатно кашлянул майор, стараясь не смотреть на психиатра. Не хочет, стало быть, присутствовать при назревающей ссоре лидеров Движения.

Пришлось его разочаровать:

— Вы тоже понадобитсяе, майор. Мы должны принять решение по добровольцу Кузьменко. И мне хотелось бы выслушать ваши соображения. Как и мнение соратника

Ароновича.

Холмогоров насупился, услышав фамилию деда, и мне пришлось представить психиатра поподробнее, чтобы майор и думать забыл демонстрировать здесь свой дурацкий антисемитизм.

— Олег Аронович — комиссар Движения. Специальность — психиатр, может залечить даже разжижение мозга. А еще он очень принципиальный товарищ. Кстати, одинаково метко стреляет с двух рук.

— А-а-а, — промычал в ответ майор Холмогоров. Впрочем, руки доктору не подал.

Аронович бросил на майора презрительный взгляд, но промолчал.

— Соратник Антон! — начал доктор, нависая у меня над головой огромной тушей. — Как, стало быть, комиссар Движения я вам чисто по-нашему, по-комиссарски, советую — остановитесь! Расстрелы только ожесточают людей. Одно дело, когда вы уничтожаете врагов в бою, другое — когда ставите к стенке пленных. А теперь еще, судя по вашим полуночным крикам, и добровольцев наострились пулями воспитывать. Вы растеряете кредит доверия людей еще быстрее, чем получили его. Кстати, и получили вы этот кредит доверия по чистой случайности. Вы — типичный продукт телевизионных технологий, и, если про вас начнут распространять негативную, пугающую обывателя информацию, с вашим Движением будет покончено. Штыком и автоматом рай на земле не построишь!

— Вообще-то задача власти вовсе не в том, чтобы построить рай на земле, — возразил я. — У власти совсем иная цель — не допустить, чтобы жизнь на земле превратилась в ад.

Майор равнодушно выслушал нас обоих, а потом скривил в нехорошей усмешке рот и напустился на «гнилых либералов», которых «в свое время не придушили», и вот теперь из-за попустительства таких, как они, и распустилась в стране всякая подлая дрянь... Тут дед не выдержал и ответил ему, после чего они тут же сцепились в словесной пикировке и очень быстро мне надоели.

На шум в холл вышла Юлия Назаретян в белом больничном халате — накануне вечером я передал ей в подчинение сразу десять добровольцев, ухаживать за ранеными и детьми, и Юлия с готовностью взялась за эту нелегкую работу.

Сейчас у нее было злое, раздраженное лицо.

— Уважаемые соратники, вы чего тут разорались? Вы даже контуженых бойцов разбудили, не говоря уже о детях!

Я взглянул на часы: полшестого.

— Да, господа соратники, закрываем дискуссию...

Психиатр достал папиросу, но закурил ее только с третьей или четвертой попытки — у него заметно дрожали руки.

— Через полчаса постройте весь личный состав, не занятый в караулах, на пустыре перед штабом, — приказал я майору, и тот с подчеркнутой готовностью отсалютовал мне кулаком возле правого виска.

Я также акцентированно отсалютовал ему, потом деду и Юлии и пошел на второй этаж — мне нужна была плотная лента ткани, а там после памятного пулеметного обстрела до сих пор валялись изрезанные пулями портьеры.

Доброволец Кузьменко наконец осознал, к чему ему следует готовиться, — когда я пришел за ним в беседку, он поднял на меня свои печальные коровьи глаза и заблажил:

— Не стреляйте меня, люди добрые! Семья у меня осталась — жена — инвалид и дочка малая... Шесть лет ей всего! Погибнут они без меня! Не стреляйте!

Я молча взял его за плечо, и он взвизгнул от боли — видно, свело судорогой связанные за спиной руки. Вот такого — то визжащего от боли, то умоляющего, испуганного — я провел его по периметру забора вокруг Штаба, а потом вывел на середину пустыря, где уже стояли, построенные в каре, курсанты-артиллеристы и добровольцы Первого корпуса.

Кузьменко послушно встал на колени, и я завязал ему глаза куском портьеры. Потом достал нож и срезал у него с рукава черно-красную повязку Движения.

— Соратники! — закричал я, демонстрируя всем повязку. — Доброволец Кузьменко

этой ночью предал не только нас, своих боевых товарищей. Он предал всех жителей Каширы, доверивших нам свои жизни!

Бойцы стояли недвижимо, но все, как один, повернули ко мне свои головы, глядя на середину импровизированного плаца, где скулил от ужаса доброволец Кузьменко.

Я вынул «Иж» и передернул затвор.

В наступившей тишине стали слышны детские голоса, доносившиеся со второго этажа садика — похоже, мы окончательно разбудили их своими дурацкими криками. Бедные дети, которым не дают поспать разные уроды...

Я не стал затягивать процедуру и зачитал свой короткий приговор:

— Именем Движения! За нарушение присяги! — и трижды выстрелил в землю.

После третьего выстрела я сорвал повязку с глаз Кузьменко и перерезал ножом веревку на его запястьях:

— Ты нам больше не соратник.. Пошел отсюда, чмо!

Кузьменко медленно встал, щурясь по сторонам, потом пошел от меня, осторожно пятясь. Возле строя добровольцев он остановился, потирая затекшие руки, и негромко попросил:

— Братцы, не выгоняйте! Я искуплю! Не выгоняйте! Куда я теперь, а?

Ему никто не ответил, а взгляды бойцов были красноречивее любых слов — внезапно стало ясно, что такое изгнание если и не хуже смерти, то уж точно не лучше.

Кузьменко понуро пошел к жилым домам, к жене-инвалиду и дочке шести лет, но на него уже никто не смотрел — все смотрели на меня.

Я поймал одобрительный взгляд психиатра, не поленившегося явиться на казнь, против которой он так яростно возражал, и снова, в который уже раз, понял, что все сделал правильно.

Тогда я поднял кулак и прижал его к правому виску:

— Честь и порядок!

— Честь и порядок! — взорвалась в ответ сотня глоток, и эхо этого взрыва еще долго гуляло по утренней Кашире.

Глава двадцать третья

— Нас, преферансистов, обвиняют, что мы бездушные люди. Ничего подобного! У нас, например, вчера ротный взял пять взяток на мизере. Его кондратий и хватил. Так мы и доигрывали стоя, — проорал прямо мне в уши улыбчивый парнишка и быстро вернулся к пулемету — стрелять короткими, злыми очередями с шестнадцатого этажа в безликую массу дерьма, еще недавно по ошибке считавшихся хомо сапиенсами.

Шел пятый день штурма областной овощебазы в Ступино, и, судя по диспозиции, с тем же успехом мы могли штурмовать ее еще пять лет. У нас просто не хватало сил перекрыть огромную территорию, занимаемую ангарами этого самого большого в районе склада, — Первый Добровольческий корпус вместе с Фермерским полком под командованием Холмогорова из последних сил держали рубеж на реке Оке, возле поселка Тарасково, и каждый боец был там на особом счету.

А склад был нужен нам позарез — сознательные рабочие, члены Движения с механического завода, сумели отремонтировать два паровоза, и мы даже провели по железнодорожному мосту через Оку состав из пятидесяти вагонов. Но загрузить их крайне необходимыми каширцам продуктами не могли — на ступинских складах держали оборону несколько тысяч мародеров из Кольца Ожидания, и, хотя мы ежедневно убивали их сотнями, туда непрерывной жадной толпой прибывало подкрепление со стороны Москвы.

Их не зря прозвали Крысами Кольца — этих тупых, вечно пьяных или обдолбанных наркотиками животных, зачастую вооруженных только металлическими прутьями и безудержной наглостью. Но их было так много, что эта толпа всегда побеждала, просто потому что была бесконечной.

Впрочем, нас им победить не удалось.

Но и мы не смогли вышвырнуть их со складов.

Это равновесие сил начинало утомлять — и дело вовсе не в том, что за последние пять суток я спал в общей сложности часов десять. Я договорился с Чужим и мог бы вообще не спать, но этого не могли мои бойцы. Они, конечно, поднимали закопченные лица навстречу мне, они с преувеличенной бодростью улыбались, когда я проходил по позициям, а многие даже находили в себе силы встать и выбросить в салюте сжатый кулак, но я понимал, что возможности этих людей ограничены.

Не могут двести человек, даже самых фанатичных, самых преданных сторонников Движения, день и ночь без подзарядки крошить целую дивизию врагов — пусть неумных, пусть омерзительных, но таких уверенных в своем тупом упрямстве, что захватывало дух даже у меня. Например, сегодня утром, когда сразу семьсот Крыс Кольца Ожидания побежали на нас в атаку, используя в качестве оружия стеклянные бутылки с винного склада.

До позиций добежали, конечно, не больше сотни, но эта сотня добежавших перерезала глотки трем десяткам моих людей, прежде чем я с комендантским взводом навел в окопах порядок. Мне потом пришлось вызывать деда, чтобы он хоть как-то вправил ребятам мозги, но все равно без нервных срывов не обошлось — больше десятка человек ушли с позиций, и их до вечера вылавливали патрули, а двое застрелились сами, не выдержав ожидания следующей подобной атаки...

Пятый день осады подходил к концу, когда на берегу, возле штабной БМП, появился курьер Семен из Фермерского корпуса. Я видел, как дежурный указал ему на меня, сидящего на крыльце возле многоэтажки — сидеть на ее крыше и тарашиться оттуда на склады мне уже порядком надоело.

— Разрешите доложить, соратник Антон! — отчеканил курьер, притормозив возле перекопанных взрывами цветочных клумб придомового садика. Семен не стал слезать с седла мотоцикла, и я понял, что дело действительно срочное.

— Крысы прорвались под Тарасково? — спросил я, уже готовый к положительному ответу курьера и заранее его за это ненавидя.

— Никак нет, соратник Антон! — широко улыбнулся Семен, и я понял, что новость будет хорошей.

Так и оказалось.

— Вот письмо... А на словах соратник Холмогоров просил передать, что вы всё гениально рассчитали и что он очень гордится тем, что ему довелось воевать вместе с таким выдающимся полководцем, как вы.

Я озадаченно хмыкнул и распечатал конверт. «Тошка, бляха-муха! Ты вообще охренел там, в Подмоскovie? По телевизору, даже по забугорному, только про тебя и рассказывают, гризли хренов. Натуральный культ личности наблюдаем, ПАСЕ уже волнуется, не только мы.

Кстати, мы тут тоже не лыком шиты. К нам прибилося два батальона внутренних войск Кавказского ВО и весь уцелевший состав Ростовского мотострелкового училища — человек восемьсот. Ну а гражданских мы уже и не считаем — их у нас четыре дивизии, а если припрет, и десять выставим.

Наслышаны, что у тебя сейчас небольшие затруднения, так что прими от нас один батальон мотопехоты в качестве спонсорской помощи. Ну, и пиши, конечно.

Твои товарищи,

Палыч, Валера.

ЗЫ. Извини, но нам пришлось примазаться к твоему Движению — мы теперь называемся Южный фронт движения «Гризли», Так что не удивляйся, если что.

ЗЫ. ЗЫ. Груз в Элисте передавать было уже некому, поэтому с деньгами за работу, увы, облом».

Я счастливо улыбнулся, и Семен, заметив это, опять расплылся в добродушной улыбке.

— Там в Каширу шестьсот ментов приехали — в полном вооружении, с «калашами» и

даже на БТРах. Вас ждут, чтоб, значит, официально перейти в подчинение, — доложил он, и я нетерпеливо заорал, делая к нему несколько быстрых шагов:

— Так чего ж ты стоишь, как член правительства!.. Поехали скорей!

Я уселся на заднее сиденье, и мы рванули через мост в Каширу. Проезжая штабную БМП, я крикнул ребятам:

— Срочно сообщите бойцам на позициях — к нам идет армейское подкрепление! Я приведу его через сорок минут.

— Ура-а-а-а! — раздалось в ответ, и, пока мы с Семеном тряслись через изрытый колдобинами мост, это «Ура!» становилось все более раскатистым и громким, так что даже в Кашире было слышно, хотя Ока в этом месте была широкая, не меньше километра.

Глава двадцать четвертая

Первые две недели октября хмурое осеннее небо как прорвало — вода лилась с небес непрерывным потоком, как будто сама природа хотела смыть всю ту дрянь, все человеческие нечистоты, что заполнили шестую часть суши от Камчатки до Калининграда.

Впрочем, и дальше за Калининградом ничего хорошего не происходило. В Прибалтике, к примеру, мародеры вообще теперь представляли официальную власть — они назывались Лесными братьями, сгоняли в концентрационные лагеря всех коммунистов, евреев и почему-то «зеленых» и подло использовали нашего медведя в качестве символа своей гнилой идеологии. За последние дни к нам в Каширу дважды приезжали парламентарии оттуда, но я каждый раз сажал их под арест и вызывал Сыроежкина — запечатлеть процедуру возбуждения уголовного дела по фактам пропаганды фашизма, а потом процедуру казни обнаглевших фашистов.

А вот в Западной Европе ситуацию удержали, хотя никто из наших в это уже не верил — особенно после того, как двести тысяч французских ракаев с криками «Аллах акбар!» прошли от Парижа до Рима, опять же вырезав по пути всех попавшихся им под ножи евреев, коммунистов и почему-то цыган.

Впрочем, когда последователи «самой мирной религии в мире» сдуру повернули на Женеву, их ждал суровый облом — тихие мирные швейцарцы, которым, правда, закон всегда позволял иметь в домашнем хозяйстве любое оружие, хоть бы и пулемет, встретили мародеров так приветливо, что из двухсот тысяч ракаев в Париж вернулись не больше тридцати тысяч. Конечно, у Наполеона в свое время вернулось еще меньше, но ведь его и не швейцарцы тогда гнали — не считите, конечно, за ксенофобию и расизм...

Потом вдруг проснулись в Германии, оперативно раздав обывателям оружие и приняв Хартию самообороны, позволяющую стрелять в мародеров на месте преступления, потом подтянулись в Испании, создав летучие полицейские отряды специального назначения, а в Англии и вовсе создали в каждом графстве Королевские трибуналы, в двадцать четыре часа выносившие смертные приговоры по мародерам.

Западная Европа все-таки сумела грамотно отреагировать на вспышку насилия, хотя к октябрю даже в Вашингтоне уже публично выражали соболезнования ЕС «в связи с разрушением инфраструктуры и правового пространства».

Черта с два! Эти нежные европейские либералы выстояли, и я радовался за них не меньше, чем за себя. Ведь теперь Ленка, доченька Лизка и Катерина Васильева с обоими близнецами жили в лагере беженцев на военной базе в Лоренто и могли себе позволить звонить хоть каждый час — французские военные, как это водится во всем мире, были совершенно независимы от гражданских проблем, доводящих простых обывателей до истерики.

Зато мне теперь следовало решать все эти проблемы разом, да еще за всех окружающих меня сейчас обывателей.

Я отвернулся от окна и сделал несколько бесшумных шагов по ковровому покрытию кабинета, задумчиво глядя под ноги.

Покрытие было легкомысленно светлым, и соратники из хозяйственной бригады немало потрудились, замывая следы крови и прочего, что там вытекало из «коломенских», пока мы вышибали их из здания заводской управы.

На столе заверещал внутренний телефон, и я гаркнул со своего места:

— Слушаю!..

Раздался щелчок, и бесцветный, ровный голос дежурного доложил:

— Соратник Антон, к вам соратники Михаил и Олег.

— Пропустите,— отозвался я, поворачиваясь к дверям.

Первым вошел майор. Еще с порога приложив кулак к виску, он заорал что есть силы:

— Честь и порядок!

Следом шел Олег Меерович, с кислой миной потиравший правой рукой свой седой висок.

Я не стал делать ему очередного замечания при майоре, но потом решил провести обстоятельную беседу о необходимости соблюдения всех спланированных ритуалов. Впрочем, он и сам все это прекрасно знает, просто выпендривается — независимость суждений демонстрирует. И ведь ничего не попишешь — мне действительно нужны люди, способные говорить о реальных проблемах, а не только о том, что мне нравится.

Но и спуску этим либералам давать тоже нельзя — мы уже слишком хорошо знаем, чем это кончается...

Я акцентированно приложился кулаком к своему виску и рывкнул прямо в лицо психиатру:

— Да, честь!

Он, бедный, аж вздрогнул и рефлекторно повторил за мной:

— Да, честь!

Совершенно удовлетворенный, я указал на стол:

— Садитесь, соратники.

Майор уселся сразу и начал копошиться в своей папке, выкладывая на стол топографические карты, финансовые отчеты и еще какие-то бумаги, а Олег Меерович подошел к окну, посмотрел, как дождь заливает центральную площадь, и озабоченно сказал:

— В городской больнице третий день крышу зала тать не могут. Мне Юля жаловалась, что сразу на четыре этажа, насквозь, протекает.

Я, нахмурившись, уселся в кресло и ткнул кнопку громкой связи:

— Городскую больницу. Главврача Назаретян!

Соединили быстро, и я услышал радостный щебет Юли:

— Антошенька, привет!

Я строго кашлянул, и она тут же поправилась:

— Соратник Антон, честь и порядок!

— Да, честь, соратник Юля! — ответил я. — Что там у вас с крышей? Я еще в понедельник по ней распорядился.

— Антошенька, там такое дело, — зашебетала Юля. — Нашу крышу, если помнишь, прямым попаданием разворотило. Перекрытия снесло сразу в двух местах, там ничего не держится теперь. А твои хозяйственнички, они, конечно, пришли, чаю попили и быстренько все там обычной полиэтиленовой пленкой затянули. Ее, прости меня, конечно, порвало на второй день. Там же надо по-хорошему все ремонтировать, а у меня только семь рабочих на всю больницу — и тех Холмогоров каждый день с обеда забирает...

Майор немедленно дернулся, вскинув на меня встревоженные глазки:

— Соратник Антон, я людей из больницы только на очистные забираю. Вы же в курсе зачем. Если до зимы не управимся, при первых заморозках все в дерьме утонем.

— Конечно-конечно, — услышала его по громкой связи Юля и укоризненно зашебетала: — Очистные вам важны, а то, что в больнице двести раненых в мокрых постелях лежат, вам знать не интересно.

Майор снова открыл рот, чтобы возразить, но я остановил эти дурацкие пререкания:

— Соратник Михаил! В моем распоряжении от восьмого октября был указан срок исполнения приказа о починке крыши — утро двенадцатого октября. Теперь я хочу знать, кто конкретно ответит за неисполнение приказа.

Олег Меерович прошел от окна к столу и сел рядом со мной, с интересом глядя на майора.

Холмогоров чуть побледнел, и я понимал его волнение. Неисполнение приказа карается смертью — без исключений и компромиссов. Иначе нельзя. Иначе будет бардак вместо порядка, который должны наконец получить истерзанные Великой Смутой люди.

— Ответственным за ремонт крыши в больнице был назначен соратник Шарыпов, — тяжело сглотнув, ответил наконец майор.

Повисла неловкая пауза.

— Соратник Антон, вы там что, Юсупа к стенке ставить собрались? — озабоченно пискнула из динамиков громкой связи Юля. — А кто мне проводку в операционной завтра менять будет?

Мне очень не нравилось, что меня вынуждают смягчать правила, которые позволили «Восточным медведям» взять под контроль ситуацию в Кашире, соседнем Ступино и еще двух десятках городов Подмосковья. Тем более я не собирался прощать неповиновение.

Нажатием кнопки я вызвал дежурного, приказал арестовать Шарыпова и содержать под арестом в больничном морге вплоть до особого распоряжения, с разрешением выполнять хозяйственные работы под надзором конвоя.

Юля радостно пискнула:

— Спасибо, Антошенька! В смысле, спасибо вам, соратник Антон! — и отключилась.

Я кивнул майору:

— Времени мало. Давайте работать по повестке совещания. Что у нас там на сегодня?

Холмогоров достал первый листок из стопки, лежавшей перед ним, и зачитал:

— О введении особого порядка управления на Каширском заводе металлоконструкций.

Я наморщил лоб, вспоминая, что там у нас были за ' проблемы, но майор сам все напомнил:

— У них Карел воду мутит, помните? На заводе до сих пор много его людей осталось, саботажничают исподтишка, сволочи. Поэтому есть идея оставить там человек сто — сто пятьдесят, только наших верных соратников, а всех беспартийных и ненадежных выселить в Жилево — там у нас свинарник восстанавливается, рабочие руки очень нужны.

— А сколько на заводе ненадежных людей? — спросил я.

— Беспартийных? Почти пятьсот человек, — с видимым огорчением сообщил майор.

Я перевел взгляд на Олега Мееровича:

— Ну, что скажете, врачеватель душ? Сможем мы без потерь передислоцировать с завода пятьсот человек?

Психиатр покачал головой:

— Да не нужно это. Я там был вчера. Люди на заводе вполне вменяемые, просто говорить с ними надо почаще, чтобы знали, ради чего они работают.

— А то они не знают! — злобно рявкнул майор.

— Соратник Олег, мне нужен реальный анализ ситуации, а не отвлеченные рассуждения, — потребовал я, и Олег Меерович достал из кармана своей камуфляжной куртки замызганный листок бумаги, после чего начал, поглядывая в листок, объяснять:

— Текущий штатный состав завода металлоконструкций — шестьсот пятьдесят человек. Из них только сто пятьдесят получают повышенную норму продуктов, а все остальные довольствуются стандартным пайком.

— Олег Меерович, для вас новость, что мы пока не можем обеспечить повышенной нормой всех жителей?

— Дело не в этом, — отмахнулся психиатр. — Вы знаете, сколько человек на заводе из ста пятидесяти, получающих повышенную норму, являются соратниками?

— Не знаю и знать не хочу, — раздраженно ответил я.

— А вот и напрасно! — вскричал Олег Меерович и с жестом фокусника помахал передо мной своим листочком. — Сто тридцать пять соратников!

Я понял его:

— Вы хотите сказать, что люди эти получают повышенный паек не столько за работу, сколько за то, что они вступили в Движение?

— Иу конечно! — радостно откликнулся Олег Меерович. — При этом работают все в примерно одинаковом режиме. Разумеется, людей раздражает и провоцирует такое положение. Измените его, начните платить людям за работу, а не за демонстрацию лояльности, и волнения прекратятся. И потом, зачем вам вообще такие соратники — они вас потом за чуть больший паек продадут с потрохами!

— Я понял вас, — ответил я и снова вызвал дежурного: — Управляющего, главного инженера и комиссара завода металлоконструкций — ко мне к трем часам! — приказал я дежурному. Тот записал распоряжение и удалился за дверь, отсалютовав кулаком на прощание.

Майор Холмогоров деликатно кашлянул:

— Соратник Антон, в Жилево все равно еще люди понадобятся. Хотя бы человек сто.

Я сделал пометку в настольном ежедневнике.

— В три здесь будет комиссар завода, сядете с ним в уголочке и отберете из списка сотню самых беспокойных.

Психиатр фыркнул:

— А вы не боитесь, что сотня беспокойных устроит вам в Жилево революцию?

— Вообще-то в Жилево расквартированы две пехотные бригады, — усмехнулся майор. — Причем все с Рязанского фронта. Они тыловиков вообще за людей не считают. Так что и рыпаться никому не позволят.

— Вы мне там без перегибов только!.. — попросил я, и майор торопливо кивнул:

— Все будет в рамках Хартии Порядка, не беспокойтесь, соратник Антон.

Выбраться наружу мне удалось только часам к восьми вечера — даже обедать пришлось в кабинете какой-то консервированной дрянью из местных запасов.

В сумерках площадь Порядка смотрелась уже совершенно мирно, даже празднично. Работали двенадцать из двадцати уличных фонарей — для остальных пока не нашли исправных ламп, но и так уже было неплохо. Напротив сияющего огнями здания управления, с той стороны площади, тарахтели в мутной пелене бесконечного дождика бульдозеры, сгребая последний мусор после сноса давно сгоревшего здания мэрии. Там будет построен мемориал Героям Порядка, в том числе семнадцати самым знаменитым «гризли», электрикам Каширской ГРЭС, десять дней оборонявших станцию от пятитысячной армии Маги Казанского. Мы не смогли им тогда помочь.

Мы тогда еще ничего толком не могли, мы сами завязли в боях под Рязанью, откуда на нас перла несметная толпа совершенно невменяемых, но отлично вооруженных беженцев из Краснодарского края. Почему этим бородатым хмырям в карнавальных казацких костюмах нравилось называть себя беженцами, вопрос риторический, хотя формально основания были — их самих выперли с Кубани отряды крымских мусульман.

В результате казаки пошли на Москву, которой, как это сплошь и рядом случалось в российской истории, предстояло ответить за предательство и трусость федеральных чиновников.

Попутно казаки решали национальный вопрос — в тех городах, где они задерживались больше чем на сутки, вырезались все черноволосые граждане, вне зависимости от пола и возраста. Остальных заставляли цеплять штампованные в Китае латунные кресты, каяться в грехах иноверства или атеизма и присягать Православному Кубанскому Синоду и лично Его Превосходительству атаману Малахову.

Каширским «гризли» мы тогда помочь не успели, они все погибли в коридорах станции, но зато от нас не ушел Малахов. Свою раскрученную жирную морду по популярному некогда телевизионному шаману спрятать от народа не удалось, и после разгрома Северного и

Южного Казацких батальонов его с большим воодушевлением выдали нашим патрулям жители Зарайска —городка, где казаки отрезали уши даже грудным младенцам, признанным специальной комиссией инородцами.

Патрульные повесили атамана, причем за ноги, и пока он болтался посреди города на стреле самоходного крана, злопамятные горожане лечили его керосином и мочой, как тот сам любил проповедовать. Но даже эти волшебные средства не помогли всероссийскому шаману дожить до следующего вечера...

Любопытно, что федеральное телевидение, особенно Первый канал, с огромным возмущением прокомментировало новость о казни атамана, целый день демонстрируя видеокартинку с залеченным до смерти Его Превосходительством, а федеральный министр МВД даже выступил с отдельным заявлением, в котором предупредил «некоторых представителей движения Восточные медведи о недопустимости внесудебных преследований российских граждан».

Можно подумать, казаки преследовали российских граждан законно. Впрочем, критика была аккуратной — мое имя в тех репортажах даже назвать не осмелились, а сам факт казни атамана подавался как выходка нескольких утомленных затяжными боями «гризли».

После стабилизации ситуации на Южном фронте мы вернули контроль над Каширской ГРЭС, выбив оттуда казанских боевиков меньше чем за сутки. В результате несчастному Зарайску не повезло второй раз за эту осень, потому что Магу с его правоверными бойцами мы неделю гоняли то от Рязанского, то от Каширского шоссе, в конце концов зажав в клещи у речи Осетр, аккурат у Зарайских окраин. Воспользовавшись оказией, казанские нукеры вырезали там всех белых горожан, объявив эту акцию ответом на первую этническую чистку, поэтому, когда мы снова вошли в Зарайск, жителей там почти не осталось — ни брюнетов, ни блондинов, ни даже лысых. А те, кто выжил,— большей частью поседели...

Олег Меерович потом настоял на тотальном психиатрическом обследовании бойцов Второй Добровольческой бригады, бравшей зарайск, и человек пятьдесят нам пришлось комиссовать, хотя терять почти роту опытных бойцов мне совершенно не хотелось. Увы, эти бойцы, выслушав рассказы немногих выживших аборигенов и в особенности после осмотра реальных городских иллюстраций к этим рассказам, перестали подчиняться приказам и хотели только одного — сровнять с землей сразу два города, Краснодар и Казань.

Как будто дело было только в географических координатах зла, как будто не в нас оно сидит и не нами погоняет.

Дождь вдруг закончился, и я еще минут десять спокойно погулял по площади, наблюдая за строевой подготовкой Гвардейского полка, но потом заметил, что здорово нервирую старших офицеров «гризли», вынужденных отдавать мне честь при каждом моем взгляде на них.

Я вернулся к подъезду управления и вызвал для себя машину. Правительственный гараж находился в пятистах метрах от здания управления, но первый из трех «хаммеров», выделенных в распоряжение Совета Движения, прибыл к подъезду лишь спустя пятнадцать минут, к тому же появившись со стороны набережной, а не гаража.

Я сел рядом с водителем и внимательно посмотрел в его вспотевшее от волнения лицо.

— Халтурил, сукин сын! — сказал я уверенно, и водитель тут же пошел красными пятнами, понунив стриженную под ноль голову.

Внезапно мне пришла в голову очевидная мысль: а жизнь-то налаживается! Ведь если водила не боится выполнять заказы случайных людей, а эти люди не боятся садиться в машину к незнакомцу, значит, кровавая вакханалия последних недель подходит к концу.

— Кого возил? — спросил я, с расчетливым дружелюбием улыбнувшись ему.

Он поднял голову и несмело улыбнулся в ответ:

— Картошку возил. В Жилево. Соседи очень просили. Ну, и мешок картошки дали за работу. Мне ваш секретарь сказал, что вы целый день в управлении работать будете... ну, я и рискнул. Вы меня простите, соратник Антон. Больше не повторится!

— На первый раз прощаю. На второй раз останешься в Жилево до конца года — там

сейчас как раз очень руки рабочие нужны, свиарник строить.

Мы поехали по вечернему городу, и я с интересом принялся смотреть в окна, на сияющие всеми огнями улицы Каширы. Света мы не жалели сознательно, потому что наша ГРЭС, даже работая едва на четверть своей мощности, оставалась избыточным ресурсом для местных предприятий, а продавать электроэнергию в другие регионы было пока невозможно. Самый крупный потенциальный потребитель, Москва, находился в плотном кольце из тысяч, если не десятков тысяч неорганизованных мародерских кланов, терпеливо ожидающих часа, когда они смогут прорваться к жирному белому телу столицы Империи. В зоне, контролируемой этими кланами, не осталось не то что линий электропередач — там, как говорили случайно уцелевшие очевидцы, даже деревья все уже спилили и разобрали по винтику все мосты.

Конечно, нам здорово повезло, что ни одна из беснующихся весной и летом вокруг Каширы группировок не спалила подземное газохранилище и склады ГСМ Литейного завода. По словам хозяйственников, при нынешнем режиме уровне потребления мы могли не волноваться насчет запасов углеводородного сырья еще лет десять и даже экспортировать половину из них без ущерба для своей промышленности и коммунального хозяйства. Кстати, последнюю неделю Аналитическое управление плотно работало над этим вопросом — Холмогоров предложил проложить подземные кабели в те регионы, которые безоговорочно поддерживают Движение, и я признал, что энергетическая дубинка — ничуть не худший аргумент, чем автомат Калашникова.

Впрочем, хотя освещенные улицы и выглядели красиво, до мирной картинки пейзаж за окном не дотягивал — там не было видно ни единой живой души, кроме патрулей Движения, пешеходов и моторизованных — на машинах, выкрашенных в нашу символику: красный с черным.

Отменять комендантский час я еще не решался, несмотря на настойчивые советы Олега Мееровича — он уверял, что такой жест придаст нашим людям «огромный позитивный заряд». А вот Холмогоров опасался, что огромным будет ущерб от ночных налетов — какая-никакая, а преступность у нас еще была, и провоцировать ее рост мне совершенно не хотелось.

Джип въехал в зону партийно-правительственной резиденции, и сразу после ворот КПП город стал похож на ту самую, довоенную сказку — по улицам коттеджного поселка сновали спокойные, но безоружные мужчины, а ярко одетые женщины и веселые дети гуляли без охраны.

Машина остановилась возле крыльца центрального коттеджа, и я, кивнув водителю на прощание, выбрался наружу, потягиваясь и полной грудью вдыхая влажный вечерний воздух.

В коттедже было тихо и сумрачно — прислуга ушла еще в восемь, как положено, а больше здесь никого и не было.

Мне все больше нравились эти тихие одинокие вечера, когда не надо было держать лицо перед соратниками, принимать быстрые, жесткие, но далеко не всегда верные решения, успокаивать буйных поклонников или обезвреживать опасных интриганов. Люди все больше утомляли и раздражали меня, и я с каждым днем все яснее понимал, что эта работа, это каждодневное лидерство в огромном, но таком разнородном людском коллективе однажды сведет меня с ума. К тому же Чужой больше никак не проявлял себя, и я боялся, что он растворился во мне без остатка — это пугало так, что я просыпался ночами, представляя себя огромной, сочащейся слезой, кошмарной тварью, разрывающей на куски всех попадающихся мне под руки людей...

Я быстро разделся и с наслаждением поплескался в душе, напевая там вполголоса гимн Движения. Текст и музыку написал я сам, по настоятельному требованию психиатра — дед ведь поначалу с большим энтузиазмом отнесся к созданию мифов и ритуалов Движения и даже лично написал две главы Хартии Порядка.

Получившийся у меня текст для гимна подходил мало, но психиатру понравился

припев, и он утвердил всю песню целиком.

Первый и единственный куплет нашего гимна полагалось петь с укором, а потом шел припев, который можно было радостно горланить сколько угодно раз подряд:

«Но каждый твой шаг — это новая цель, для тех, кто шагает рядом!

И пусть ты не выполнил все, что хотел, — ты прожил, как было надо!»

До лапидарности и гибкости Михалкова мне, конечно, было далеко, зато была в этом гимне какая-то искренность, густо замешанная на подростковой рефлексии и недетской романтике. В общем, наш контингент эта песня, что называется, «цепляла», и мне нравилось слушать, как ее горланят даже на закрытых семейных торжествах, где демонстрировать лояльность было некому и не перед кем.

Накинув халат, я отправился в гостиную и уселся на диван перед телевизором. Ассортимент телезрелищ стремительно сокращался с каждой неделей — международных спутниковых каналов к концу октября уцелело не больше десятка, а российских и вовсе осталось всего два. Один, интересный только москвичам да подмосковным мародерам из Кольца Ожидания, живописал столичные будни во всей их гламурной красе, а единственный федеральный транслировал не столько новости, сколько бесконечные «круглые столы» да обращения людей, называющих себя политиками. Впрочем, федеральный канал я вечерами посматривал — надо же было знать, когда нас наконец объявят вне закона... Дело явно шло к тому — чем большую силу мы набирали, тем откровеннее нервничали в Кремле, справедливо усматривая в Движении реальную, а не картонную оппозицию.

Вот и сейчас по федеральному показывали потрясающий сюжет: за круглым столом расселось несколько потных образин в дорогих костюмах, а еще одна образина стояла у плазменной панели и водила по ней указкой, с негодованием вскрикивая:

— Посмотрите, это же не наши медведи! Медведи нашей партии носят округлую, короткошерстную морду, а у «Восточных медведей» морды вытянутые и заросшие шерстью!

Пристально глядя на красочные медвежьи морды, красующиеся на панели, один из мужчин вдруг вскочил, отбросив стул, и заголосил:

— Россияне! Вы должны понимать, что за медведя вам подсовывают безответственные экстремисты! Это же медведь гризли, это же американский медведь! Это канадские гризли! Теперь вы понимаете, откуда дует ветер?!

Сумасшедшие комментаторы еще битых полчаса перемывали косточки нашим медведям, и я понял, что ничего нового там уже не услышу. Да и не решали ничего эти говоруны... Судя по тому, что сообщали нам соратники, рассредоточенные в Москве, официальное решение по Движению будет принято ближе к концу года. А пока Кремль довольствовался мелкими интригами, пытаясь натравить на нас соседние самоуправляемые регионы — впрочем, безуспешно. Мы ведь никому зла не делали, но и спуску обидчикам не давали, так что наших людей уважали и привечали на всей европейской территории страны в отличие, кстати, от кремлевских эмиссаров, которых, случалось, и вешали на фонарных столбах, если появлялся достойный политический повод.

Картинка на экране сменилась, и я с изумлением увидел свою перекошенную физиономию — огромный плакат на стене жилого дома. Приглядевшись, я понял, что плакат сделан со знаменитой фотографии Вани Сыроежкина на митинге в Ступино. Это было с месяц назад, в самом конце сентября — мы запустили хлебобулочный комбинат и всем правительством явились на открытие, и в тот же час в город ворвались на десяти армейских грузовиках около сотни заплутавших в Подмоскovie, совершенно спятивших и обкуренных домодедовских мародеров. Я работал по ним из автомата Калашникова прямо с трибуны, где до этого выступал с зажигательной речью, и Ваня снял классный сюжет, который продал потом во все европейские телекомпании.

Впрочем, тогда все соратники отработали на пять баллов — к внезапным проблемам привыкаешь, если они случаются каждый день, а тогда они случались по пять раз на дню,

Не только я, все члены правительства тогда спокойно отстрелялись по вражеским целям с трибуны. И у Вани, кстати, есть еще одна классная фотка с того митинга — там, где

три Матери Совета по Детству стреляют по последней уцелевшей машине домодедовских, и она взрывается с красивым «ядерным» грибом, потому что, как потом выяснилось, эти придурки возили с собой ящик фугасов.

Я включил звук погромче и услышал, что «отвратительный культ личности небезызвестного и так называемого гризли Антона Пожарского достиг Петербургского Самоуправляемого региона. Несколько сотен сторонников движения Восточные медведи» провели митинг, на котором объявили Васильевский остров Автономной территорией, подчиняющейся только Совету гризли и лично Антону Пожарскому. Собравшиеся граждане также публично объявили о введении на острове Хартии Порядка, включающей, как широко известно, Правило Превентивного Убийства. Губернатор Петербургского автономного региона, госпожа Манилова уже заявила, что не допустит распространения в регионе деструктивной идеологии, но признала, что уровень преступности в Санкт-Петербурге действительно угрожающе высок».

Я с интересом просмотрел репортаж до конца и поймал себя на том, что торжествующе ухмыляюсь.

А чего они хотели, эти неповоротливые и лживые чинуши, — чтобы подведомственный им народ скромно и молча угасал, каждый в своей квартире? Так не бывает — инстинкт самосохранения активно протестует, когда в телевизоре раздаются идиотские призывы сохранять спокойствие и толерантность, а за окном кричат жертвы насильников и грабителей.

Не надо врать, господа чиновники, и люди охотно пойдут за вами куда угодно. Но вы же, лживые жабы, не умеете без вранья. Вы всерьез думаете, что, если грамотно наврать, «подгрузить», как вы пишете в своих циничных и потому закрытых распоряжениях, все получится лучше и быстрее.

А вот хрен вам в рожу! Люди, возможно, и впрямь по большей части идиоты, но далеко не все, и вовсе не до такой степени, как вы полагаете. Я вообще уверен, что обычные люди много умнее своих начальников, но пока не готов сказать это вслух, своим соратникам. Потому что не время.

Но я скажу им это потом — когда ситуация выровняется.

Глава двадцать пятая

Меня разбудил ночной звонок, и я, чертыхаясь, нащупал трубку возле кровати и сипло рывкнул туда:

— Соратник Пожарский слушает!

— Здорово, Тошка! — услышал я голос Палыча и сел на кровати, тревожно поглядывая то на часы, то на темные окна спальни.

Было три часа ночи, и за окном, разумеется, было черным-черно.

— Палыч, зараза, дай поспать, — взмолился я, понимая, впрочем, что по пустякам соратник Минин бы не стал меня беспокоить.

— Вставай уже, соратник Антон, бля! — Палыч глумливо хмыкнул в трубку. — Ибо они, бляди, таки вошли в Москву.

— Кто вошел в Москву?.. — не понял я, но тут же встал и пошел в ванную комнату, чтобы вылить на сонную морду холодной воды и стать хоть немного понятливее.

— Крысы из Кольца Ожидания вошли в Москву, с трех сторон сразу, — внятно произнес Палыч, и я немедленно проснулся.

— Ты сам-то где? — спросил я, чтобы выиграть немного времени, соображая, что теперь следует делать в первую очередь, что — во вторую, а что уже можно не делать никогда, потому что это уже совершенно неважно.

— Мы идем к тебе через Воронеж, — сообщил Палыч, и я, плеснув на лицо пригоршню холодной воды, наконец окончательно проснулся и заорал:

— Да иди ты хоть через Тамбов! Ты сейчас где?

— Из Смоленска выдвигаемся. Кстати, чтоб ты знал, Богучарская мотопехотная дивизия, ну, что от нее осталось, тоже вся под нас отошла. В общем, встречай...

Я схватил полотенце и, на ходу вытирая влажную небритую физиономию, пошел в гостиную, где висела карта Всея Руси, позаимствованная еще у штаба Южного батальона Казацкого войска Императора Всея Руси Пророка Малахова.

— «Встречай»! Да тебе только до Калуги сто километров пилить! — возмущенно бросил я в трубку, проведя пальцем по карте и окончательно уяснив для себя ситуацию.

— Можно подумать, ты уже рванул штурмовать Кольцевую! — огрызнулся Палыч. — Мы будем у тебя к десяти утра. Там и решим, что дальше делать. Пиво пока поставь в холодильник, соратничек... — буркнул он на прощание и отключился.

Последние две недели мы поддерживали с ним телефонную связь дважды в сутки, с того дня, когда он вошел наконец в Ярославль, завершив разгром Западного сектора Кольца Окружения. Судя по репортажам западных телеканалов, Палыч там не сильно церемонился — его даже пытались объявить вне закона в Москве, но я сразу сделал заявление, что в таком случае объявляю столице войну, и они подавились своими словами,

К тому времени под началом Палыча было уже не меньше десятка дивизий профессиональных военных — армейские части, брошенные на юге страны федеральным правительством, рвались в бой с такой отчаянной силой, что их приходилось даже сдерживать.

Четыре дня назад мы договорились с Палычем, что он оставит Волгоградский сектор под охраной Второй народной армии Юга (ВНА — Ю), а сам, собрав все оставшиеся части в железный кулак, двинется к нам через Ярославль — там мародеры Кольца Ожидания лютовали уж очень сильно, даже не все армейские разведчики возвращались оттуда...

Уже тогда было ясно, что Москва не устоит, но мы не думали, что эта катастрофа случится так внезапно. У Палыча в Москве были свои информаторы, но они тоже ошиблись в прогнозах — все были уверены, что до зимы армейские части удержат периметр столицы.

Я вытер наконец как следует свою физиономию и уселся в гостиную, возле узла прямой правительственной связи.

Все члены Совета поднимались с кроватей без лишних слов, уточняя лишь одно обстоятельство — сколько у нас есть времени, и, узнав, что примерно шесть часов, облегченно выдыхали в трубку, что едут и будут первыми,

Впрочем, первым, конечно, явился Олег Меерович — я едва пригубил кофе, а он уже спотыкался об казенную мебель в моей гостиной. Ему ведь даже ехать не требовалось — только проснуться и улицу перейти.

Когда приехали все члены Совета Матерей и майор Холмогоров, мы сели кружком вокруг включенного, но, увы, неработающего телевизора и принялись орать друг на друга. Это был уже привычный ритуал, в ходе которого принимались самые быстрые и верные решения Движения — главное, не сдерживать себя и орать то, что считаешь нужным в данный момент.

Быстро выяснилось, что голоса Управляющего Комитета Движения разделились ровно пополам — я, Аронович, Шарыпов и Назаретян считаем необходимым идти на Москву и спасти горожан от неминуемой расправы со стороны боевых крыс Кольца Ожидания, а майор Холмогоров, Мать Щепаква и еще двое соратников из Управляющего Комитета были уверены, что нам стоит выждать, пока крыс не укоротят сами москвичи, и только потом следует вмешаться бойцам Движения, зачищая территорию Москвы без лишних потерь, зато с большим имиджевым плюсом — как спасители, поставившие в этом Великом Ноябрьском Кошмаре последнюю свинцовую точку.

Мы спорили до утра так яростно, что в мой коттедж дважды заглядывали деликатные, но строгие соратники из комендантского батальона и каждый раз просили расписаться в журнале дежурств, что никаких проблем за отчетный период действительно не возникало.

Равенство голосов, даже после этих безумных споров осталось неизменным, и члены Совета согласились дождаться Начальника Штаба Движения Игоря Минина и Главного

Распорядителя Движения Валерия Васильева. Их голоса должны были стать решающими, но они сами об этом еще не догадывались — мы договорились не вести никакой агитации, пока оба руководителя не явятся лично.

К Холмогорову стали поступать донесения от столичных соратников, и он принялся бегать за каждой телефонограммой к себе в коттедж, пока я не предложил переключить телефонную линию на свой номер и не посадить за телефоны обоих своих секретарей.

Так дело пошло намного эффективнее — донесения теперь приходили быстрее, чем мы успевали их читать.

«Соратник Доцент сообщает, что около десяти тысяч мародеров из Южного сектора Кольца ожидания в пешем строю двигаются по проспекту Вернадского в сторону Государственного университета. Видимого сопротивления не встречают. Грабежи совершают организованно, возможно, по заранее подготовленным спискам. Соратник наблюдает из окна своей квартиры, как два десятка человек оцепили магазин Центр-ювелир, но сами не входят, возможно, ждут своих начальников».

«Соратник Стрелок сообщает, что находится на рабочем месте в Торговом Доме Мир Кож в Сокольниках. В составе группы быстрого реагирования частного охранного предприятия принимает меры по защите здания от полутысячи мародеров Северного сектора Кольца Ожидания. С обеих сторон активно используется огнестрельное оружие. Согласно последней информации от соратника, большая часть мародеров Северного сектора (около двадцати тысяч человек) встала лагерем в парке Сокольники и ожидает дальнейших распоряжений от бригадира сектора, некоего Дмитрия Рогозина».

«Соратник Канцлер сообщает, что в Кремле проходит совещание правительства Федерации Самоуправляемых регионов России, правительства Москвы и Бригадиров Кольца Ожидания. Правительственные чиновники просят у Бригадиров гарантий в части, касающейся свободного выхода из города всех жителей. Бригады настаивают на ограничениях, включающих, в частности, запрет на выход для всех представителей силовых структур и чиновникам всех уровней. Этим категориям населения безопасность не гарантируется. Кроме того, в соглашение предполагается включить запрет на выезд из города на автомобилях, а также вводится ограничение на максимальный вес ручной клади, которую могут взять с собой горожане, покидающие Москву. Правительство настаивает на двадцати килограммах, но Бригады Кольца Ожидания пока согласны только на пять».

«Соратник Писарь сообщает, что в данный момент находится на совещании в Кремле, где из официальных лиц присутствуют только чиновники второго эшелона. Первые лица покинули город около двух часов назад. По версии информаторов соратника, на данный момент бригадир Восточного сектора Дмитрий Рогозин является наиболее реальным претендентом на официальный пост Главного Бригадира Кольца Ожидания и Смотрящего за Москвой».

«Соратник Викинг сообщает, что оба батальона столичного ОМОНа отказались подчиняться приказу заместителя министра МВД о разоружении и расформировании и организованной колонной, включающей около пятидесяти грузовиков и десять бронемашин, выдвигаются к Каширскому шоссе. Среди личного состава активную работу ведут агитаторы Движения. Соратник Викинг просит учесть готовность личного состава обоих батальонов немедленно присягнуть на верность Хартии Порядка и лично соратнику Антону. Викинг просит довести эту информацию до всех бойцов Движения, и утверждает, что московские милиционеры готовы к сопротивлению, вопреки слухам об их пассивности».

Колонна Южного фронта Движения прибыла в Каширу за полчаса до десяти, когда по тревоге были подняты и приведены в маршевую готовность все наши восемь мотопехотных бригад.

Палыч, здорово похудевший, но все такой же наглый и уверенный в себе, бодро выбрался из головного БТРа колонны и сразу полез ко мне обниматься так, как будто мы с ним десять лет не виделись. Зато Васильев вылезал из соседнего БТРа намного вальяжнее, чем следовало — он даже сначала неспешно раскурил свою извечную беломорину, протер

очки и лишь потом спустился с брони на землю, отправившись пожимать руки нашим соратникам, выстроившимся на площади перед КПП.

Для соратников Южного фронта мы успели выставить двести армейских палаток, и этого количества действительно хватило, чтобы разместить большинство из наших гостей. Остальные расположились на своей технике — в БТРах, танках и грузовиках. Палыч, конечно, лучший консолидатор всех времен и народов — я и не знал, что на юге страны оставалось еще столько бесхозных войск и техники.

Мы провели еще одно, решающее заседание Совета Движения. Палыч сказал «да» сразу, Валера буркнул свое «да» чуть погодя, так что большинством голосов мы приняли решение идти на Москву.

На гламурную, циничную, глупую, безжалостную, продажную, но все же дорогую нам Москву — просто потому, что пятнадцать миллионов ее нынешних обитателей были не виноваты в том, какие несчастья выпали на их долю. Виноваты были совсем другие лица, но они-то сейчас бодро потели в трансатлантических авиалайнерах, радостно удирая туда, где их не достанет никакое цунами народного гнева.

Лучше всего сформулировала наши общие мотивы соратник Юлия. Она просто напомнила всем, что мы увидели после второго взятия Зарайска, а потом спросила, хотим ли мы увидеть это еще раз, только уже в масштабах столицы.

Желающих, понятное дело, не нашлось. Совет принял окончательное решение, несмотря на яростные возражения соратника Холмогорова, и тогда я с полным правом объявил Всеобщую мобилизацию движения Восточные медведи. На последний, решительный и кровавый бой, как нам всем тогда представлялось.

Глава двадцать шестая

От кровавого сценария нас избавил Олег Меерович. Спокойно наблюдая за суматохой сборов с веранды моего коттеджа, он вдруг бросил мне через окно г. кабинет, где я с Палычем и Холмогоровым уточнял последние детали наступления:

— Соратник Антон, вы опять собрались воевать? А подумать сначала вы не желаете?

Я даже отвечать на этот выпад не стал, так меня утомил психиатр своим бесконечным фрондерством, не Олег Меерович встал с кресла, так что его огромную фигуру стало видно всем в кабинете, и, возмущенно потрясая погасшей папиросой, закричал:

— У вас такой кредит доверия среди населения всей европейской части страны! У вас миллионы соратников в столице! А вы собираетесь брать ее штурмом, как будто вы какой-нибудь Гитлер!..

Услышав знакомую фамилию, которой дед укорял меня с утра до вечера, я привычно поморщился, но психиатр снова заговорил, уже спокойным, лекторским тоном:

— Масс-медиа! Телевидение и радио! Вам достаточно довести до сведения москвичей, что «грязли» идут столицу, и вы уже победитель!

Палыч, Холмогоров и я озадаченно уставились друг на друга, а потом я протянул руку к телефону и вызвал Ваню Сыроежкина со своей командой.

Мы записали четыре варианта роликов, четыре разных обращения к четырем категориям граждан: к простым обывателям, к представителям силовых структур, к мародерам Кольца Ожидания и, конечно, к нашим соратникам.

Пока я вещал на телекамеру, Палыч связался с сочувствующими Движению ребятами из столичного ОМОНа и частных охранников, отдав приказ занять и любой ценой удерживать телецентр и телебашню. Холмогоров позвонил соратникам в МЧС, и они записали по телефону звук всех роликов, обещая немедленно начать трансляцию через динамики городской системы оповещения о чрезвычайных ситуациях.

Потом Ваня выгнал меня из-за стола и уселся за мой ноутбук редактировать и ужимать видеоролики, а потом начал рассылку сжатых видеофайлов через свой спутниковый телефон знакомым радиощикам и телевизионщикам из числа тех, что называли себя «грязли» и не

боялись делать это в Москве.

Олег Меерович спокойно наблюдал за суматохой, снова усевшись в кресло на веранде и попыхивая там папирасой, но при этом он молчал, за что я был ему ужасно благодарен.

Мы выступили на два часа позднее, чем запланировали, но к пятнадцати часам четвертого ноября все-таки вошли в столицу одновременно двумя колоннами — с Каширского и Рязанского шоссе.

У нас не было сомнений, что предстоит тяжелая работа, но когда я довел две свои бригады пусть с боями, но почти без потерь до Павелецкого вокзала, а Палыч по радиации рассказал, что его мотопехотный полк и оба танковых батальона продвигаются вообще без какого-либо сопротивления и сейчас упрутся в Садовое кольцо, я понял, что мы победили.

Мы просто шли по столице и делали то, что считали нужным, — расставляли опорные боевые точки на перекрестках, занимали крыши небоскребов для снайперов, даже вешали на столбах мародеров, случайно попавшихся нам в руки, но все это выглядело несложной прогулкой по сравнению с тем, что мы в реальности ожидали увидеть.

Они сдались заранее, эти некогда грозные Крысы Кольца Ожидания, которыми матери целое лето и осень пугали детей по всей Европе — от Лиссабона до Владивостока.

Как выяснилось, даже самые грозные крысы тут же бегут, если понимают, что с ними не будут разговаривать об их крысиных правах, а будут молча уничтожать, без церемоний и эквивоков.

Несмотря на эпизодически вспыхивающую стрельбу, на улицы города выходили тысячи гражданских, размахивая навстречу нашим колоннам черно-красными тряпицами, лентами или даже невесть откуда взявшимися плакатами с фотографиями лидеров «грязли», а от непрерывного скандирования нашего главного лозунга у меня заложило уши.

«Честь и порядок!», «Честь и порядок!», «Честь и порядок!» — самые разные люди — мужчины, женщины и даже дети — орали эти простые слова с таким неподдельным энтузиазмом, как будто скандирование этих слов само по себе уже приводит к порядку.

Олег Меерович сидел в «хаммере» рядом со мной, и у него был такой гордый вид, как будто он наконец убедил меня отменить смертную казнь.

Еще через час мой джип и бронемашина сопровождения въехали на Красную площадь. Там уже работали люди Палыча, деловито фильтрующие выбегающих из Кремля растерянных погромщиков.

Большую часть тут же укладывали на брусчатку лицом вниз, и уже треть площади была занята огромными людскими квадратами, очерченными по периметру недобро косящими на них автоматчиками.

Я приказал остановить машину возле Мавзолея. Мы вышли одновременно с психиатром, и тут же я увидел Палыча, выходящего из ворот башни Кремля. Палыч шел не один — он вел за собой на оранжевом канате, явно позаимствованном из какого-то оцепления, долговязого небритого человечка с расцарапанным и избитым в кровь лицом.

Поднял глаза повыше, к самому хмурому небу, и сделал вид, что не вижу, кого и куда он тащит, давая возможность Палычу сохранить лицо.

Но Палыч увидел меня и упрямо подвел человечка прямо к нам:

— Знакомься. Это Дмитрий Rogozin. Типа, Главный Бригадир Кольца Ожидания, а с сегодняшнего дня еще и Смотрящий за Москвой. Не поверишь, мы его буквально из вертолета вынули. Почти ведь удрал, гаденыш!

Мне не очень нравились эти незатейливые армейские развлечения с пленными мародерами, поэтому я подошел к главному мародеру поближе и спросил, стараясь увидеть ответ хоть какой-нибудь мысли в его глазах:

— Слышь ты, Лжедмитрий хренов, а ты чего хотел-то?

— Да того же, чего и ты! — вдруг ясно произнес этот мужик и выпрямился во весь свой немаленький рост, презрительно глядя на меня сверху вниз.

Я нахмурился и строго спросил:

— Ну, и чего же я хочу?

— Как и все — свободы для себя и порядка для всех остальных, — гадко ухмыльнулся он, и я тут же рефлекторно выхватил пистолет, взводя курок уже возле его быстро вспотевшего виска.

— Чего он там такого сказал? — не расслышал Палыч, но я отмахнулся, отодвинул его в сторону и, только дважды нажав на курок, ответил:

— Фигню он сказал. Полную фигню. Абсолютную. Нас, короче, вообще не касается.

Олег Меерович вздрогнул, услышав выстрелы, и недовольно скривил лицо:

— А все-таки есть у вас эти комплексы, соратник Антон! Лечиться вам пора. Вы же ненормальный уже абсолютно.

Я спрятал пистолет в кобуру, поднял ладони вверх и, кивнув на площадь, спокойно ответил:

— Да хрен с вами, лечите! Только, чур, уговор — сначала расстреляем всех этих крыс. Иначе нельзя — оставим их жить, а завтра они повторят всё сначала, но с поправкой на последний опыт. Согласны на такой обмен — мое лечение против их жизней?

Олег Меерович надолго задумался, оглядывая то площадь, то труп бригадира, а потом все-таки кивнул:

— Хорошо. Лучше сейчас десять тысяч, чем потом десять миллионов. Простое правило, не правда ли?

Чужой недовольно шевельнулся у меня в голове, и я с трудом заставил его заткнуться.

«Ты ведь спрячешься от деда, дружище?» — спросил я его.

«Только если ты этого захочешь», — тут же ответил он, и тогда я совсем успокоился.

— Хрен с вами, лечите, Олег Меерович. Сейчас отстреляемся, и приступайте! — весело заявил я деду, и он проводил меня долгим, оценивающим взглядом.

Я забрал автомат у ближайшего бойца и передернул затвор.

— Ну что, крысы, — сказал я негромко, оглядывая Красную площадь, — настало время отвечать за все, что вы сделали. А главное, за то, что вы только собирались сделать.

Крысы уныло помалкивали, лежа на бесчувственной брусчатке разбитыми лицами вниз, и я пустил над ними первую, пристрелочную, очередь.

Площадь по-прежнему виновато молчала, и я понял, что снова все делаю правильно.

Я встал поудобнее и начал стрелять так, как учили.

